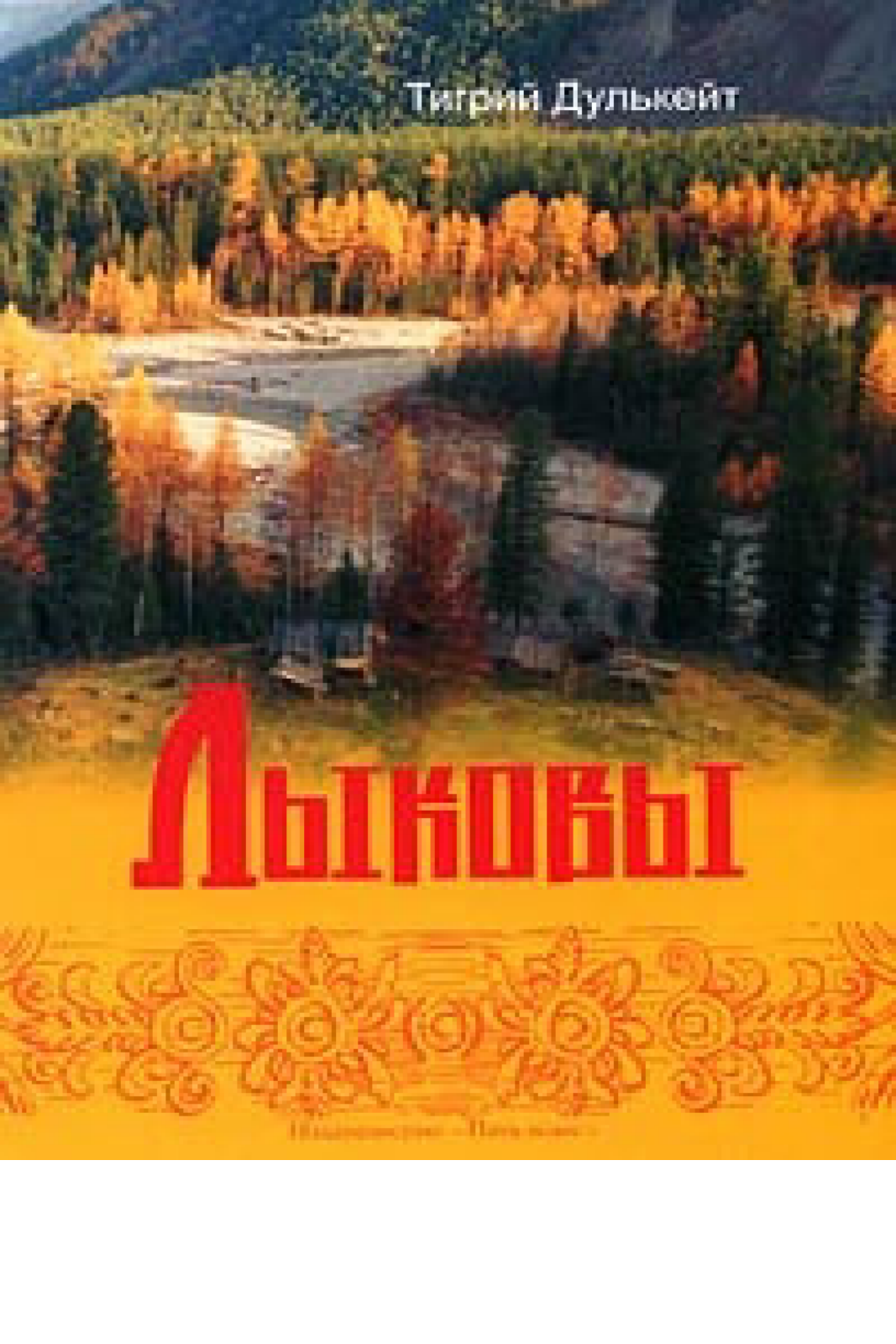

Тигрий Дутькейт

Лыжовы

Публикация — Пана-монтаж

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Повесть о семье Лыковых - русских старообрядцах, волею судьбы проживших несколько десятилетий в уединении в прителецкой тайге и верховьях реки Абакана, удивляет и поражает своей правдивостью. Весь мир узнал об этой семье из очерков корреспондента «Комсомольской правды» В.М. Пескова. Повесть Тигрия Георгиевича Дулькейта - человека, прожившего большую часть своей жизни в этих же местах - искренний рассказ о трудолюбивых, честных, любивших свою землю людях. Трудная жизнь не сломила духа этих исконно русских людей, не сломили их веру и стремления к воле.

Книга будет интересна краоведам, туристам а также широкому кругу читателей.

- От редактора

- Неожиданная встреча охраны заповедника с Лыковыми. Введение в историю взаимоотношений этой службы с семьей Лыковых

- Лыков – несостоявшийся наблюдатель заповедника

- Начало войны. Новые обстоятельства. Начало преследования

- Немного о Лыковых. Раскол. Переселение крестьян

- Царь Петр III. Первый указ в защиту староверов. Екатерина II – начало новых отношений к расколу

- Приход Лыковых на Алтай, позднее на Абакан. Советская власть. Гражданская война. Коллективизация

- Абаканские заимки. Уход дальше в тайгу. Организация заповедника. О некоторых староверах – их отношение к общественному труду

- Начало работы заповедника. Трагедия в поселке На Каир-су. Возвращение Лыковых на Алтай. Еще одна трагедия. Окончательный уход Лыковых в «пустынь»

- Конец войне. Военные топографы. Снова в бега. Поход к Лыковым. Опасности перехода. Очередное исчезновение Лыковых
■
- Поездка сотрудников НКВД на места бывших Абаканских заимок. Первые послевоенные экспедиции. Западные саяны
■
- Работа в экспедициях. Встречи в тайге. Несостоявшееся убийство. Мы с Молоковым в верховьях Бол. Абакана. Зброшенный поселок. Смена директора заповедника
■
- Короткое дежурство на Абаканском кордоне. Ликвидация заповедника. Последняя встреча Молокова с Лыковым. Расставание навсегда
■
- Работа в туризме. Поход группы Штюмера в верховья Бол. Абакана. Встреча с Лыковыми
■
- Приход геологов. Появление в печати различных статей. «Таежный тупик» В.М. Пескова
■
- Тяготы жизни Лыковых в отшельничестве
■
- Поселок геологов. Открытие мира для Лыковых. Взаимные визиты. Очередная трагедия – смерть трех Лыковых. Смерть Карпа Осиповича. Одиночество
■
- Отношение отдельных людей к жизни семьи Лыковых. Последние пожелания
■
- Литература
■
- Фото
■

От редактора

Тигрий Георгиевич Дулькейт (1929–2006 гг.) родился в г. Владивостоке. Позже семья Дулькейтов переехала на Алтай, где отец Тигрия Георгиевича, известный в Сибири ученый-биолог Георгий Джемсович много лет работал руководителем научного отдела Алтайского государственного заповедника.

С детства Тигрий Георгиевич не только знакомится с прекрасной природой Горного Алтая, но, как и другие подростки на селе, рано принимает участие во всех домашних хозяйственных работах – уход за скотом, покос, заготовка дров, огородные дела. Шли трудные военные годы; впрочем, не легче жилось тогда и перед войной, всем было нелегко.

Тогда же он также знакомится с занятиями не только научных сотрудников заповедника, но и с работой наблюдателей из отдела охраны, слушает их рассказы о дальних походах по заповедным уголкам. В 1945 г., в возрасте 16 лет, и он начал свою официальную трудовую деятельность рядовым наблюдателем. Вместе с коллегами из охраны, о которых он очень тепло пишет в своей книге, ему приходилось много времени проводить в горах и тайге, в тяжелых, нередко и просто опасных переходах – они охраняли территорию заповедника от браконьеров и прочих нарушителей. За эти годы Тигрий Георгиевич сформировался как талантливый натуралист-самоучка, большой знаток и ценитель тогда еще почти девственной природы Горного Алтая.

В начале 50-х гг. прошлого века, после первой ликвидации Алтайского заповедника, Тигрий Георгиевич перешел в сферу туризма и более 15 лет успешно работал на Телецком озере старшим инструктором на турбазе «Золотое озеро». По его инициативе и под его руководством разрабатывались и осваивались новые интересные туристические маршруты по горам Алтая.

В 1969 г. его пригласили в г. Бийск, где он возглавил Бийское бюро путешествий и экскурсий, которым руководил до выхода на пенсию в начале 90-х гг. За время работы и в последующие годы Тигрий Георгиевич издал несколько книг – путеводителей по Алтаю, о Телецком озере, а также опубликовал много очерков, статей в периодической печати с рассказами о природе региона и в защиту ее, по истории изучения и освоения Горного Алтая.

В предлагаемой вниманию читателей книге рассказывается о нашумевшей в свое время истории семьи староверов Лыковых. Во время работы наблюдателем в охране заповедника Тигрий Георгиевич вместе с другими наблюдателями не раз пробирался в

далекие горно-таёжные урочища, где жили, скрываясь от людей, гонимые и преследуемые в те годы лесные отшельники Лыковы.

Как раз на время существования «Первого» заповедника, а это были 30 – 40-е гг. прошлого столетия, когда там жил, а позже и работал Тигрий Георгиевич, пришелся наиболее трудный и драматичный период в жизни этой многострадальной семьи. Из рассказов наблюдателей в доме родителей, не раз встречавшимися в те годы с Лыковыми, а в дальнейшем и при совместной работе со старыми наблюдателями в далеких походах, в том числе и в тех местах, где жили или прятались эти отшельники, Тигрий Георгиевич смог многое узнать о превратностях их судьбы.

Еще позже у него была возможность общаться с единственной оставшейся к тому времени в живых младшей дочерью главы семьи Карпа Осиповича – Агафьей Карповной. Ее воспоминания, рассказы позволили дополнить повествование Тигрия Георгиевича многими новыми подробностями жизни и быта семьи в труднейших условиях – не только годами, но и целыми десятилетиями в полном отрыве от человеческого общества, от цивилизации.

Автору книги удалось хорошо описать постоянный, упорный, не грани человеческих возможностей труд этих людей, без чего они не смогли бы выжить в тех неимоверно тяжелых условиях. В ежедневных, тяжких трудах их поддерживала буквально неистовая Вера, дававшая для этого силы.

Многовековые гонения раскольников на Руси, а к ним относились и Лыковы, вплоть до физического уничтожения, не сломили духа этих исконно русских людей, не сломили их веру, их стремление к воле.

Вот об этих незаурядных, великих своим Духом, великим трудолюбием, праведностью русских людей написана Тигрием Георгиевичем эта интересная книга.

Кандидат биологических наук Г.Г. Собанский

Неожиданная встреча охраны заповедника с Лыковыми. Введение в историю взаимоотношений этой службы с семьей Лыковых

В августе 1940 года группа наблюдателей Алтайского государственного заповедника возвратилась из очередного обхода его территории. В этот раз основатели вновь проверили самый отдаленный участок – верховья реки Большой Абакан. Территория Алтайского заповедника в то время была огромной. Общая площадь его составляла более одного миллиона гектаров, и он был в числе четырех крупнейших заповедников Советского Союза. В него входило правобережье Телецкого озера, правобережье его главного притока, реки Чулышман, и верховья реки Большой Абакан (приток Енисея). На всей этой территории сохранялась почти первобытная природа, и здесь, на большей ее части, рука человека ни к чему не прикасалась. Горы, тайга, сотни километров без жилья, и никаких дорог, за исключением таежных троп.

Управление заповедника находилось (находится и сейчас) в поселке с красивым алтайским названием Яйлю. Поселок расположился на самом берегу Телецкого озера в долине небольшой говорливой речки Чеченек. Несколько выше поселка раскинулись широкие террасы, а дальше вековая тайга плотно подступила к этому необыкновенно живописному месту. Южнее поселка – простор Телецкого озера, а кругом – бесконечное нагромождение гор, поросших кедровой тайгой. Здесь, в этом поселке, мы жили в довоенные, военные и послевоенные годы. Мой отец, прекрасный знаток природы, возглавлял научный отдел, и вся информация о природе и деятельности заповедника сосредоточивалась в его руках.

Охрану заповедника и наблюдение за природой осуществляли наблюдатели, в основном опытные таежники, следопыты, охотники. Среди них было немало бывших староверов, которые не очень-то придерживались старых правил и традиций, тем не менее они заметно отличались от обычных православных. Их староверы называли мирскими. По возвращении из очередного обхода наблюдатели сдавали официальный отчет обо всем, что видели и наблюдали в тайге, и почти всегда в первый же свободный вечер приходили к нам и подолгу засиживались, делаясь впечатлениями. Беседы иногда

затягивались до глубокой ночи. Меня увлекали рассказы таежников, и я всегда старался при любой возможности послушать все, о чем они говорят. Эти люди казались мне какими-то необыкновенными, от них веяло чем-то таинственным, и я, если позволяла обстановка, устраивался где-нибудь в уголке и молча слушал, стараясь не пропустить ни единого слова; мысленно путешествовал вместе с ними.

В тот раз пришли все пятеро, кто был в этом многодневном обходе, во главе с начальником охраны заповедника Вячеславом Андреевичем Илличевским. Среди них был знаменитый охотник-медвежатник Данила Макарович Молоков. Этого человека знали многие жители таежных поселений в Горном Алтае и в Западных Саянах, где до коллективизации на отдаленных заимках и в небольших поселках в несколько дворов, проживало много семей. Этот человек особенно увлекал меня: к нему все прислушивались и говорили о нем с уважением. А спустя несколько лет, уже после войны, мы с ним сдружились и, работая вместе в заповеднике, провели многие десятки дней в тайге, охраняя его территорию и участвуя в различных экспедициях. Разговор сразу зашел о таежных людях, которых наблюдатели встретили в верховьях Бол. Абакана. Вот что они рассказывали.

Двигаясь от Абаканского кордона заповедника вверх по долине реки Бол. Абакан, наблюдатели нашли прибитый течением реки к берегу плетешок – небольшую часть ограждения, сплетенного из прутьев ивы. Перегораживая часть протоки или полностью протоку, рыбаки стараются направить рыбу в то место, где установлена «морда» – ловушка, также сплетенная из прутьев ивы. Стало ясно, что выше по течению кто-то рыбачит, хотя они твердо знали, что никаких поселений человека там нет. Посоветовавшись, приняли решение идти вверх по долине реки и там, где позволяет местность, разбиться на две группы и двигаться одновременно по обоим берегам, соблюдая осторожность. На второй день Д. Молоков увидел стоявшего на козлине бородатого человека, который с помощью деревянного крюка подгребал камни для укрепления ограждения. Наблюдатели остановились и стали внимательно следить за его действиями. Нужно было выяснить, один он или поблизости скрывается еще кто-нибудь.

Долина горной реки Бол. Абакан выше кордона заповедника трудно проходима. Как дно долины, так и ее склоны покрывает дремучая тайга с преобладанием кедра. Крутые склоны долины изрезаны многочисленными притоками, везде выходы скал, каменные россыпи, в подлеске разнообразные кустарники, повсюду страшный бурелом. Поверженные ураганными ветрами

или упавшие от других причин таежные гиганты создают неимоверный хаос, и для передвижения по этой местности нужны опыт и сноровка. В лесу травостой скудный, но на таежных елях, как будто вырвавшись из цепких лап тайги, травянистые растения достигают огромных размеров. Дно долины сырое, и большие участки заболочены. Тайга вплотную подступила к обоим берегам и могла скрывать кого угодно.

Присмотревшись, Данила Макарович воскликнул:

– Да ведь это Лыков! Он с давних пор хорошо знал этого человека. Узнали его и другие. Все были удивлены, так как были уверены, что Лыковы, проживающие на верхней кержакской заимке, покинули эти места еще в 1934 году после разыгравшейся там трагедии. В верховьях Бол. Абакана, при впадении в него справа речки Каир-су, в двадцатых годах образовалось небольшое, в шесть дворов, старообрядческое поселение, которое получило официальное название Верхняя кержакская заимка. В поселке проживали Лыковы и их ближайшие родственники. Ниже о судьбе этого поселка расскажу подробнее.

Убедившись, что он один, наблюдатели вышли из укрытия и с винтовками в руках стали осторожно подходить. Лыков, увлекшись работой, вначале не заметил, что к нему подходят люди, но вдруг резко повернул голову, каким-то образом почувствовал опасность и, увидев вооруженных людей, вначале замер, но затем сразу как-то обмяк, из рук его выпал крюк и поплыл по воде. Наблюдатели окликнули его, но он, не обращая на них никакого внимания, снял шапку и стал креститься, творя молитву. Подойдя вплотную к берегу, окликнули его и предложили выйти на берег. Лыков вышел и, упав на колени, стал класть земные поклоны, продолжая шептать молитву. Молоков подошел, взял Лыкова под руку и сказал:

– Карп, вставай, худого не сделаем. Лыков, услышав свое имя, встрепенулся, поднялся на ноги, посмотрел на Молокова и, узнав его, произнес:

– Данила, – потом, окинув всех взглядом испуганных глаз, трепетным голосом спросил: – Убивать будете? Его лицо было настолько бледное, что Молоков, рассказывая об этом, говорил:

– В гроб кладут краше.

Илличевский, пытаясь приобнять Лыкова, стал убеждать, что ничего плохого ему не сделают, но Карп Осипович шевельнул плечами, как бы желая освободиться от прикосновений, и никак не мог успокоиться. Он помнил, что пять лет тому назад люди, называвшие себя наблюдателями, в такой же точно черной одежде, в шлемах, не объясняя ничего, расстреливали их с братом, и что он чудом остался жив, поэтому поверить тому, что

говорят, было сложно. В его глазах стоял ужас.

Вячеслав Андреевич рассказывал, что ему никогда в жизни не приходилось видеть такого взгляда. В глазах Лыкова были и смертельный страх, и мольба, и ненависть. Видимо, он считал, что с ним поступят так же, как с его братом, и он мысленно прощался с белым светом. Постепенно успокоившись, Лыков вяло и не совсем разборчиво стал отвечать на вопросы. В основном его успокаивало присутствие Молокова, которого он знал с хорошей стороны.

Наблюдатели тем временем развели костер и занялись обедом. Лыков в разговоре сообщил, что живут они здесь, однако показать где, категорически отказался. Илличевский и Молоков пытались убедить Лыкова показать, где они живут, заверяя, что ничего плохого не сделают, но Лыков, не переставая креститься, либо молчал, либо отказывался.

После многочисленных попыток убедить Лыкова показать, где он обосновался на жительство, наблюдатели в ультимативной форме сказали, что если он им не покажет, где живет, то они вынуждены будут увести его с собой, мотивируя это тем, что Лыковы живут на территории государственного заповедника, где запрещены всякая охота и рыбная ловля. Лыков стоял, опустив голову, и что-то шептал, тело его временами вздрагивало, как будто кто-то невидимый наносил ему удары. После такого ультиматума, видимо, боясь, что семья ничего не узнает о его исчезновении, Лыков согласился:

– Бог с вами, пойдемте, – произнес он и вновь стал осенять себя крестным знамением. Изба Лыковых стояла на террасе в нескольких десятках метров над уровнем реки в окружении тайги. Можно было пройти в непосредственной близости и ничего не заметить, так искусно она была спрятана среди крупных деревьев. Тропы от реки не было, ходили по каменной россыпи. Рядом, на большой елани, был огород. Когда Лыков в сопровождении наблюдателей появился у избы, жена его от испуга побледнела и упала, лишившись чувств; сынишка Савелий, сидевший рядом с ней, вскочил и мгновенно исчез в тайге; только пятилетняя дочка Наталья вначале ничего не делала, но страх передался и ей. Она, подбежав к матери, расплакалась, и, дергая ее за рукав, кричала:

– Маменька, проснись, убежим! Стоило больших трудов восстановить спокойную обстановку. И только на следующий день, утром, начался деловой разговор. Лыкову объяснили, что убийство его брата – чистое недоразумение, что наказаны все, кто был причастен к этому делу; объяснили также, что такое заповедник, на территории которого он проживает, хотя Лыков об этом прекрасно знал. Словом, разговор состоялся, и теперь

беседовали довольно спокойно. Насчет того, что виновных в убийстве брата наказали, наблюдатели покровили душой. Никто никого не наказывал, да и как наказывать, когда это событие было преподнесено как чуть ли не геройский поступок. Якобы наблюдатели вынуждены были стрелять, защищая себя. Ниже я расскажу подробнее, как все это происходило, а сейчас продолжим разговор.

Вячеслав Андреевич, учитывая то обстоятельство, что Лыков прекрасно знает эти места, предложил ему поступить на работу наблюдателем на Абаканский кордон, расположенный на границе заповедника. После долгих и мучительных раздумий Карп Осипович принял решение и дал согласие поступить на службу в заповедник. На этом и порешили. Договорились, что осенью, когда уберут огород, Лыковы всей семьей переберутся на кордон. Вячеслав Андреевич пообещал пригнать на кордон корову и несколько овец из подсобного хозяйства заповедника, что, естественно, обрадовало Акулину Карповну, жену Лыкова. С этим и ушли наблюдатели. Карп Осипович проводил их до реки. Здесь еще немного постояли, поговорили. Прощаясь, Вячеслав Андреевич сказал, что рыбачить для нужд семьи разрешается сколько потребуется. Это вызвало у Карпа Осиповича улыбку, и он, крестясь, сказал:

– Слава Богу. То, что Лыковы успокоились и поверили обещаниям наблюдателей – заслуга умного и рассудительного Вячеслава Андреевича и Молокова. Именно присутствие последнего, его таежное хладнокровие, мудрость принимаемых решений и умение спокойно, убедительно говорить дали такой поворот делу. Это событие широко обсуждалось у нас в поселке, тем более что среди жителей было немало тех, кто прекрасно знал этих людей и даже находился в родственных связях с ними. Директор заповедника Журавлев одобрил действия начальника охраны по приглашению Лыкова на работу. Было принято решение в следующем, 1941 году, как только сойдет снег на перевалах, перегнать скот и перевезти кое-какое имущество для их семьи.

Кордон заповедника, куда предстояло переехать Лыковым, располагался на сравнительно невысоком левом берегу реки Бол. Абакан, несколько выше впадения в него реки Конуй. Абакан здесь течет в одном русле, и древняя тайга подступает к самой воде. Место живописное, хотя и суровое. Небольшая елань как частоколом окружена вековым кедром. Сразу за кордоном – небольшое пойменное озерко.

На усадьбе были прекрасный двухквартирный дом, небольшая однокомнатная изба, баня и хороший амбар.

Поблизости в тайнике хранился запас продовольствия. По реке мимо кордона невозможно было проплыть незамеченным. Ширина реки около двадцати метров, и даже сидя у окна, можно хорошо просматривать всю ее поверхность. На противоположном берегу, несколько ниже по течению, видна долина правого притока Бол. Абакана – реки Бедуй, по которой граница заповедника уходила в его верховья на Шапшальский хребет. Места богатые. В урожайные годы здесь можно было собирать тысячи тонн кедрового ореха; в реке и по ее притокам было полно рыбы. Хорошие места для содержания пасек. Примерно в трех километрах от кордона, в долине реки Бедуй, на его левом склоне бьет из-под земли горячий ключ с постоянной температурой 38,8. Источник носит название Аржан-су, что в переводе с тюркского означает «целебная вода». С древних времен охотники знали этот источник и его целебные свойства. А на вопросы, каким образом они распознали эти свойства источника, таежники охотно рассказывали легенду, в которой говорилось, что однажды в морозную зиму охотник выследил марала и, подойдя на близкое расстояние, выстрелил, но неудачно – пуля перебила только ногу животного. Марал на трех ногах скрылся в тайге. Охотник стал преследовать его, удивляясь, что марал устремился по прямой линии в определенном направлении. Вскоре на небольшой террасе показались густые клубы пара. Марал, не останавливаясь, вскочил в пар и через несколько мгновений выскочил с противоположной стороны на всех четырех ногах. Охотник не стал его стрелять, поняв, что марал таким образом показал ему целебный источник.

Сюда съезжались больные люди из соседних мест Алтая и Саян в надежде излечиться от самых разнообразных недугов. Но никто никогда не пытался хоть как-то облагородить это место, создать хотя бы примитивные условия для того, чтобы, прибыв сюда, можно было где-то приютиться. Староверы же, поселившись в этих местах, обратили внимание на источник и, убедившись в его целебности, срубили здесь дом, оборудовали ванны и стали собирать небольшую плату за предоставленные теплый ночлег и лечение. Кстати, лечение заключалось в принятии ванн – кто сколько пожелает, при этом ничуть не задумывались о последствиях.

Но это было раньше, теперь ключ находился на территории заповедника, и посещение его строго регламентировалось. Надо сказать, что руководство заповедника не запрещало местным жителям посещать ключ, разрешалось также пасти лошадей, на которых приезжали больные на лечение, и рубить сушняк для костров. Наблюдатели же контролировали соблюдение

установленных правил. Лыков эти места знал великолепно. Каждая гора, каждая долина, особенности климата и, конечно, тайга, словом, все, что касалось этих диких, суровых, но в то же время богатых мест, было знакомо до тонкостей и дорого его сердцу. Начиная от кордона, вниз по реке долина Абакана значительно расширяется, река успокаивается и на протяжении нескольких десятков километров течет спокойно без перекатов; местами настолько тихо, что создается впечатление, что это не река, а гладь озера. А дальше долина вновь превращается в узкую теснину, а река в бурный поток.

Вот здесь, в этих условиях, предстояло Лыковым остановиться на постоянное жительство. Фактически в тех местах, где проживал Карп Осипович с рождения, и охранять эти места от всего, что может помешать нормальной жизни природы. Кордон был связан с управлением заповедника в поселке Яйлю одной тропой, по которой можно было проезжать только на верховых лошадях, поэтому все доставлялось сюда выючным путем. Зимой никаких путей, кроме лыж, не существовало. Расстояние между усадьбой заповедника и кордоном – 60–65 км.

Лыков – несостоявшийся наблюдатель заповедника

В сентябре на кордон с очередным объездом наблюда телей приехал на дежурство и лечение Парфентий Филии монович Казанин. Умный, степенный старовер, типич ный представитель русского крестьянства. Он уже знал, что Лыков должен осенью перевезти семью на кордон, и решил попутно помочь ему устроиться на новом месте.

Казанин находился в родственных связях с Лыковыми.

Его племянница была женой родного брата Карпа Осиповича – Евдокима. Одновременно завезли на кордон муку, соль, сахар и другие продукты для пополнения продовольственного запаса и для семьи Лыковых. Казанин остался на кордоне один и стал ждать прибытия Лыковых. Было оговорено, что за ним наблюдатели придут уже на лыжах. Ему оставили собаку, чистокровную лайку по кличке Товарищ.

Лыков появился, как и ожидалось, в конце сентября. Он приплыл поздно вечером на лодке, нагруженной картофелем. На следующий день картофель перенесли и ссыпали в погреб. Казанин показал Лыкову усадьбу, место, где хранились продукты. Вечером подтопили баньку, попарились, и эти два единоверца, пережившие уже в жизни многое, что называется лихолетьем, проговорили до глубокой ночи. На глазах этих людей рушилось все, что касалось вольной, не зависящей ни от кого жизни. Позднее Казанин рассказывал, что Карп Осипович, истосковавшийся по общению с людьми, расспрашивал обо всем, что творилось в миру, но больше всего интересовался, притесняют ли власти мужиков. Договорились при отплытии Лыкова с кордона, что дней через пять-шесть он снова спустится с овощами. Казанин сказал ему, что продуктов завезли порядочно, и он может взять домой, сколько надо, но Лыков от всего отказался и взял только соль.

Вскоре погода испортилась, подул холодный ветер, начались дожди, слякоть. Лыкова не было. Не появился он и тогда, когда погода менялась и наступали короткие просветы в ненастье. А с наступлением зимы, когда Абакан сковало льдом и повалил снег, Казанин понял, что теперь до весны Лыков не появится. Парфентий Филимонович оказался в затруднительном положении. Кругом молчаливая тайга, зима, и он один в окружении гор, заваленных снегом. А в управлении заповедника были спокойны, думая, что он не один, и поэтому не волновались.

В ноябре внезапно исчезла собака. Поздно вечером в темноте она подавала голос, а утром ее не оказалось. Снега было еще сравнительно немного, но в ту ночь, перед утром, пошел обильный снегопад, и обнаружить какие-либо следы собаки Казанин не смог. Было непонятно, ушла ли она или погибла где-то рядом. Теперь вся надежда оставалась только на себя. Надо было сидеть и ждать. Одному уходить нельзя – возраст, больная нога, десятки километров горной тайги и перевал. Да и на лыжах практически не хаживал изза поврежденной в молодости ноги.

Собака появилась у нас в поселке, как потом выяснилось, спустя дней пять, как ушла с кордона. Была она исхудавшая, сильно хромала на переднюю ногу, где была кровоточащая рана, и вообще была какая-то измятая. Как лайка прошла эти 65 километров по тайге, по уже глубокому и рыхлому снегу, да еще через перевал Абаканского хребта, сказать трудно. Судя по ране, пришлось ей в схватке с кемто отстаивать свое право на жизнь.

Руководство заповедника поначалу особенно не забеспокоилось, зная, что собака не Казанина, и, видимо, ей надоело, и она ушла домой в Яйлю. Тем более все были уверены, что Казанин не один.

Но, несмотря на это, казалось, логическое рассуждение, было принято решение идти.

Ноябрь, декабрь – самое тяжелое время в горах для ходьбы на лыжах. Снегу много и он еще не слежался, и провал лыж доходит до 30–35 сантиметров. В такое время никто в горах не ходит. А идти надо. Через два дня отряд, в составе которого был сын Казанина, Харлампий, наблюдатели Данила Молоков, Николай Будуев, препаратор музея заповедника Ефим Калашников, начальник охраны Илличевский, выбрав кратчайший путь, ушел на Абакан. Возглавил отряд зав. научным отделом Г. Дулькейт.

На четвертый день поздно вечером, в полной темноте участники похода вышли из мрака тайги прямо к кордону и, увидев огонек в окне избы, облегченно вздохнули. Услышав голоса, Казанин выскочил из жарко натопленной избы и в свете, падающим из окна, увидел людей в покрытой снегом одежде. К радости всех, Казанин был жив, здоров и беспрдельно обрадован приходом людей.

Несмотря на страшную усталость, участники перехода держались бодро, все стали снимать лыжи, котомки, стряхивать снег с шапок и одежды, не переставая громко расспрашивать о здоровье, о житебытье и, естественно, о Лыкове, которого также предполагали увидеть здесь. Из рассказа Казанина стало ясно, что Лыков, видимо, не управился с переездом, а холодная и дождливая погода не позволила перевезти картофель,

предназначенный для посадки на следующий год. Решено было отдохнуть два-три дня, сходить на горячий ключ и половить в Абакане рыбу. После плотного ужина и горячего чая повалились все кто куда и вмиг заснули богатырским сном.

Это было время, когда сибирские реки не были скованы плотинами; когда не рубили кедр, и не было такого варварского сплава леса по рекам; когда огромные косяки рыбы свободно чувствовали себя в родной стихии, определенной природой. Енисей и все его притоки, пойменные озера, старицы буквально кишели рыбой. При правильном ведении рыбного хозяйства он мог бы кормить рыбой всю Сибирь. Верховья Абакана – большого притока Енисея – круглый год изобиловали рыбой, и рыбалка здесь доставляла огромное удовольствие.

Спали долго. Днем совершили выход до Горячего ключа, где искупались. Зимой вода кажется горячее, и купание доставляет необыкновенное наслаждение, если не считать того, что после купания приходится выскакивать на мороз и надевать холодную одежду. Не пожелавшие идти на ключ за это время продолбили во льду лунки и поставили несколько сеток под лед.

На следующий день, утром, проверять сети пошли все. Улов оказался более чем приличный: небольшой таймень, несколько ускучей, три сига, шесть хариусов и два налима. Не успели подойти к избе с пойманной рыбой, как обратили внимание на идущего на лыжах по заснеженному льду бородатого человека. Это был Лыков. Подойдя ближе, он в нерешительности остановился. Парфентий Филимонович окликнул его, и только после этого Лыков не спеша подошел, снял шапку, перекрестился и, поклонившись, поздоровался со всеми, не подавая руки. Так произошла очередная встреча Лыкова с людьми из «мира».

Забегая вперед, надо сказать, что это была последняя встреча Лыкова с людьми в непринужденной, без всяких подозрений, обстановке. Лыкова пригласили в избу, где начались разговоры. Беседа шла очень оживленно. Всех интересовал и сам Лыков, и его семья, условия проживания, поэтому была масса вопросов к нему, да и Лыкова интересовало многое. Надо сказать, что тогда Лыков не представлял какой-то диковинки, и говорили с ним, как говорили бы с любым человеком, с которым не виделись несколько лет.

Свой приход Лыков объяснил необходимостью сообщить, что из-за погодных условий не удалось перебраться, и обещал уже в апреле спуститься на кордон, посадить огород и после этого перевезти семью. Лыкову теперь уже официально сказали, что вопрос о его приеме на работу решен. Ему показали усадьбу, подробно объяснили его права и обязанности и подтвердили, что

в начале лета пригонят корову и несколько овец. В беседах оговорили многое, связанное с переездом и устройством на новом месте.

Несколько раз начинали разговор с предложением перебраться в поселок Яйлю, ближе к школе, однако Лыков, родившийся в этой прекрасной горной тайге и всю жизнь проживший вольной жизнью, деликатно отклонял подобные предложения, ссылаясь на разные причины, в общем-то не особо значимые. Немаловажной причиной было также и то, что здесь, в тайге, похоронены и спят вечным сном его родители, братья, сестры и другие близкие родственники. События не столь давних времен, конечно, тоже настораживали его. Вечером подтопили баню, на следующий день проводили Лыкова и стали собираться в обратный путь.

В течение всей зимы наблюдатели трижды посещали кордон с целью дежурства и обхода территории, но нигде никаких следов человека больше не встретили.

Весной 1941 года, как только появилась возможность, наблюдатели прибыли на Абаканский кордон, но никаких следов Лыкова также не обнаружили. Все было нетронутым, хотя Лыкову разрешалось брать продукты и пользоваться инвентарем. Судя по всему, он здесь больше не был. Оставшиеся на дежурство наблюдатели так и не дождались его прихода. Об этом сообщили дирекции; все терялись в догадках. Было решено после спада коренной воды посетить Лыковых и выяснить причину его исчезновения.

Лыков не появился и к середине июня, когда все сроки посадки огородов давно миновали; значит, что-то изменилось. Что послужило причиной того, что он передумал выходить, что могло его отпугнуть, сейчас сказать трудно. Возможно, он с самого начала в душе не мог принять твердого решения и колебался, поэтому в его разговорах всегда чувствовалась нерешительность и создавалось впечатление, что чего-то он не договаривает. Но Илличевский, например, говорил, что пройдет время, и все встанет на свои места, главное, нам, т. е. администрации заповедника, и вниманием окружить, и не допускать ничего того, что могло бы послужить для Лыкова разочарованием.

Начало войны. Новые обстоятельства. Начало преследования

Но судьба распорядилась иначе. Начавшаяся 22 июня война перепутала все планы, все добрые замыслы. Лыков мгновенно перестал быть фигурой, о которой думали, за которую переживали. Было уже, казалось, не до него, тем не менее недавно назначенный новый директор заповедника Осиевский пытался организовать выезд к Лыкову с целью помочь ему переехать и устроиться на кордоне.

Однако мобилизация на фронт была массовая, так что посылать было некого. Конный нарочный, добравшийся до Абаканского кордона, снял дежурных; все, что было возможно, прибрали, спрятали и в срочном порядке покинули кордон. Началось суровое время.

К концу лета 1941 года сотрудники НКВД взяли на учет все одинокие заимки, стоящие вдали от населенных пунктов, и установили строгий контроль за всеми, кто там проживал. Это делалось с целью исключить места, где бы могли скрываться те, кто дезертировал из армии или отлынивал от призыва. Естественно, обратили пристальное внимание на район Телецкого озера и в особенности на заповедник, как наиболее отдаленный и глухой, где было до десятка кордонов, причем в таких местах, куда по тем временам попасть было довольно сложно. Кроме кордонов заповедника на левом берегу озера были одинокие поселения и два небольших поселка, в которых жили, как в то время говорили, единоличники, а в северной его части, в десятке километров от берега высоко в горах находился золотой прииск. Берега озера, долины его притоков и все окружающие озеро горы покрыты дремучей темнохвойной тайгой, в которой скрываться можно было годами, и никто бы не знал, поэтому эта часть области была под пристальным вниманием органов государственной безопасности.

По Телецкому озеру в те годы курсировал единственный пароходик, принадлежавший заповеднику. Тихоходный, немного шумный и заметный на большом расстоянии. Топливом для него служили обычные дрова, поэтому на пароходе были ручные пилы и топоры. И если не хватало топлива, причаливали в любом месте, пилили плавник и плыли дальше. Из трубы валил дым, а в то время, когда кочегар шуровал в топке, сноп икр поднимался

высоко в небо, и в ночное время он был особенно виден. Но регулярных рейсов не существовало. Больше никаких моторных посудин не было и, в случае каких-либо поломок у парохода, связь по озеру сводилась к нулю. Только весельные лодки, вот и вся связь. По берегу ни троп, ни дорог, только в северной части таежная тропа по горам правого берега шла примерно 28 километров от села Артыбаш до поселка Яйлю.

При обсуждении вопроса о кордонах заповедника, глухих местах, где в таежных избушках могли находить пристанище дезертиры, вновь заговорили о Лыковых. Сотрудники НКВД посчитали подозрительным, что он вдруг исчез, и стали настаивать на его выселении из тайги любыми средствами. Возражать было бесполезно, а по военному времени и опасно, хотя дирекция заповедника была уверена, что Лыков в силу своих религиозных убеждений никого не примет и не предоставит никому убежища. Однако возраст Лыкова был призывной, и он обязан был, по существующему закону, принять участие в защите Родины. Это было, разумеется, законное требование, которое должны были ему предъявить и мобилизовать в действующую армию.

Выполняя указ о ликвидации отдаленных заимок, руководство области решило сформировать отряд из пограничников и сотрудников НКВД с целью совершить рейд и проверить огромную таежную часть заповедника на предмет того, не скрывается ли кто в глухих местах и найти Лыковых, вывести их из тайги, хотя бы они того или нет. К выходу в поход отряд готовился в поселке Яйлю, и вся подготовительная работа проводилась под непосредственным руководством Д. Молокова, которого администрация назначила проводником; помогал ему в подготовке его сын Перфилий.

В ясный день конца августа отряд вышел в путь. Им предстояло по таежной тропе добраться до кордона заповедника, перевалив Абаканский хребет, где сделать остановку. Отсюда совершили выезды до поселка Тиши с целью навести подробные справки обо всех, кто здесь проживает, о том, не приходилось ли им видеть в этих местах кого-либо из незнакомых людей. Подробно расспрашивали обо всех, в том числе о Лыковых. Жители поселка говорили, что Лыковых уже давно никто не видел, и, как они думают, они ушли на реку Лебедь. Однако один из жителей Тиши уверенно сказал, что Лыков, как он считает, никуда не уходил и проживает по-прежнему где-то в верховьях Абакана. Но речь шла не только о Лыковых – его местонахождение знали точно – но и о других семьях, которые, видимо, вызвали подозрения.

После кратковременной остановки на кордоне двинулись дальше и вступили в наиболее сложный для продвижения район. Из разговоров вечерами у костра, из многочисленных расспросов Молоков понял, что с Лыковыми особенно церемониться никто не собирается. Ему по-человечески было жаль их. Он прекрасно понимал, что та обстановка, какая сложилась в стране, да еще в период войны, ничего хорошего Лыкову не сулит. Начальник похода сказал Молокову, что если они его найдут, то дадут ему несколько суток на переезд в какой-нибудь поселок, по его усмотрению, и пусть попробует не выполнить. Но забирать его и уводить с собой никто не собирался. Позднее Данила Макарович, рассказывая нам о том походе, говорил:

– Могли и порешить его там в тайге. Однако в этот раз Лыкову помог, как говорят в народе, его величество случай. Мелькавший среди деревьев отряд военных Лыков заметил на сравнительно большом расстоянии, мгновенно скрылся в прибрежных зарослях и стал наблюдать. В этом месте река делала довольно спокойный поворот, что и позволило Лыкову увидеть отряд на приличном расстоянии и какое-то время наблюдать за его действиями. В этот день он рыбачил примерно в двух километрах от дома ниже по течению реки и незадолго до появления отряда собрался идти домой, так как шло дело к вечеру. К счастью Лыкова, отряд остановился и стал устраиваться на ночлег. Убедившись, что они дальше не пойдут, он поспешил домой.

Карп Осипович не знал, что это за отряд, куда идут и с какой целью, но усмотрел в этом недоброе. Понимая, что они могут знать, где они живут, и вряд ли пройдут мимо его жилища, он принял решение увести семью и временно скрыться. Обдумывая создавшееся положение, Лыков понимал, что в его распоряжении только ночь, немного утра. За это время успели сделать многое. Кое-что спрятали и, прихватив необходимое, всей семьей ушли в глухой распадок, где укрылись в сухой пещере.

Встреча Молокова с Лыковым состоялась через день в то время, когда Молоков гнал ушедших за ночь лошадей. Внимательно следивший за всем происходящим Лыков увидел и узнал Молокова и, убедившись, что тот один, окликнул его. Разговор шел недолго, но за это время Молоков успел подробно рассказать, к великому удивлению Лыкова, о начавшейся войне с «германцем», о постановлении по ликвидации отдельных заимок и о возможном блуждании по тайге дезертиров. Сказал также, что остановились они рядом с его домиком, на что Лыков ответил, что он видел, как они расседлывали лошадей. Молоков посоветовал Лыкову после ухода отряда уйти из тайги и

поселиться либо в поселке Тиши, где он вырос, либо в любом другом таежном поселке, которых в то время было много. Молоков предупредил, что если он будет скрываться, то рано или поздно его найдут, и тогда спастись будет практически невозможно. Особо обратил внимание на то, что во время войны особенно не церемонятся с теми, кто не выполняет указаний военного времени. Лыков внимательно слушал его, согласно кивал головой, приговаривая: «едак, едак». Молоков также сообщил, что пробудут они здесь один день и уйдут вверх по Абакану. На том и расстались. И до следующей встречи с людьми пройдет ровно пять лет.

Отряд ушел, а Лыковы вновь остались один на один с тайгой, с суровыми горами. И если раньше было какое-то относительное спокойствие, то сейчас тревога и страх прочно охватили взрослых Лыковых, и избавиться от этих хватающих за сердце чувств было невозможно. И в который уже раз они рассуждали, что делать? Как быть? Они понимали, что с каждым подобным случаем ухода от людей положение для них становится более угрожающим. Ладно, в этот раз Бог дал, вовремя заметили, да и Молоков помог укрыться.

Прекрасно понимая, что в этом случае для главы семьи удалось избежать верной гибели, а, может быть, и для всего семейства, Лыковы принимают решение уходить. И вновь в бега – дальше, дальше в тайгу, в «пустынь», чтоб ни одна душа не ведала, куда ушли, где обосновались.

Справедливости ради следует сказать, что жена Лыкова Акулина Карловна, в девичестве Дайбова, не всегда и не во всем разделяла точку зрения главы семьи и в разговорах всегда предлагала уйти в Тиши. Больше всего ей хотелось перебраться в благодатные места на реку Бию, в родное село Дайбово, где родилась в 1905 году в зажиточной семье Карпа Дайбова. Это село основал в 1828 году ее прапрадед Никифор Дайбов, по фамилии которого и получило оно название. Но со стороны мужа Акулина Карловна всегда получала категорическое «нет», и доводом к этому было:

– Сгинем, вон сколь людей загубили, за что? Евдокима убили и нас изведут! И трудно было с этим не согласиться. Великолепно зная эти места, Лыков решает уйти в самое верховье реки, при впадении в нее слева реки Еринат. Кругом горы, скалы и три глубоких ущелья, из которых вырываются горные реки, образуя реку Бол. Абакан.

Там, где решили обосноваться, дно долины сравнительно широкое; с небольшого прилавка хорошо видно, что с трех сторон, полукругом, склоны гор – сплошные скалы, а если

посмотреть вверх по реке Еринат, видна в скалах узкая щель, «щеки» которой абсолютно отвесны. Из этих ворот вырывается из объятий ущелья грохочущий Еринат и, пошумев по каменному руслу, вливается в Абакан. Дальше пути нет, идти некуда. Сюда и ушли. И опять растворились в необъятных просторах суровой тайги Западных Саян.

Немного о Лыковых. Раскол.

Переселение крестьян

Так кто же такие Лыковы, откуда они появились в этой дремучей, глухой тайге, и почему о них так много говорилось? Мы постараемся в какой-то степени проследить жизненный путь этих людей до того времени, когда вновь, теперь уже в наше время, о них заговорили.

Надо сказать, что Лыковы ничем не выделялись из тех, кто свято хранил старый уклад жизни, кто твердо был верен старой вере. Трудолюбивы, как все русские крестьяне. Посевами зерновых культур, выращиванием овощей, переработкой урожая с помощью мельниц, крупорушек, уходом за скотом, лошадьми, содержанием пасек – всем этим владели в совершенстве. Память их надежно хранила все, что требовалось делать в домашнем хозяйстве. Эти навыки передавались из поколения в поколение.

Судьба Лыковых трагична. Целая цепь обстоятельств сложилась так, что глава семьи Карп Осипович Лыков, на глазах которого безнаказанно убили брата, когда насильственно сгоняли в артели, когда беспричинные аресты безвинных людей буквально поразили великую Россию, принял решение уйти в «пустынь», тем самым пытаясь спасти жену, детей от верной, как он считал, гибели.

Здесь я хочу, перед тем как приступить к более подробному рассказу о судьбе семьи Лыковых, еще раз сделать отступление. Для того чтобы в самых общих чертах объяснить всю трагедию русского крестьянства, необходимо совершить экскурс в далекий XVIII век.

Когда Россия была потрясена церковными реформами, на века разделившими русских людей на почве, в общем-то, казалось бы, незначительных изменений в обрядах служения Богу. Это было великое потрясение. Реформы не оставили равнодушными никого. Большая часть населения России со временем согласилась и покорилась реформам, а непокорные, не принявшие нововведений, спасаясь от жестокого насилия, кинулись в бегство в места глухие, незаселенные – как они сами говорили, в «пустынь».

Лыковы – одна из древнейших фамилий на Руси. Происхождение ее объясняется довольно просто. Лыко – это сырье, одно из основных в крестьянском хозяйстве, известное еще с глубокой древности. Это внутренняя часть коры молодых лиственных деревьев, преимущественно липы. Из лыка плели

различные предметы домашнего обихода: короба, корзины и широко известные лапти. Практически все крестьяне носили эту простую и в какой-то мере удобную обувь. Нетрудно догадаться, что большие мастера заготовки лыка и плетения рано или поздно получали прозвища, которые со временем превращались в фамилии. И фамилия Лыков была широко распространена на Руси.

Особенно известной стала эта фамилия после того, как князь Б.М. Лыков в числе семерых известных в России бояр в 1610 году образовал правительство «Седмочисленные бояре» и совершил акт измены, тайно впусив в Москву польские войска. Однако говорить о каких-то родственных связях с Лыковыми, о которых идет речь, я не собираюсь, хотя бы потому, что это невозможно. Лыковых много.

Спустя сорок с лишним лет, в 1653 году, патриарх Никон, с согласия царя Алексея Михайловича, приступил к проведению церковных реформ, которые потрясли всю Россию. Эхо этих реформ откликалось веками. Реформы заключались в исправлении ошибок, допущенных при перепечатывании книг; двуперстие заменялось троеперстием; «аллилуйя» стали произносить не дважды, а трижды, и земные поклоны заменились поясными. Вот, казалось бы, в основном и все с точки зрения рядового обывателя. Но сейчас, спустя столетия, в результате исследования и тщательного изучения становится ясным, что надобности в таких реформах не было. Иноземные переводчики, привлеченные Никоном к исправлению допущенных ошибок, практически не исправили погрешности в текстах, а существенно исказили их, что вызвало бурю негодования и привело к вековой вражде.

Мы не собираемся вникать в тонкости этих реформ – это бесполезно, да и что дадут наши с вами рассуждения? Сейчас другое время, и приходится только сожалеть, что в результате этих реформ Россия потеряла многое в своем, в первую очередь, культурном развитии. Но справедливости ради следует сказать, что реформы были направлены не против православной веры, а на изменение некоторых обрядов.

Несколько членов существовавшего тогда кружка «Ревнителей благочестия» выступило против реформ. Протопоп Аввакум, известный впоследствии вождь старообрядчества, и некоторые другие считали, что именно русская православная церковь сохранила «древнее благочестие», поэтому твердо выступили против реформ. Все их попытки переубедить патриарха Никона не возымели действия. Протопоп Аввакум и Даниил, письменно обратясь даже к царю, пытались сохранить

двуперстие и земные поклоны, но ничего из этого не вышло.

Постепенно разногласия приняли довольно резкие формы. Сторонники старой веры начали подвергаться жестоким преследованиям, и наступил так называемый раскол. А Церковный собор 1666-1667 годов предал старообрядцев анафеме как еретиков. После этого собора наступило страшное время. Запылали костры сжигания и самосожжения целых семей, включая младенцев, и в очередной раз многострадальная русская земля была обильно полита кровью.

Среди людей, которые выступили против реформ и остались верны старой вере, было немало очень богатых и влиятельных бояр, которые даже под страхом смерти и лишений не отреклись от старой веры и пошли на эшафот, показывая двуперстие. Такой была известная боярыня Ф.П. Морозова, ее родная сестра Е.П. Урусова и жена полковника стрелецкого войска М.Г. Данилова. Все трое за «противление» царю, патриарху и преданность старой вере были арестованы, закованы в железо и увезены в город Боровск, где приняли мучительную смерть. Они были заморены голодом в подземелье.

Это событие не могло остаться без внимания, и их гибель явилась темой для создания различных повествований и картин. Протопоп Аввакум написал на смерть этих уверенных в своей правоте женщин, как говорили современники, «прочувственное» – «О трех исповедницах слово плачевное», а значительно позже, в 1887 году, выдающийся сибирский художник В.И. Суриков создал бессмертное полотно «Боярыня Морозова», благодаря которому о ней узнал весь мир. Говорят, когда показали эту картину Лыкову, он долго молча и внимательно разглядывал ее, потом, тяжело вздохнув, сказал:

– На муки везут. И действительно, на муки. Много мук выпало на долю русского народа, в основном от власти, людьми поставленной. О страшных жестокостях, о гибели людей писал Аввакум в своих письмах со свойственной ему прямоотой: «А по Волге той живущих во градах и селах и в деревеньках тысяща тысящами положено под меч, не желающих принять печати антихристовой».

Аввакум выступал против пьянства, обмана, разврата, он являлся выдающимся писателем того времени. Его главное произведение «Житие» можно отнести к числу выдающихся автобиографических произведений.

После гибели протопопа и его сподвижников – они были сожжены в 1682 году по указу царя – старообрядцы потеряли своего идейного предводителя, и официальная борьба, можно сказать, практически закончилась, сторонники старой веры

оказались предоставленными сами себе. И только тогда, когда вспыхивали крестьянские волнения, где выдвигались лозунги в защиту старой веры, раскольники шли под эти знамена в надежде вывести народ православный из «царства антихристово».

То, что протопоп Аввакум принял мученическую смерть, знали все, но как и при каких обстоятельствах, знали немногие, и со временем о его гибели стали в народе бытовать различные легенды, одна страшнее другой. Одни уверяли, что его четвертовали, другие говорили, что повесили, и т. д.

Как-то еще в молодости мне пришлось ночевать в тайге с одним старичком, умным, степенным старовером по фамилии Саночкин. Мы были вдвоем. Ночь была тихой, теплой, и мы сидели у костра очень долго: вокруг нас в свете костра видны были столетние кедры и пихты. Говорили о многом. Саночкин, узнав, что я не курю, долго хвалил меня и по-своему объяснял вред этой дурной привычки. Староверов я уже знал хорошо. Мы жили в одном поселке, вместе росли, дружили, учились, работали, но о протопопе Аввакуме я в то время почти ничего не знал. И когда я спросил его о нем, Саночкин поведал мне, что Аввакума погубили за веру. И вот его рассказ о его гибели.

«...Сперва ослепили его, а после вывели в лютый мороз на берег реки и приказали раздеться и разуться. А в трех саженьях от берега была выдолблена прорубь шириной две сажени. Когда он остался нагой, его поставили спиной к реке и приказали идти взад пятки. Он пошел, не зная о проруби, и, дойдя до нее, упал в реку». Саночкин перекрестился и прошептал:

– Вечная память мученику. Спустя три года после гибели протопопа Аввакума, в 1685 году, появился страшный по своей сути указ царевны Софьи, состоявший из «12 статей о раскольниках». Это был один из самых жестоких законов в Российской империи. В одной из статей говорилось, что если «особо опасные» раскольники присоединятся к господствующей церкви, исповедаются и примут причастие от официального священника, то все равно их надо «казнить смертью без всякого милосердия». Причем казнить через сожжение. И так по всем статьям. Естественно, после такого указа никакого выхода не оставалось, как бросать насиженные места и уходить куда глаза глядят.

Страшное время. Понимая безысходность своего положения, обратились раскольники в бегство. Спасаясь от физического уничтожения, массы людей бросали обжитые места и, забрав самое необходимое, уходили в глухомань, где собирались общинами, основывая небольшие поселения.

Это была первая на Руси огромная по своим масштабам

вынужденная миграция русских людей. Причем не всегда люди знали, куда уходят – лишь бы только уйти туда, где нет насилия и преследования. Так появились поселения в лесных дебрях по реке Керженец, так называемые керженские скиты, по названию которой жители этих скитов, получили позднее прозвище кержаки, сохранившееся до наших дней.

Часть раскольников ушла за пределы России: в Польшу, Турцию, Австрию, Швецию и другие страны. Кто-то ушел в дебри Уральских гор, а значительная часть, перевалив Каменный пояс, ушла в Сибирь и стала селиться по долинам рек Тобол, Туры, Талды, Ишим, Иртыш. Все это левобережье реки Оби почти сразу за «Камнем», как в простонародье называли Уральский хребет. Другая часть, преодолев просторы степей, тайги и переправы через великие реки, ушла в глубь Сибири и стала оседать на огромных просторах АлтаеСаянской горно-таежной системы. И на всем протяжении пути гибли люди от голода, болезней, на переправах через реки, и кресты на их могилах обозначали их тяжкий скорбный путь.

Уходили раскольники в бега в основном небольшими группами в несколько семей. Уходили тайно и старались всячески скрыть свои следы. По ходу движения подбирали подходящие места и растворялись на таежных просторах, образуя новые поселения. С собой как святыни уносили старые книги и иконы. О сибирских землях ходили слухи как о местах сказочно богатых. Посылаемые в Сибирь ходоки приносили отрадные вести. А широко бытовавшая легенда о существовании где-то в сибирских горах богатой земли, так называемого Беловодья, манила к себе своей таинственностью. Многие десятилетия ходили крестьяне на поиски этих мест, твердо веря, что Беловодье – это не только щедрая земля, где дикого зверя и птицы бесчисленное множество, где богатые леса и некошенная трава, но главное – это праведная земля. После раскола эта земля с особой силой стала притягивать к себе, и массы людей ушли в Сибирь в надежде найти эту землю и обрести спокойствие.

Известный до революции писатель Александр Ефимович Новоселов в прекрасной повести «Беловодье» устами старовера Панкрата, который посылает своего сына Панфила на поиски, вот как описывает эту богатую землю: «...Беловодье, оно ото всех стран отличительно... Вдоволь там воды, вдоволь черной земли, и леса, и зверя, и птицы, и злаков всяческих, и овощу... Трудись только во славу божью, как прародитель наш Адам трудился. Не смотри, что хорошо сама земля родит. Потом уливай ее... Угодья разные там высмотри, да не забудь и душу – не должно там быть власти от людей поставленной. Тем и свято оно, Беловодье. Ни

пашпорта тебе там, ни печати антихристовой – ничего... Правой вере простор... Живи как хочешь...»

Но заселение Алтая началось задолго до начала церковных реформ. В самом начале XVII века русские уже сравнительно хорошо знали географию Сибири, климатические особенности, характер местности, качество почв и т. д. Знали о богатстве природы. Именно в такие места, где, по их мнению, должно быть Беловодье, стремились уйти многие из тех, кто скрывался от феодального гнета, от преследования властей за разного рода нарушения законов государства и других причин, из-за которых уходили в бег. Привлекало и то, что в народе говорилось об этих землях как о «ничейных».

Здесь практически было все для быстрого обустройства. Леса для строительства домов и хозяйственных построек, плодородная земля, ну и природные продукты питания – рыба, дичь, ягоды, кедровый орех. И несмотря на всяческие препятствия, в первую очередь столкновения с коренными жителями, русские умудрялись проникать в самые отдаленные и глухие места, где образовывали небольшие поселения, входя в терпимые отношения с местным населением. В таких местах легче было скрываться от царских опричников, от постороннего глаза.

Так образовались тайные поселения на западе Алтая по реке Бухтарме; сейчас установить точные даты возникновения этих поселений трудно. Именовали жителей этих мест каменщиками, так как скрывались они в долинах горных речек под защитой скал. В эти места, стоящие на пути к югу Сибири, увеличился поток беглых крестьян, после наступившего раскола.

В первые годы XVII века были построены крупные острогикрепости Томск, Кузнецк, которые являлись опорными пунктами для освоения Верхнего Приобья и распространения влияния России на огромной территории юга Сибири. Стоял уже Красноярск, оказывая влияние на таежные просторы Великого Енисея. В начале XVIII века раскольники стали уходить еще дальше в глубь Алтайских гор, в верховья реки Катунь, где на ее притоках: Уймоне, Мульте, Коксе и других основали несколько сравнительно крупных поселений. Со временем здесь образовалась одна из значительных старообрядческих общин на Алтае. Крестьяне, живущие в этих местах, жили богато и отличались высоким материальным благосостоянием.

Раскол внес существенные коррективы – уход в Сибирь резко увеличился. Особенно бурное переселение наблюдалось в XVIII веке. И основная масса раскольников старалась миновать всякие посты и тайно поселиться где-нибудь в глухомани, избегая контактов с представителями власти, переписи и учета

населения. Почему и появились позднее такие названия поселков, заимок, как, например: Тайна, Скрытное, Глушиха, Залесово и другие. Вообще в названиях населенных пунктов четко отражаются местность, фамилии первопоселенцев и обстоятельства, с которыми связаны эти поселения.

Обживая и осваивая новые места, крестьяне подробнее узнавали об окружающей местности и старались перекочевать в такие места, где побогаче природа. А Алтай и вообще юг Западной Сибири оказались, несомненно, богаче других мест, поэтому приток в эти благодатные места русских крестьян шел довольно бурно.

В начале XVIII века переселение на Алтай шло осторожно. Это было время, когда известней уральский заводчик Акинфий Демидов, получив разрешение правительства, приступает к строительству медеплавильных заводов, для работы на которых требуется рабочая сила.

К заводам приписывают пришлых и беглых крестьян, хотя они этого или не хотят. С целью учета на Алтае приступают к переписи населения. И за первые тридцать лет XVIII века было проведено три переписи. Все это настораживало людей и заставляло либо крайне осторожно переселяться, либо на время отложить переселение на Алтай.

Положение раскольников с годами усложнялось. Карательные меры против них, которые были организованы и властью, и церковью по всей России, принуждали раскольников уходить все дальше и дальше в глубь Сибири, в труднодоступные места Алтае-Саянского нагорья. Особенно обострились отношения раскольников с властью при царствовании Петра I после попытки покушения на него. Ко всякого рода гонениям и унижениям прибавилось и материальное наказание. Раскольники должны были платить двойной налог. Последователи Петра I ничуть не ослабили давления на раскольников: ни жестокая немка Анна Иоанновна, ни более спокойная Елизавета Петровна не приняли никаких мер к облегчению положения раскольников на их родной земле.

А в царствование Анны Иоанновны, когда Россией правили такие кровавые чужеземцы, как Остерман, Бирон и им подобные, всячески высмеивалась и вытеснялась русская культура. Именно при царствовании этой клики староверы в третий раз ударились в бега и уходили в таежную глухомань необъятной Сибири, где столетиями, как святыню, сохраняли русскую культуру. Парадокс – русские люди уходили со своей исконной земли, теснимые иноземцами, никаких прав и отношения не имеющими к России. Как тут можно было мириться со своей властью, предавшей свой

народ.

Многие не выдерживали такого страшного давления и, видя безысходность своего положения, уходили из жизни через самосожжение. К этому страшному обряду самоубийства на протяжении многих десятилетий прибегали раскольники по всей России, включая Сибирь и в частности Алтай, и никакие указы, увещевания не могли остановить этого жуткого явления. Только за первую половину XVIII века на Алтае произошло несколько случаев групповых самосожжений, в результате чего ушли из жизни сотни ни в чем неповинных людей. Это была одна из крайних форм протеста против карательных мер и других фактов насилия и притеснения раскольников.

Вообще, надо отдать должное этим людям – никто и ничто их не держало. Стремление жить вольно, свободно и быть верными старой вере вот главная цель, к которой стремились раскольники. А это была как раз любовь к своей Родине, к многострадальной России. И не их вина, что постоянные гонения, преследования и даже физическое уничтожение как инакомыслящих сделали этих людей замкнутыми, не словоохотливыми, упрямыми и в какой-то мере скупыми. Жизнь заставила их брать все это на вооружение и быть всегда настороже, беречь все, что необходимо для выживания. Главное, что берегли больше всего и с чем никогда не расставались – это книги дониконовского церковно-славянского письма в кожаных переплетах, медные позеленевшие распятия и иконы. И если приходилось внезапно бросать все, уходить в бега, этих культовых предметов никогда не бросали, забирали в первую очередь. И несмотря ни на что, эти люди выжили в вековой борьбе и остались верны старой вере и тем обычаям и обрядам, которые существовали на Руси до страшного времени, названного расколом.

Сами раскольники в своей среде так же были непримиримы со всеми, кто колебался, кто смалодушничал, кто как-то проявил желание уйти в «мир». Не щадили никого. Либо в лучшем случае изгоняли из поселений, либо жестоко наказывали, вплоть до физической расправы. Такое положение продолжалось десятилетиями.

Царь Петр III. Первый указ в защиту староверов. Екатерина II – начало новых отношений к расколу

Первый, кто вспомнил об ушедших за рубеж русских людях, был царь Петр Федорович III. Это он, узнав о том, что за границей в разных странах проживает очень много русских, несогласных с новой верой, и что их пы тались силовыми методами отлучить от старой веры, встал на их защиту. В изданном им указе разрешалось беспрепятственное возвращение в Россию всех ушедших во время раскола. Не разрешалось чинить никаких препятствий в исполнении ими церковных законов. Отвращать раскольников от старой веры предлагалось не принуждением и огорчением, а увещеванием. Все это Петр III обосновал так: «...ибо внутри Всероссийской империи и иноверные, яко магометане и идолопоклонники, состоят».

Короткое время царствовал Петр III, и по-настоящему внедрить данный указ не успел. Однако именно при нем акты самосожжения прекратились. Это было начало новых отношений к расколу.

Придя к власти в результате переворота, Екатерина II, прекрасно понимая, что подобные указы необходимо претворять в жизнь тем самым получать одобрение в народе, обнародовала в первый год своего правления указ, который значительно подробнее толковал указ Петра III и был претворен в жизнь. В указе говорилось, что все бежавшие в таежные дебри, за границу могут вернуться на родину, носить бороды, не платить податей, носить любую одежду и селиться в любых местах. Отменен был также двойной налог, освобождены насильно заточенные в монастыри. Слово «раскольник» было запрещено, и дано полное прощение за побег и преступления, совершенные до указа. Раскольники могли занимать общественные должности в городах. Это был серьезный гуманный шаг. С радостью восприняли этот указ все, кто о нем узнал. Родина для них была дороже всего и лучше любой страны мира. Но возвращаться не спешили. Остерегались, и процесс возвращения растянулся на годы.

Однако власти по-прежнему относились довольно строго к беглым и к тем, кто старался жить тайно, и чтоб не было соблазна, им запрещалось строить церкви и часовни.

Выйдя из таежных дебрей, вернувшись на родину, староверы стали оседать на облюбованных местах. Многие двинулись в

Сибирь. Часть староверов, вернувшихся из Польши, переселилась на Алтай, и здесь их прозвали поляками. Это название сохранилось почти до наших дней.

Забегая вперед, надо сказать, что окончательное прекращение гонений староверов произошло в 1905 году, когда последний русский царь Николай II обнародовал «Дарование религиозных свобод». 252 года гонений и унижений остались позади. В этом же году на могиле Ф.П. Морозовой был установлен крест с негасимой лампадой. Спустя еще 16 лет, в советское время, крест вместе с лампадой был снесен и уничтожен. Сделала это не церковь, а власть.

Далеко не все старообрядцы вели замкнутый, отшельнический образ жизни. Большинство из них принимали активное участие в артельных работах. Это были непревзойденные плотники, кузнецы, столяры, рудознатцы, следопыты, охотники. Каким-то особенным чутьем они находили на огромных просторах Сибири золотоносные места, медные и железные руды, поделочные камни. Их отличало высокое понятие о труде и честности. Из их среды вышли прекрасные мастеровые на заводах и фабриках, приказчики, управляющие, им можно было поручать любое дело с гарантией, что все будет сделано качественно и в срок. Им можно было доверять все. На казенных работах их всегда отличало чувство ответственности. В основе их жизни лежал труд, и только благодаря труду, настоящему труду они устояли и сохранили веру.

Живя веками в глухих местах, в стороне от большого скопища людей, на заимках, в небольших поселках, эти люди ближе других находились к природе, и ее они знали лучше, чем кто-либо другой. Большое количество староверов, так или иначе втянутых в горнозаводское дело на Урале, расселяясь по Сибири, с характерной для них смекалкой находили все новые и новые месторождения полезных ископаемых. Старовер Егор Лесков, оказавшись на поселении в Сибири, находит первую золотую россыпь на Алтае. В 1828 году купец Андрей Попов приступает к ее разработке. Практически с этого началась промышленная добыча золота в Сибири.

Известный писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк говорит о староверах как о больших знатоках по приисканию руд. А о всякого рода сельхозработах и говорить не приходится – как и все русские крестьяне, они обладали всеми тонкостями знаний посева и уборки урожая, ухода за скотом; все они были природными пасечниками. Конечно, в семье не без урода, но речь идет об основной массе староверов. Главное, что руководило ими – это вера в Бога, святое соблюдение библейских истин. В начале

XIX века губернатор Восточно-Сибирского края Трескин совершил инспекционную поездку по вверенной ему территории и по возвращению отзывался о староверах так: «Они и камень сделали плодородным».

Надо сказать, что Алтай был одним из крупнейших центров старообрядчества в Сибири. И везде, во всех поселениях, была почти поголовная грамотность. Учебниками в основном служили церковнославянские книги. Кроме этого, во всех поселениях староверов царила, скажем так, высокая нравственность. Староверы строго следовали Библейским заповедям.

Именно в Сибири староверы находили спасение. И здесь, в более суровых местах, без всякой помощи со стороны государства, только собственными силами и великим трудом, староверы создавали благополучие в семьях, и во всех старообрядческих поселениях был достаток.

На всем протяжении жизненного пути староверы были под какимто напряжением. Они были постоянно готовы ко всему во имя спасения веры.

Отмена крепостного права сыграла большую роль в нормализации отношений с властью и серьезно успокоила крестьянскую часть общества. С его отменой началось интенсивное переселение, в основном православных крестьянских семей, на вольные сибирские земли... И теперь не надо было тайно уходить в бега. А в конце XIX – начале XX века государство всячески поощряло переселение в Сибирь, выдавая денежные ссуды для приобретения скота, лошадей и леса на строительство домов. Постепенно и староверы, и православные расселились на бескрайних просторах Сибири, обжились, основали тысячи поселений, и жизнь стала входить в относительно спокойное русло.

Приход Лыковых на Алтай, позднее на Абакан. Советская власть. Гражданская война. Коллективизация

Но вернемся к Лыковым. Семья Лыковых не сразу оказалась на Алтае. Староверы, которые в течение многих лет были знакомы и жили в непосредственной близости, и те, кто находился в родственных связях с Лыковыми, говорили, что пришли они в Сибирь из Нижегородской губернии и, перевалив Каменный пояс, обосновались на реке Исеть – притоке Тобола. Точная дата прибытия Лыковых в Сибирь мне неизвестна, но из рассказов родственников мы знаем, что прадед Карпа Осиповича родился в Ялutorовском уезде Тобольской губернии. Первыми из Лыковых пришли на Алтай двоюродные братья Северьян и Ефим. Тобольскую губернию, где прожили несколько десятилетий, Лыковы покинули при Александре П.

Но фамилия Лыков прозвучала на Алтае значительно раньше. Составляя «Роспись находящихся в камню разного звания, укрывающихся беглых людей и которые поступили в ясак с их семействами, учиненная во время описания бухтарминских урочищ 1792 года», унтершихмейстер Лаврентий Феденев в список беглецов вносит Ивана Лыкова, бывшего крестьянина Ануйской слободы. Кто он, когда и откуда появился в Ануйской слободе, родственник ли этим Лыковым, сказать сейчас невозможно, да и нет надобности в этом. Скорее всего, однофамилец.

Пришедшие на Алтай братья Лыковы подобрали с помощью ранее ушедших сюда близких знакомых долину реки Иши.

Это крупный правый приток реки Катунь. Протяженность Иши около 170 км, а площадь бассейна свыше 3300 кв. км. Исключительно благодатные места. Прекрасные почвы, смешанные леса и таежная глухомань, обилие пушного зверя и копытных, в частности, самого крупного среди настоящих оленей – марала и сибирской косули (последней было великое множество). Что касается рыбы, то Иша и ее притоки буквально кишели этими представителями водного царства.

А травянистая растительность в Горном Алтае! По разнообразию видов место редкостное, да и по величине растений не так просто сыскать подобные места. Лошадь вместе с всадником скрывается в траве запросто. Вообще надо сказать, что

в Северо-Восточном Алтае и предгорьях, где наиболее увлажненные места, в растительном мире наблюдается гигантизм. Высота травяного покрова достигает двух и более метров. Многие виды трав цветут подолгу, поэтому медосбор богатый, да и по качеству здешний мед один из лучших. Кроме этого, Горный Алтай и его предгорья изобилуют множеством ценнейших лекарственных растений. Ведь очень важно всегда иметь под руками природную аптеку для лечения и поддержания здоровья.

Вот и притягивали такие места. Не зря говорили в народе, что там, где живут староверы, места богатые:

– Кержаки в худом месте жить не будут. Лыковы остановились на жительство в поселке Карагайка, расположенном в долине небольшой одноименной речушки, притоке Иши. Этот поселок был основан примерно в 1800 году староверами, пришедшими из России и Тобольской губернии. Обустроились быстро. Имея многовековой опыт, учитывая практически все, что требовалось для создания в первую очередь запасов продовольствия, кормов для скота и лошадей и устройства жилища, все переселенцы, работая, как говорилось в народе, не покладая рук, в короткий срок создавали сносные условия для жизни.

Несколько позднее ушел из Карагайки сын Северьяна Яков с молодой женой и поселился на левом берег Катуня в поселке Нижняя Каянча Айской волости. Там же поселилась их родственница Прасковья Лыкова. Этим семьям не повезло. Сейчас трудно сказать, чем прогневили они начальство, что послужило причиной гонения, известно лишь то, что все Лыковы отличались твердостью в вере, смелостью суждений и открытыми высказываниями в адрес царя и православной церкви. Видимо, несдержанность в разговорах и была тем яблоком раздора, и в самом начале XX века этими семьями власти занялись основательно – вплоть до временного генерал-губернатора. А 10 ноября 1906 года появилось его распоряжение Бийскому исправнику, в котором говорилось: «...За крайне порочное поведение выселить крестьян Кирилла и Иллариона Исаевых и Якова Северьяновича Лыкова из пределов Томской губернии».

Спустя еще шесть лет Томская духовная консистория требует немедленно исполнить указ генерал-губернатора от 26 января 1912 года и выселить Прасковью Лыкову из пределов Томской губернии. Бийский исправник выполняет это распоряжение, и указанные крестьяне-староверы растворились где-то в Сибири.

Пришедший с Лыковыми на Алтай Василий Скороходов задержался в Карагайке недолго. Прослышав о целебном

источнике на Абакане, Василий сумел посетить его, познакомился с окружающей местностью, и здесь в долине Бол. Абакана, в том месте, где река почти остановила свой бег, на широком левом берегу облюбовал место для жительства.

В верховьях Абакана это единственное место, где река образовала довольно широкую долину. Течет она там настолько спокойно, что движение воды почти незаметно. Посещавшие эти места охотники называли это место Тиши. Так стал называться и поселок, который основал Василий Степанович Скороходов, перебравшийся сюда с семьей на постоянное жительство, как утверждают старожилы тех мест, в царствование Александра III. Вслед за ним потянулись и другие молодые семьи, и вскоре заимка Тиши превратилась в поселок. В девяностых годах XIX века перебрался сюда сын Ефима Лыкова Осип Ефимович с семьей.

Переселение в верховье Бол. Абакана и заселение его долины происходили с Алтая. Маршрут движения был выбран наиболее удобным и проходил вначале долинами рек Бии, далее по ее правому притоку реке Лебедь, и, преодолев сравнительно несложный перевал через Абаканский хребет, в районе Садринского озера спускался в долину Бол. Абакана по его левым притокам Беже или Албасу. Поэтому как в поселке Тиши, так и на других многочисленных заимках почти все жители были выходцами с Алтая. На Алтае оставались их родственники, и связь была постоянной.

Обживая эти таежные места, староверы корчевали тайгу, расчищали покосы, искусно выжигали склоны гор, обращенные к югу, так называемые солнцепеки. Выжигаемые участки зарастали малинником, Иван-чаем и другими медоносными растениями. Это позволяло собирать богатые взятки меда, а небольшие пасеки в пять-шесть ульев были у каждого.

Переезды за сотни километров по горной тайге через перевалы, горные реки, заболоченные участки были делом сложным, трудоемким и в какой-то степени опасным. Надо было перевезти не только домашние вещи, но и зерно для посева, домашнюю птицу, плотничий инструмент, сельхозинвентарь, перегнать скот – словом все необходимое для того, чтобы по прибытии на облюбованное место можно было спокойно устраивать свой быт. И все вьючным способом. Дорог никаких нет, только тропы. Двигались порой с маленькими детьми и даже грудными младенцами. Естественно, за один раз все перевезти невозможно, поэтому приходилось совершать несколько поездок.

Селились, где кому понравится, где, выражаясь современным языком, можно было вести комплексное хозяйство. Опытные

люди, они безошибочно подбирали места для поселения, предварительно изучив почву. Изучение в основном заключалось в растирании ее в ладонях, и этого было достаточно, чтоб определить ее плодородность. Визуальный осмотр местности позволял также определить возможности содержания скота и пастбищ. Ну, а тайга и густая сеть горных рек и озер давали все остальное. Не забывали и про душу. Кроме указанных свойств местности, старались поставить дом «где покрасивше», где солнца побольше, чтоб душа радовалась. Помню, как-то в разговоре отец моего друга, Парфентий Филимонович Казанин, на мой вопрос, где и как первоначально останавливались, когда переезжали на другое место, улыбнувшись, сказал:

– Под пихту селились. Не нарушая природного баланса, рубили дома и хозяйственные постройки. Для пола, потолка, косяков и устройства поластей рубили сухостойные кедр. Легкая, мягкая древесина кедра хорошо поддается обработке; кроме этих качеств, что очень важно при строительстве, кедр обладает приятным запахом и красивым бледно-розовым цветом. Сырораствующие кедр не рубили – хватало сухостойного, валежника и бурелома.

Староверы прекрасно понимали, что кедр – это не только древесина, это высококалорийный орех, который употребляют в пищу почти все живущие в тайге животные и птицы. Следовательно, где кедр, там обилие пушных зверей, копытных и промысловых птиц. Таким образом, таежный комплекс являлся устойчивой опорой в создании здорового быта. Кедровый орех являлся одним из важнейших продуктов питания, дарованный природой тайги.

Дети в семьях староверов росли лицом к лицу с природой и как никто другой с малых лет познавали ее законы.

Весенние паводки, грозы, ливневые дожди, оползни и обвалы в горах, лесные пожары, ураганные ветры, бураны, снежные лавины и лютые морозы – все это с малых лет видели и ощущали. И уже в раннем возрасте понимали и знали, где, когда и чего надо опасаться и как вести себя при любых природных явлениях. Плюс к этому повседневный, разнообразный крестьянский труд делал этих людей физически сильными, смекалистыми, с особой хваткой и реакцией на любую неожиданность.

В такой среде росли и дети Осипа Ефимовича, и ничем особенным от сверстников не отличались. Всего в его семье было девять детей, и по старшинству располагались так: Дарья, Степан, Карп, Анна, Евдоким, Настасья, Александра, Феофиста и Хиония. Последние четыре дочери умерли еще детьми от разных болезней.

Повзрослев, молодые парни старались познать таежные просторы, побывать в других местах, где живут люди, посмотреть города, погостить у родственников. И общение было частое. У всех в хозяйствах были лошади, поэтому проблем не было. Выбрали время, оседлали лошадей – и в путь. Сытые выносливые кони покрывали за световой день десятки километров горной тайги, преодолевая перевалы, горные реки и другие препятствия. Таежные тропы в те годы были в прекрасном состоянии.

Это было время, когда вся огромная территория Западной Сибири, особенно ее юга, была довольно плотно заселена. Практически почти все места, где можно было вести домашнее хозяйство, были освоены, и это расселение постепенно продолжалось. Заимки были в один двор, в два-три двора, небольшие поселочки. Существовали сотни тысяч таких деревень и сел. Одним словом – это была густая сеть поселений. Осваивая новые места, старались как можно бережнее сохранять природу, прекрасно понимая, что тайга, растительность, вода – главные спутники благополучия.

В каждом хозяйстве имелись лошади, крупный рогатый скот, овцы, посевная площадь и т. д. Надо сказать, что в основном это были крепкие хозяйства. Крестьяне старались приобретать высокоудойных коров, выносливых лошадей, постоянно занимались селекцией. Покупали, обменивались друг с другом и таким образом выращивали высокопродуктивный скот, выращивали высокие урожаи зерновых. И Сибирь никогда не знала голода. Любой крестьянин на вопрос о том, хватает ли хлеба на год, от уборки до уборки, мог ответить:

– А мы дна у сусека отродясь не видали. Сусеком называли отдельный отсек в амбаре, куда ссыпали убранный с полей зерно. В Сибири никогда не было ни помещиков, ни крепостного права.

Сибирь была крупнейшим поставщиком зерна, мяса, масла, шерсти и другой сельхозпродукции не только на внутренний рынок России, но и на рынки Европы. Только одного сливочного масла Россия продавала в Европу сотни тысяч тонн и за него получала золота почти столько, сколько добывалось в стране. Производством и торговлей сливочным маслом занимался прекрасно организованный «Союз маслодельных артелей Сибири». Всем известно о ежегодных крупнейших ярмарках в России, куда съезжались покупатели из многих стран Европы и Азии. Они знали, что сельхозпродукция русских крестьян – одна из лучших в мире, особенно продукция из Сибири.

Все крестьянские семьи были большие. Пять, семь человек детей – явление обычное. Улучшение крестьянского быта особенно резко пошло вверх в конце XIX начале XX веков.

Пожалуй, это были лучшие годы русского крестьянства в Сибири. Низкие стабильные цены позволяли крестьянам легко приобретать сельхозмашины, что значительно повышало производительность труда. В газетах дореволюционного времени можно встретить статьи, в которых говорилось о необыкновенном подъеме сельского хозяйства, промышленности и росте населения, особенно в Сибири. В некоторых статьях сообщалось, что мировая общественность обеспокоена небывалым ростом русского населения в Сибири, что может сказаться на нехватке продуктов питания и сокращения поставок в Европу. Эти панические статьи ничего общего с действительностью не имели. В Сибири могло свободно проживать во много раз больше, чем жило, а еще больше могли увеличить количество производимой сельхозпродукции, и кормить не только Россию, но и пол-Европы.

Но многое изменилось с приходом Советской власти. Были упразднены все сословия, начались страшные гонения на религию, выражавшиеся в разграблении и разрушении церквей, физическом уничтожении священнослужителей через повешение и расстрелы, причем не только православных, но и шаманов и т. д. Все это делалось сознательно и целенаправленно, с письменного указания власти. Как же могли отнестись к такому вандализму крестьяне – основная часть населения России, в большинстве своем религиозные? Конечно, отрицательно. Боясь расправы, люди затаились, притихли.

Надо сказать, что когда страшным вихрем пронеслось по России татаро-монгольское нашествие, то, если верить историкам, поработители не разрушили ни одного православного храма, собора, не втоптали в грязь веру людей.

С приходом такой новой большевистской власти начался диктат. У крестьян забирали хлеб, порой не оставляя семье на питание, на семена. Наступило голодное время.

Смертельно-огненным ураганом пронеслась гражданская война, оставив за собой многочисленные банды мародеров и грабителей.

После гражданской войны, однако, был короткий промежуток времени, когда крестьян оставили в покое, и они, истосковавшиеся по земле, взялись за привычный крестьянский труд. Это был НЭП. Многие впоследствии говорили, что это было хорошее время. Работали в радость. Никто не вмешивался, и ограничений ни в чем не было. Наоборот, местные власти как бы подгоняли и заставляли сеять больше и количество домашнего скота увеличивать. Но так продолжалось недолго. Заволновался народ, когда поползли зловещие слухи о том, что все будет общее. Особенно крестьянство волновал один вопрос –

коллективизация. Обсуждая беспокоивший всех вопрос – якобы будут отбирать, обобществлять лошадей, скот и даже домашнюю птицу, все были в каком-то недоумении. Во второй половине двадцатых годов это была самая злободневная тема. Люди терялись в догадках, многие не понимали и не могли поверить в эти непонятные слухи.

Коллективизация прошла стремительно. Главная задача – объединить всех без исключения крестьян в коллективные хозяйства, так называемые колхозы. Причем не только людей, но и скот: коров, лошадей, сельхозмашины и т. д., не считаясь ни с кем и ни с чем. Все это делалось практически в приказном порядке. За отказ войти в колхоз все так называемые кулаки, часть середняков были лишены всего, выселены из собственных домов и сосланы в Нарым. Если говорить по существу, то кулаки и середняки – это была самая трудовая часть крестьянства.

В России с незапамятных времен люди объединялись в артели, бригады на добровольной основе, с целевым направлением. Это были рыболовецкие, плотничьи, промысловые и разных направлений артели. А такое насильственное объединение не только людей, но и средств производства привело к страшному развалу сельского хозяйства в стране, и враз рухнул веками сложившийся крестьянский быт.

И сейчас с высоты минувших дней диву даешься, как могло такое состояться, кто и как придумал эту реформу. Зачем надо было разорять сельское хозяйство – основу и опору государства. Все это было похоже на возврат к крепостному праву. Колхозникам не выдавали паспортов, не разрешали куда-либо переезжать и т. д.

268 лет существовало крепостное право – с 1593 по 1861 год. Живы были еще некоторые старики, помнившие то тяжелое время, и особенно для них такая постановка дела была, мягко говоря, на удивление.

Надо признаться, что проблемы русского крестьянства понастоящему не решены и по сей день. Может, кто-нибудь наберется когда-нибудь гражданского мужества и напишет правдивую историю русского крестьянства. И думается сейчас, неужели великая Россия нужна была только П.А. Столыпину?

Абаканские заимки. Уход дальше в тайгу. Организация заповедника. О некоторых староверах – их отношении к общественному труду

Но вернемся в тайгу Западных Саян, на далекие таежные поселения, где также всех волновал тот же вопрос.

Староверы собирались и подолгу обсуждали свалившееся на всех горе. Предлагались самые разнообразные варианты. Одни советовали уйти подальше в тайгу, другие настаивали уйти через хребты в Танну-Туву, благо граница была почти рядом, а часть настаивала оставаться на месте и ждать, что будет. Позднее рассказывали, что приезжали уполномоченные, собирали людей и много говорили о пользе коллективизации. Один старик, рассказы вая мне о том времени, сказал:

– Искушали сатанинскими речами, после их речей мужики стали разбегаться по тайге, а жили-то вольно, никому не мешали, в каждом логу поселение было. Мнения разделились, и стали принимать решения – каждый по своему разумению. Одним удалось, перевалив горные хребты, уйти в Туву, другие постарались перебраться ближе к рабочим поселкам, где была казенная работа, но основная часть осталась на месте, и в поселке Тиши впоследствии была организована сельхозартель. А Лыковы и их близкие перебрались в верховья Абакана, и на его правом берегу при впадении речки Каир-су остановились на жительство. Здесь в короткий срок срубили пятистенные избы, и этот поселок получил официальное название Верхняя кержакская заимка; во всяком случае, так она обозначена в документах. Всего сюда переселилось шесть семей, из них три семьи братьев Лыковых: Степана, Карпа и Евдокима. Дальше идти было некуда. Так и обосновались они в этом глухом таежном месте, наивно думая, что их так просто не достанут, и они смогут здесь пережить лихое время. Однако связь с миром они не теряли. Внимательно следили за всем, что происходило в державе. И сейчас судить о правильности принимаемых ими решений не следует. В те годы, когда так просто, вдруг, так сказать, без подготовки, власти решили распорядиться судьбами основной массы жителей России, многие растерялись.

В те годы на Алтае и в Саянах стали появляться научные экспедиции, которые занимались исследованием этой территории, представляющей большой научный интерес. Да и

«белых пятен» в природе Сибири было предостаточно. Для работы в экспедициях проводниками и рабочими приглашали местных жителей из среды охотников, таежников. Все эти люди были знатоками животного и растительного мира, лекарственных растений. А местность они знали как свои пять пальцев. Молодые мужики с охотой принимали приглашения поработать в экспедициях и оказывали неоценимую помощь в сборе различного научного материала, создании походного быта, уходе за лошадьми и сохранении экспедиционного имущества. Своевременно предупреждали о приближении каких-либо, опасных для жизни природных явлений по только им ведомым признакам. И зачастую они невольно становились помощниками начальников экспедиций. Их знание природы создавало им непререкаемый авторитет. И надо отдать им должное – они помогли в исследовании и изучении природы Алтае-Саянской горно-таежной системы.

В отчетах и трудах исследователей, путешествовавших в горах Алтая и Саян, можно встретить десятки фамилий местных жителей, которые принимали участие в экспедициях, на сообщения которых ссылаются ученые. Это жители Северо-Восточного Алтая и Западного Саяна, в частности Нижней (Тиши) и Верхней кержакских заимок. Их близкие родственники и по сей день живут в селах Алтая и Саян. Особенно часто фигурируют фамилии Молокова, Деменева, Шмырина, Золотаева, Берсенева, Самойлова, Параева и других. И, конечно, Лыковых, чья фамилия была нанесена на военно-топографические карты еще в начале сороковых годов.

В двадцатых годах прошлого века большую работу по охране природы проводило «Всероссийское общество охраны природы», где главным специалистом и большим знатоком дикой природы был Ф.Ф. Шиллингер – человек, избродивший Россию вдоль и поперек. Результатом его многочисленных научных экспедиций было создание проектов свыше двадцати заповедников СССР, включая Алтайский. Совершая путешествие по Алтаю и Западному Саяну, Ф.Ф. Шиллингер определил примерные границы будущего заповедника и по возвращению из экспедиции представил на рассмотрение его проект, с центром на Телецком озере. В заповедную территорию входили наиболее интересные, с научной точки зрения, места и редкие по красоте природные ландшафты.

Создание заповедника на Телецком озере явилось важнейшим событием того времени. Заповедник охватил значительную часть бассейна Телецкого озера, его правобережье, правобережье реки Чулышман и верховья реки Бол. Абакан и вошел в число

крупнейших заповедников СССР. Таким образом Верхняя Кержакская заимка Лыковых оказалась на территории Алтайского заповедника.

Заповедник был организован постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 4 мая 1930 года. Местные органы – Ойротский и Хакасский облисполкомы в декабре 1931 года специальным постановлением признали целесообразным открытие заповедника.

В апреле 1932 года появилось постановление «Об учреждении в пределах Ойротской и Хакасской областей государственного Алтайского заповедника». Хотя в тексте постановления речь шла о территории «Около 1 млн. га» фактически его площадь была больше 1,3 млн. га.

Главной базой управления заповедником был выбран поселок Яйлю. Как только прошел слух о создании заповедника, и люди узнали, что это за организация, потянулись в заповедник жители ближайших районов, с целью поступить на такую интересную государственную службу. Среди них были и коренные жители – алтайцы и староверы. Таежники, охотники, следопыты, знатоки Горного Алтая и Западного Саяна принимались в охрану заповедника наблюдателями. Для организации подсобного хозяйства, строительства поселка и кордонов приглашали плотников, столяров и крестьян, знающих сельское хозяйство.

Преобладающее большинство принятых на работу наблюдателями в охрану были порядочные, скромные, и в то же время решительные и смелые люди. Все они хорошо знали тайгу, условия, в каких придется работать, и быстро разобрались в целях заповедника и в своих обязанностях.

Из их среды как-то сразу выделились: Молоков Данила Макарович (которого я часто упоминаю в повествовании) – добрый, внимательный, дисциплинированный человек. В коллективе заповедника он пользовался авторитетом на протяжении всех лет службы в охране. Молоков хорошо знал семью Лыковых и многих староверов, живущих в Западном Саяне. Обстановка сложилась так, что именно на его долю выпали почти все контакты с Лыковыми. Подстать Молокову, и характером и знаниями дикой природы, был Деменев Илларион Федосеевич. Непревзойденный охотник-капканщик, большой знаток лекарственных растений. Заслуживают внимания наблюдатели: А. Кулебакин, Ф. Табакаев, Н. Головин, Н. Будуев, К. Яковлев, Г. Андадинов, лесничий С. Абрамов и др. Все они много сделали для обустройства этого громадного по площади заповедника.

В общей массе людей, поступивших на разные работы по строительству и ведению подсобного хозяйства, были

родственники Лыковым и жителям большинства абаканских заимок. Особенно ярко выделялись Ощепков Моисей Осипович, его родственник Иван Сергеевич Брыляков и Парфентий Филимонович Казанин. Эти добросовестные и глубоко знающие жизнь люди в течение многих лет занимались большим хозяйством заповедника, вплоть до его ликвидации в 1951 году. П.Ф. Казанин отец семерых детей, был близким родственником Лыковым. Ощепковы, хотя и в далеком, но так же находились в родстве с Лыковыми.

Несколько отступая, хотелось бы об этих людях сказать подробнее. Во-первых, все они контактировали со всеми «мирскими», как и большинство жителей сибирских деревень контактировали между собой, и никакой грани мы особенно и не чувствовали. Но ведением личного домашнего хозяйства, трудолюбием, чистотой опрятностью они выделялись.

Первым из рода Ощепковых пришел в Сибирь, в царствование Александра II, Фрол Ощепков с семьей. Пришли они из Перми и вначале поселились недалеко от города Томска в деревне Боровушка. Но задержались здесь ненадолго и вскорости переехали на Алтай, где окончательно обосновались в деревне Ашпанак. В семье Фрола было семеро детей. Один из его сыновей Осип родился уже на Алтае. У него так же было семеро детей. Его дети отличались большим ростом, физической силой и ясным умом. Особенно выделялись Моисей и Акинфий.

Акинфий Осипович прожил недолго. Умер он перед войной в поселке Яйлю в результате врачебной ошибки в возрасте двадцати девяти лет, оставив на руках у жены семерых детей. Старший его сын Лука окончил семилетку и самообразованием постиг работы с металлом, постиг электродело, токарное дело, автодело. Вся его усадьба – это сплошная мастерская. Кузница, лебедки, станки по обработке металла и древесины. Ко всем работам подходил творчески. Сконструировал и построил мини трактор, изобрел и поставил автоматику на токарный станок, изобрел электроколун – дрова колоть. Все домашние работы выполняют агрегаты, построенные им самим. Лука отец семерых детей. Проживает сейчас на Алтае в поселке Удаловка.

Моисей Осипович детей не имел. Это был внимательный, отзывчивый человек. Он всегда один из первых появлялся там, где что-то случалось, и, как мог, оказывал помощь, если таковая требовалась, любому, кто в ней нуждался. Много лет он возглавлял хозяйство заповедника, и любые работы, связанные с посевом, уборкой, сенокосом и другими делами, делались в положенное время. Был он высокого роста, могучего телосложения и обладал огромной физической силой. Сила его

поражала всех. Можно привести массу случаев, где он применял свою силу к великому изумлению присутствующих. Вспоминается забавный случай, свидетелем которого я был.

Как-то перед войной мы играли на берегу озера, около пристани. Здесь же был главный хозяйственный склад заповедника. Склад был открыт, и мы видели, как один плотник из строительной бригады, довольно крупный мужчина плотного телосложения, вынес из склада один за другим два больших ящика с гвоздями, положил их один на другой на чурку и стал ждать подводу, чтобы увезти гвозди на место строительства. В это время мимо проходил Моисей Осипович. Плотник, увидев его, улыбаясь, шутя, сказал:

– Ощепков, унеси гвозди. Моисей Осипович ничего не сказал, молча подошел, подобрал поудобнее оба ящика под мышку правой руки, потом довольно резко повернулся к плотнику, слегка наклонился, обхватил левой рукой ноги в районе колен, и, распрямившись, бросил плотника животом на левое плечо и также молча и не спеша понес и плотника, и гвозди. До стройплощадки было метров двести. Мы устремились за ними. Моисей Осипович легко донес свою ношу к месту строительства и под дружный хохот всей бригады аккуратно поставил на ноги плотника, бросил ящики на землю и, не сказав ни слова, ушел по своим делам. Все были поражены и стали громко прикидывать общий вес. Получалось в пределах 170–180 килограммов.

В начале войны Ощепков ушел на фронт. Все военные годы сельхозработами занимались И.С. Брыляков и П.Ф. Казанин. Оба они знали крестьянское дело в совершенстве, поэтому и не было никаких сбоев. Демобилизовавшись в 1945 году, М.О. Ощепков возглавил эти работы, и в первые послевоенные годы только пшеницы собирали до 45–47 центнеров с гектара. Это выдающийся результат, и директор заповедника А.И. Мартынов дважды направлял представление на присвоение М. Ощепкову звания Героя Соцтруда. К сожалению, оба представления остались без ответа.

Начало работы заповедника. Трагедия в поселке На Каир-су. Возвращение Лыковых на Алтай. Еще одна трагедия. Окончательный уход Лыковых в «пустынь»

Но вернемся вновь к началу деятельности заповедника. Принятые на работу наблюдатели сразу приступили к обустройству, в первую очередь, границ заповедника. С этой целью на всех тропах и дорогах устанавливали щиты с подробным изложением правил заповедности. Проводилась большая разъяснительная работа с жителями близлежащих деревень и сел о том, что такое заповедник и о его пользе в сохранении и обогащении природы.

Во время очередного объезда границы заповедника начальник охраны с наблюдателями посетили Верхнюю Кержакскую заимку и поставили в известность всех жителей о том, что они теперь находятся на территории государственного заповедника, где запрещается всякая эксплуатация природы. Подробно познакомили с правилами поведения на территории и предупредили о неукоснительном выполнении этих правил. Однако по просьбе жителей, учитывая особое положение, им разрешили ловить рыбу, собирать кедровые орехи, косить траву – словом, то, что необходимо в пределах личной надобности. Обитатели заимки с пониманием отнеслись к тому, что им надлежало исполнять.

Оказавшись на территории заповедника, они некоторое время решали, как им теперь быть. С одной стороны, они были ограничены всякого рода запретами, что их не совсем устраивало, с другой стороны, здесь они были как бы под защитой закона. Посоветовавшись, было решено оставаться пока здесь и ждать, что будет. На этом настаивали все три брата: Степан, Карп и Евдоким. Тем более что начальник охраны говорил, что здесь потребуются люди для охраны и для строительства кордона в устье реки Конуй.

Руководство заповедника не возражало бы не трогать это поселение, но в то время, в разгар коллективизации, всем проживающим на отдельных заимках, на основании специального указа, было предложено объединяться в поселки – не менее десяти дворов. Здесь же было шесть дворов, так что поселок

подлежал ликвидации. Но, учитывая, что поселение находится в глубине заповедника и жители могли бы быть принятыми на работу, их пока оставили в покое. Вопрос о дальнейшей судьбе поселка оставался открытым. Но судьба внесла свои коррективы, опередив размышления о том, какое принять решение.

В 1933 году в поселке на Каир-су случилась страшная трагедия. В начале лета пришел с реки Лебедь общий знакомый жителей старовер Никифор Ярославцев. Он немного прибалывал, жаловался на головную боль, остановился на несколько дней передохнуть и хотел идти дальше. Он пробирался за границу в Туву с целью подобрать место для жительства и потом увести туда свою семью, так как не хотел, как и большинство староверов, входить в колхоз.

Здесь были рады каждому единоверцу, кто появлялся и, естественно, приносил массу новостей, поэтому приняли его радушно. Отдохнув, Никифор покинул поселок и ушел в Туву.

Вскоре после его ухода в поселке одновременно заболело несколько человек. Болезнь сразу встревожила всех, так как с подобной болезнью не встречался никто. Протекала она стремительно. Все заболевшие жаловались на сильную головную боль, боли в суставах. Трудно было вставать, ходить, была частая рвота. Заболевшие временами теряли сознание, бредили, и, как рассказывали очевидцы «от боли в голове на стену лезли, что попало говорили, теряли память и помирали в муках».

Первым умер дед Назарий, за ним сват Галактион Саночкин, отец Карпа Осиповича – Осип Ефимович, старший брат Степан. Заболели Карп Осипович, Лупон, Исай Назарович. Замер поселок, затих. Что только ни предпринимали – ничего не помогло. Не успевали хоронить. Страшно стало. Страх охватил всех.

О том, что эту болезнь принес Никифор, не сомневался никто, поэтому собрались все и порешили идти кому-нибудь на Лебедь и «унести» болезнь обратно, откуда она была принесена. Эту миссию поручили выполнить легкому на ногу Евдокиму Лыкову, который держался крепче всех.

Перед утром следующего дня отслужили молебен, и Евдоким до восхода солнца ушел на Лебедь, унося с собой болезнь. Ему предстояло пройти свыше ста пятидесяти километров глухой горной тайги, перевалив Абаканский хребет.

Сейчас трудно сказать точно, что это была за болезнь, но, судя по симптомам и по тому, как протекала болезнь, можно почти с уверенностью сказать, что это была одна из форм менингита. Страшная болезнь, тем более что никакой врачебной помощи не было. Евдоким благополучно дошел до реки Лебедь и около того места, где жил Никифор, «оставил» болезнь. Но самое

главное в том, что в тот день, когда Евдоким «унес» болезнь и когда взошло солнце, тяжело болевшие Карп Осипович, Лупон, Исай Назарович почувствовали себя немного лучше и вскорости выздоровели. Болезнь отступила. Больше не умер никто. Всего болезнь унесла пять человек.

В сороковых годах я расспрашивал бывших жителей тех мест, каким же образом это осуществили, как он унес болезнь? Один из староверов сказал, отвечая на мой наивный вопрос:

– Господь помог, все сделали правильно, как положено, – и, немного помолчав, добавил – в мыслях нес. Это все, что удалось узнать, да иначе и не могло быть. Подробности о таких методах лечения не афишируются. Интересно, что ни детей, ни женщин болезнь почти не тронула. Много лет спустя, при встрече с Агафьей Лыковой я спросил ее о том, что ей известно о той трагедии, и она мне подтвердила почти все, что я уже знал. А на вопрос, какова дальнейшая судьба Никифора, она сказала:

– Никифор помер в Туве. Все это она знала из рассказов родителей. Позднее я узнал, что Никифор благополучно перешел границу в Туву, подобрал место для жительства, вернулся, забрал семью и, вновь перейдя границу с семьей, срубил дом и внезапно умер.

К сожалению, никто в то время не обратил на эту трагедию никакого внимания. Просто констатировали факт. Умерли и все тут. Сами староверы говорили:

– На все воля божья. Словом, никакой помощи пострадавшим. Так и ушло все это в забвение. Масса организационных вопросов в управлении заповедником не позволяла в первые годы все время держать под контролем огромную территорию заповедника. Из средств передвижения и связи только верховые лошади, а расстояния – это сотни километров тайги, гор, перевалов, болот и т. д.

К вопросу о том, как быть с поселком на Абакане, возвращались не раз. Консультировались с главком и местными органами власти. Но время было особенное, заканчивалась коллективизация, частная собственность прекращалась, вовсю рушились так называемые единоличные хозяйства, а в поселке на Абакане ни артели никакой, ни колхоза, ничего.

Предложение оставить поселок как есть было отвергнуто. Оставлять его на территории – значит официально идти на нарушение, что существенно противоречило бы закону государства о ликвидации частной собственности. Поэтому было принято решение предложить обитателям заимки подобрать другое место для жительства и покинуть пределы заповедника.

Осенью 1933 года наблюдатели заповедника: Данила

Молоков, Николай Будуев, Алексей Кулебакин, лесничий Семен Абрамов во главе с начальником охраны появились на заимке и, собрав всех жителей, объяснили им, что оставлять их на территории заповедника высокое начальство не разрешило, поэтому им необходимо уйти с территории. Молча выслушали этот приговор староверы, понимая, что ни возражений, ни жалоб никто во внимание брать не станет. Со всем сказанным согласились и в очередной раз стали собирать свои нехитрые пожитки. Дело привычное. Ну, а выбираться отсюда было значительно легче, чем добирались сюда. Вниз по течению, а там видно будет, да и к такому повороту дел были практически готовы. Главное, перебраться туда, где есть казенная работа, только бы не в колхоз.

Ранней весной 1934 года жители заимки стали покидать это роковое место. Часть сплавилась вниз по реке к своим брошенным несколько лет тому назад домам, а семья Карпа Осиповича, состоявшая к тому времени из трех человек, ушла на Алтай на реку Лебедь. Позднее жители тех мест говорили, что на Лебедь семью увела Акулина Карповна, которой хотелось быть поближе к родным местам. Их первому сыну шел пятый год, но он уже довольно крепко сидел на верховой лошади. Карп Осипович облюбовал место для жительства в местечке Новикове, что несколько выше впадения в реку Лебедь горной речки Куурчак. А еще несколько выше стояло два двора, в одном из которых жила семья Тропиных, будущих родственников Лыковых. Евдоким помог перебраться семье Карпа на Лебедь, а тот в свою очередь обещал вернуться осенью и помочь брату убрать огород и перевезти семью.

На заимке тем временем осталась одна семья Евдокима, который также планировал покинуть это место осенью после уборки урожая и спуститься вниз по реке, о чем официально сообщили руководству заповедника. Жена Евдокима Аксинья ждала ребенка, и это было главной причиной задержки, да и первый их малолетний сынишка серьезно прибалывал.

Лично Евдокиму не хотелось покидать эти места. Он думал остаться и поступить в охрану заповедника на кордон, который должны были строить на границе заповедника при впадении в Абакан речки Конуй. Об этом он говорил с начальником охраны, который в принципе не возражал, тем более что Д. Молоков отозвался о Евдокиме положительно и порекомендовал принять его на работу. Вопрос этот практически был решен. Но с заимки на Каир-су в любом случае надо было уходить. Так мирно и решился бы вопрос о переселении, однако судьба вновь внесла в их жизнь свои страшные коррективы.

Как выяснилось позднее, о поступлении в охрану заповедника на Абаканский кордон думали и другие жители абаканских заимок, да и не только они; словом, претендентов было много. Но Евдоким был, так сказать, кандидатом номер один.

Это обстоятельство и послужило тому, что руководство заповедника получило анонимное письмо, в котором была изложена «характеристика» Евдокима Лыкова. Письмо было передано через охотников и наблюдателей. В этом грязном, кляузном письме говорилось, что Евдоким браконьерствует, уходить с территории заповедника не собирается, и если он будет принят в охрану, то откроет ворота своим людям для промысла на территории заповедника. Договорились даже до самого невероятного, будто Евдоким оказывал содействие укрывшимся в тайге бандитам после окончания гражданской войны в Хакасии. Кстати, Евдокиму было пятнадцать лет, когда окончилась гражданская война в Сибири. Сейчас трудно сказать, кто был автором этого грязного письма, да и невозможно. Грешили на Золотаева, на других, но все это в обывательских пересудах.

Руководство заповедника немедленно направило на Абакан двух наблюдателей – Николая Русакова и Дмитрия Хлыстунова с целью разобраться и выяснить обстановку. Надо сказать, что в этом вопросе дирекция поступила необдуманно, не посоветовалась с людьми, хорошо знающими братьев Лыковых, не учла того, что Николай Русаков, всегда настроенный воинственно, был несдержан, принимал решения, повинувшись вспыльчивости, горячности, ничуть не задумываясь над тем, чем может все закончиться.

Для решения таких серьезных вопросов нужно было послать начальника охраны с теми, кто хорошо знал Лыковых и обстановку в поселениях на реке Абакан. Такими людьми, безусловно, были рассудительные, спокойные наблюдатели: Д. Молоков, И. Деменев, Н. Будувев, А. Кулебакин, молодой лесничий С. Абрамов. Словом, недостатка в порядочных, опытных людях не было. Начальник охраны в то время был в командировке в областном центре. Ясно, что с принятием такого скоропалительного решения явно поспешили.

Наблюдатели появились на заимке неожиданно для Лыковых, которые в это время заканчивали копать картошку и сразу не обратили внимания на вышедших из тайги двух человек с винтовками в руках. Первым заметил идущих к ним людей Евдоким и тихонько сказал об этом Карпу. Братья бросили копать и внимательно рассматривали медленно идущих к ним двух вооруженных человек. Лыковы и не подумали, что это наблюдатели заповедника, и терялись в догадках. Тревожила в

первую очередь непонятная и жутковатая форма одежды. Они не знали, что незадолго до этого наблюдатели получили специальную форму. На них были черные галифе, черные гимнастерки с ярко-желтыми эмблемами на зеленых петлицах отложных воротничков, на голове черные остроконечные шлемы с маленькими козырьками. Что за люди, откуда они взялись, с какой целью пришли – понять не могли.

Первым не выдержал Евдоким, что-то крикнув, бросился бегом к своей избе. Карп устремился за ним. Наблюдатели даже не попытались прояснить обстановку, не сообщили им, кто они такие, с какой целью пришли. Не попытались хотя бы остановиться, представиться и постараться успокоить их, а уж потом, как говорится, все обсудить за «круглым столом». Нет, этого не произошло, наоборот, Русаков, увидев побежавших братьев, резко крикнул:

– Стой, стой, стрелять буду! – и вскинул винтовку. Карп Осипович остановился, но Евдоким продолжал бежать. До спасительной избы оставалось совсем немного, когда прогремел выстрел, который, если уж говорить по существу, должен был быть произведен вверх. Но Русаков стрелял, как сейчас бы звучало, на поражение, стрелял в спину. Евдоким споткнулся, стал падать и, сдерживая себя руками, ткнулся в землю, но почти мгновенно вскочил и, не забегая в избу, скрылся в тайге. Пуля попала в левый бок, пробила кишечник, желудок и вышла в правой стороне живота немного выше пупа. Ранение смертельное. Пробежав еще немного, Евдоким спрятался в тайнике. Видевшая все Аксинья побежала за ним.

Надо сказать, что молодой наблюдатель Хлыстунов, увидев, что Русаков вскинул винтовку, крикнул:

– Не стреляй, они, похоже, не поняли, кто мы такие! Но Русаков не внял голосу разума. Спустя два-три часа Евдоким умер в муках на руках у своей беременной жены. Вот так закончилось это страшное по своей сути выяснение обстоятельств, связанных с грязной анонимкой, о которой Евдоким так и не узнал.

Наблюдатели составили протокол, в котором обвинили Лыковых в том, что они якобы оказали сопротивление, тем самым угрожали их жизни, и в тот же день покинули заимку. Карп Осипович категорически отказался подписать, как он сказал, «ложную бумагу». Карп Осипович и Аксинья вдвоем остались около убитого Евдокима в окружении тайги и свалившегося на них безысходного горя. Поздно вечером перенесли они тело Евдокима в избу, уложили в наспех выдолбленную домовину, а на следующий день погребли рядом с умершими недавно от непонятной болезни близкими родственниками.

После похорон Карп Осипович сплавил семью Евдокима вниз по Абакану, а сам ушел к своей семье на реку Лебедь. Здесь на следующий год родилась у них дочь Наталья. Она – единственная из семьи Лыковых, которая родилась на Алтае в Турочакском районе Ойротской автономной области – ныне Республика Алтай.

Так прекратил существование этот затерявшийся в дремучей тайге несчастный поселочек. Получилось, что пришли сюда для того, чтоб безвременно похоронить здесь близких сердцу людей и потом уйти от дорогих могил в тревожную неизвестность.

По возвращении наблюдатели представили директору составленный протокол и подробную объяснительную, в которой, существенно извращая фактические события, обвиняли Лыковых в вооруженном сопротивлении. Этот случай взбудоражил весь поселок. Многие работники заповедника, хорошо знавшие Лыковых, были в недоумении. Как мог Евдоким, искренне желавший работать в заповеднике, когда и вопрос о его приеме был практически решен, оказать вооруженное сопротивление? Словом, этому не совсем верили, а, разговаривая между собой, говорили, что здесь что-то не так. О случившемся сообщили в район. Было проведено расследование, но как-то поверхностно, как бы не придавая особого значения. Никто перед судом не предстал. Середина тридцатых годов. Самое смутное и жутковатое время. Ну, убили, и что тут особенного. Значит, виноват.

Весной 1935 года группа наблюдателей во главе с начальником охраны посетила заброшенный поселочек. Осматривая окрестности поселка, обнаружили, что медведь разрыл могилу Евдокима, вытащил труп и съел его. Колода, в которой был похоронен Евдоким, валялась рядом. Везде виднелись обгрызанные кости, остатки одежды и наполовину сохранившийся череп. Наблюдатели заново выкопали могилу, постелили в домовину сухую траву, уложили все, что осталось от Евдокима, и вновь погребли. Д. Молоков спустя годы рассказывал нам, что все увиденное произвело тогда на всех гнетущее впечатление.

Случаи выкапывания медведями трупов на сельских кладбищах в Сибири известны, хотя они были крайне редки даже в таких глухих местах. Все дело в том, что неглубоко похороненные тела привлекали медведей запахом разложения, а в данном случае одному Карпу Осиповичу было сложно выкопать глубокую могилу и еще сложнее опустить тяжелую колоду, поэтому и похоронили Евдокима как смогли, на небольшую глубину.

В разговоре с Агафьей Лыковой я спросил ее, известно ли ей

о том, кто написал донос на Евдокима, или, может, слышала что-либо о том случае? К моему удивлению, она с уверенностью сказала:

– На Евдокима доказал Ермилий Золотаев. А на мой вопрос, откуда ей это известно, ответила: – Тятенька сказывал. Кстати, Молоков был такого же мнения. Почти три года прожили Лыковы в Турочакском районе. За это время Акулине Карповне удалось побывать в своем родном селе Дайбово, где она родилась и где еще жили их родственники.

В начале 1937 года Лыковых неожиданно посетили сотрудники НКВД и подробно расспрашивали о том, как и при каких обстоятельствах был убит Евдоким. И хотя в разговоре не чувствовалось чего-то угрожающего, наоборот, сотрудники посочувствовали Лыкову, сказали, что наблюдатели были неправы и что надо разобраться в этой истории. Однако Карп Осипович встревожился не на шутку. Стал думать, что так просто это дело не закончится, что наблюдатели могут наговорить чего угодно, оправдывая свои действия, и обвинить его в том, чего не было.

В той тревожной обстановке, когда все люди жили, не совсем понимая, что же происходит в стране, когда люди стали бояться друг друга, Карп Осипович принимает решение уйти в тайгу. Причем уйти так, чтоб никто не знал, куда ушли, где остановились на жительство. И надо сказать, что это ему удалось блестяще. Лыков увел свою семью вновь в родные места в верховья Бол. Абакана, где он знал буквально каждый метр местности.

Сейчас, много лет спустя, надо отметить, что по тому времени Лыков принял правильное решение – уйти туда, где их меньше всего могли ожидать. Именно туда, откуда их несколько лет тому назад выселили. Позднее, при встрече с Молоковым, он скажет:

– Мы тогда ушли бы с миром, а нас стали изгонять с лиха, теперь я совсем отсюда не уйду. Так они вновь оказались на территории заповедника и остановились на жительство на небольшой террасе правого склона долины реки Абакан, или, как они сами назвали, на прилавке.

Здесь спустя три года их нашли наблюдатели, с чего мы и начали наше повествование.

Конец войне. Военные топографы. Снова в бега. Поход к Лыковым. Опасности перехода. Очередное исчезновение Лыковых

Спустя год после окончания Отечественной войны, в 1946 году, на Алтай и Саяны были направлены военно топографические части с целью уточнения и составления подробных карт. За лето отряды топографов буквально исколесили Алтай-Саянскую горную систему и побывали практически во всех уголках огромной, слабо заселенной территории.

В течение всего лета военные топографы работали в очень сложных условиях. Гибли лошади в потоках горных рек, погибало продовольствие, приборы, снаряжение и одежда. Главная причина серьезных потерь и лишений в том, что эти части были на 80 % укомплектованы из жителей европейской территории России, Украины и Белоруссии, которые в сложных условиях Сибири оказались впервые. Но, несмотря на трудности, поставленная задача была выполнена.

В конце августа и начале сентября из горной тайги выходили последние отряды, и некоторые из них, после короткого отдыха в нашем поселке уходили к месту дислокации части.

Одним из последних вышел отряд под командованием ст. лейтенанта и остановился в поселке на отдых. Этому отряду не повезло – они остались без лошадей и потеряли почти весь запас продовольствия, однако выходили из глухого района Западных Саян, сохранив приборы, собранный материал и оружие, а главное – людей. Двенадцать человек под командованием опытного офицера-топографа двигались к Телецкому озеру, питаясь только тем, что добывали в пути, благо в отряде были солдаты из таежных поселков Сибири.

Подойдя к спуску в глубокую долину реки Бол. Абакан, отряд остановился. Далеко внизу, извиваясь, вырываются из каменных теснин три реки и, соединившись в один поток, общими усилиями пробивают горы. Здесь образовалась сравнительно неширокая долина, по дну которой стремительно мчится Абакан – на встречу с могучим Енисеем.

Рассматривая суровое ущелье и выбирая оптимальный вариант перехода через него, офицер обратил внимание на небольшое желтое пятно на левом берегу речки Еринат при

впадении его в Абакан. Офицер стал рассматривать в бинокль это пятно, не характерное для данной местности. Каково же было его удивление, когда он увидел избу и копошившихся около нее людей. Твердо зная, что здесь абсолютно нежилой район, к тому же это территория государственного заповедника, офицер высказал предположение, что это, похоже, какое-то тайное поселение, скорее всего, староверов. Приняв все меры предосторожности, отряд спустился на дно долины, но подойти в этот день к поселению не успел. Выбрав глухой распадок, остановились на ночлег в таком месте, откуда свет костра не мог быть виден. На следующий день отряд, выполняя приказ офицера, разбился на две группы, окружил поселение и внезапно появился у самой избы.

Карп Осипович, его жена и двое детей – Савин и одиннадцатилетняя Наталья были в это время у избы, занимались отвеиванием кедровых орехов. Погода стояла прекрасная. Первой заметила солдат Наталья. Вскочив на ноги, она, указывая рукой, истошным голосом закричала:

– Тятенька, тятенька! Все Лыковы вскочили, увидели, что окружены со всех сторон вооруженным отрядом военных, и замерли в страхе. Они были так напуганы, так потрясены, что на первых порах потеряли дар речи и способность двигаться, окаменели, потом медленно опустились на колени, стали креститься, творя молитвы. Можно только догадываться, что было в это время в душах этих людей.

По тому, что все они крестились двуперстием, наблюдательный офицер понял, что предположение его подтвердилось, перед ними были староверы. Видя растерянность и страх в глазах этих людей, офицер быстро подошел к молящемуся мужчине с окладистой бородой, заговорил и попытался поднять его на ноги. Однако старовер, обхватив офицера за ноги, припав щекой к голенищу сапога, замер, даже показалось, что он пытается поцеловать сапоги.

Тем временем солдаты осмотрели усадьбу, и один из них направился к открытой двери избы.

– Туда не надо, – еле слышно произнес старовер – там дите. Офицер остановил солдата и спросил, сколько их человек. – Все здесь, – крестясь, ответил старовер. На этом осмотр прекратился. Офицеру с трудом удалось поднять старовера на ноги. Он пытался успокоить его, убеждая, что ничего плохого солдаты им не сделают, однако, бормотал что-то непонятное и не сводил испуганных глаз с его погон.

Как выяснилось позднее, он не мог понять, почему на плечах погоны. Лыков хорошо знал, что с приходом советской власти

были отменены не только сословия, но и погоны, и другие знаки отличия, и вдруг – погоны. Уж не вернулась ли власть царя? Надо сказать, что все староверы даже в глухих местах далеко в тайге знали, что последний самодержец России, император Николай II, в самом начале века окончательно прекратил всякие гонения на староверов и узаконил этот, так сказать, слой населения России. Знали и о том, что вся семья царя погибла во время переворота, поэтому погоны вызывали недоумение и какой-то страх.

После того как наступило относительное спокойствие, начались переговоры. Узнав, что перед ним Лыков, офицер был крайне удивлен и сказал, что и фамилию эту слышал, и что в картах и документах значится местожительство Лыковых, но значительно ниже по реке в местечке, так называемом Тиши. Лыков подтвердил, что он действительно довольно долго прожил в этом небольшом поселке, где родился в 1902 году. Постепенно «дипломатические отношения» наладились, и разговоры стали носить более откровенный и доверительный характер. К удивлению офицера, почти в самом начале беседы Карп Осипович спросил вдруг о войне. И на вопрос, откуда он знает о войне, Лыков ответил:

– Данила сказывал. Лыков рассказал, что у него после начала войны был военный отряд, сопровождаемый его давним знакомым Данилой Молоковым. Лыков, видимо, боясь последствий, не сказал, что он тогда схоронился с семьей в тайге и встречался только с Молоковым. Офицер поинтересовался, здесь ли был тот отряд. Карп Осипович рассказал, что проживали они в то время на прилавке километрах в двадцати пяти ниже по течению реки, на правом ее берегу, но после ухода отряда покинули то место и переселились сюда. Карп Осипович поведал, что там на прилавке было у него начальство заповедника, приглашали его на работу в охрану заповедника. Однако после появления того отряда поняли, что теперь их так просто в это страшное время в покое не оставят, поэтому приняли решение найти другое место для жительства.

Здесь, на берегу реки Еринат, на небольшой террасе над рекой, в окружении густого березового леса Лыков срубил избу и, переселившись всей семьей, они начали, как могли, устраивать свой быт. Была война, и больше никто в этих местах не был, и Лыковы на несколько лет оказались в забвении. Было не до них.

Офицер подробно рассказал о войне, о победе, чему Карп Осипович искренне порадовался, и, перекрестившись, сказал:

– Слава Богу, побили супротивника. Рассказал и о том, что русской армии решением правительства вернули старинные знаки различия. Так разрешился мучительный для Лыковых

вопрос о власти. Подолгу говорили глава семьи и командир отряда о войне, о жизни в тайге, о преимуществах жизни в селах и городах. И несмотря на то, что Лыков внимательно слушал, слегка прищуривая глаза, согласно кивая головой, и произносил – «едак, едак», было ясно, что он всегда остается при своем мнении. Офицер расспрашивал о местности и, показывая Лыкову карты, уточнял направления рек, заболоченные участки, проходы через перевалы и о многом другом, что касалось его работы топографа, и все, что считал необходимым, скрупулезно заносил в документы.

Лыков рассказал, где именно жила семья его родителей, где, в каких местах проживал он с семьей, где были другие поселения. Таким образом, он невольно принимал участие в обработке собранного материала и в составлении карт этого глухого района. Да и сама фамилия Лыкова была увековечена на военно-топографических картах с грифом «Секретно». Все места проживания Лыковых нанесены на эти карты с пометкой «Заимка Лыкова».

В последующие годы все научные экспедиции и туристические группы, путешествующие в горах Алтая и Саян, пользовались этими картами и хорошо знали о том, что здесь в глухой тайге проживала семья Лыковых.

Все разговоры «на высшем уровне» между офицером и Лыковым, как правило, начинались просьбами не трогать их, и каждый раз офицер пытался убедить Лыковых, что они их не тронут и никуда не уведут. Но офицер нет-нет, но касался вопроса о том, что нужно подумать о детях, о их будущей жизни.

В основном контактировали гости только с главой семьи, а все остальные не принимали участия в разговорах и были как бы за гранью общения. Иногда старший сын Савин подсаживался и молча слушал разговор, но Карп Осипович, как правило, находил ему заделье и отправлял его по каким-то домашним делам.

Два полных дня провел отряд на усадьбе Лыковых. За это время солдаты хорошо отдохнули, подремонтировали обувь, одежду, поели картошки и вдоволь рыбы. Накануне ухода офицер тщательно проверил все, что осталось, и передал Лыковым почти всю оставшуюся соль, оставив себе ровно столько, чтобы хватило на дни перехода.

Вечером договорились, что Карп Осипович проводит их до перевала через Абаканский хребет и укажет менее сложный маршрут выхода к Телецкому озеру.

Рано утром, после молебна Лыковых и завтрака, вышли в путь. Карп Осипович взял с собой Савина. Путь предстоял нелегкий и на несколько дней. Им предстояло немного

спуститься по долине Абакана, потом уйти влево и, пересекая так называемую Коль-тайгу, подняться на Абаканский хребет и здесь разойтись.

Провожать отряд вышла вся семья. Акулина Карловна держала на руках маленькую Агафью, а Наталья, держась за подол плачущей матери, повторяла:

– Тятенька, не уходи. Карп Осипович подошел к жене и, увидев на ее глазах слезы, сказал:

– Ну, будет, не плачь, через четыре дни ждите. Офицер также подошел к Акулине Карповне и, поклонившись, поблагодарил за уют и еще раз заверил, что вернутся они живы, здоровы. Солдаты громко прощались, благодарили за все, желали всем благополучия и здоровья. И вот команда двинулась в путь. Через несколько минут отряд исчез в тайге.

Поднявшись на перевал, остановились на отдых. В этом месте предстояло прощание. Погода стояла великолепная. Карп Осипович рассказал, показывая на местности, как надо идти, и, показывая вдаль на огромный провал в горах, пояснил, что там Телецкое озеро, и, помолчав, добавил – «дивное озеро». Офицер поинтересовался, не изменится ли погода, но Лыков успокоил, сказав, что погода еще постоит хорошая.

После отдыха стали прощаться, Лыковы крестились, шепча молитвы. Офицер еще раз поблагодарил Лыкова за все. Карп Осипович перекрестил его и тихим голосом сказал:

– С Богом. Пройдя метров двести, офицер оглянулся и увидел обоих Лыковых стоящими на месте. Стали махать руками, Лыковы ответили тем же, потом перекрестились, повернулись и пошли. Их серенькие фигурки несколько раз мелькнули между камней и вскоре окончательно исчезли в зарослях карликовой березки. Теперь разошлись навсегда, одни в «мир», другие в «пустынь».

Рассказывая о минутах прощания, офицер говорил, что чувствовал себя как-то некомфортно, и было страшно жаль этих заблудившихся взрослых и запуганных детей, в глазах которых он все дни видел тревогу и страх.

Не внял Лыков-старший голосу разума и в этот раз, не впитал в себя все то доброе, что было ему сказано, только одна дума сверлила его голову – уходить, уходить, и сразу после расставания с отрядом они спешно двинулись домой. Невзирая на усталость, ходко пошли, теперь уже в основном вниз. Усталости не чувствовали, шли до наступления темноты. Остановились в гуще тайги, развели костер, перекусили и прилегли отдохнуть, как условились, «до месяца». Через три-четыре часа, как только вошла луна, двинулись дальше и рано утром на четвертый день,

как и обещали, оказались, к великой радости всех, в родных стенах маленького домика.

Надо полагать, что Лыков неоднократно возвращался в мыслях ко всему тому, о чем ему говорил офицер. Дети – вот главное, о ком надо было думать, об их будущем устройстве. Чета Лыковых и в мыслях, и в тайных разговорах между собой наверняка касалась этой темы. Они прекрасно понимали, что недалек тот час, когда законы природы потребуют сближения с себе подобными для продолжения рода. Помнил Лыков содержание и тех разговоров, которые происходили, когда он неожиданно появился на кордоне заповедника в 1940 году. Тогда также главной темой в разговорах была судьба детей. Однако страх брал свое, и Лыковы имели на то основания. В крови был страх. Преследования, гонения из года в год, из века в век – все это крепко вошло в сознание, и изменить что-либо было страшно сложно. А события последних 15–16 лет, происходившие на территории родной России, особенно 1937 год, вселивший тревогу, настолько пугали, что Лыковы окончательно пришли к выводу, что уход в «пустынь» в 1937 году им не простят.

Офицер во время разговора говорил, что всех, кто отлынивал от службы в армии в период войны, серьезно наказывали. Это было то семя, которое крепко запало в душу и дало всходы. В данном случае, наряду с другими причинами ухода, это было главное, что порождало страх. Поэтому было решено уйти на новое место, так как люди, зная, где они живут, придут обязательно.

Сразу после возвращения домой приступили к сборам, и, пользуясь хорошей погодой, Карп Осипович с сыном забрали нужный инструмент, ушли к заранее облюбованному месту. Эта таежная елань, где предстояло обустраиваться на долгие годы, располагалась в окружении вековой кедровой тайги, которая, по мнению Лыкова, была более надежным местом, где найти их было значительно сложнее. Здесь, на этой елани, предусмотрительный Лыков спустя года три после переселения на Еринат срубил сруб, покрыл его и оставил на случай внезапного переселения. И теперь это оказалось кстати.

Недостатком же являлось то, что елань находилась значительно выше в горах, чем их усадьба на Еринате. Здесь несколько позднее наступало тепло, раньше наступало похолодание и выпадал снег, поэтому вегетативный период в жизни растений был короче, что не могло не сказаться на выращивании огородных культур. Однако многолетний опыт подсказывал, что если своевременно все делать, то можно добиться успехов. Здесь протекал хороший ручей, никогда не

пересыхающий, что так же было очень важно. Мест, подобранных для тайного проживания, было несколько, но это, куда отпавились, было наиболее подходящим.

Спустя пять месяцев специальный отряд, посланный зимой с целью выселения Лыковых, буквально исколесил верховья Бол. Абакана, но обнаружить Лыковых так и не удалось. Ну, об этом будет подробно сказано, а сейчас ушли двое Лыковых, осеняя себя крестным знамением и шепча молитвы, к новому месту жительства, где их никто и ничто не ждало. Кругом тайга дремучая, суровая – чуть оплошал, и сгинешь, был человек – и нету, и искать никто не будет, так, значит, Богу угодно.

Но, имея огромный жизненный опыт проживания в экстремальных условиях, Лыков контролировал буквально каждый шаг всех членов семьи, внимательно следил и постоянно учил, что и как надо делать, чего надо опасаться, что нужно учитывать, делая что-то, и за многие годы в отрыве от всего мира практически не допустил никаких серьезных ошибок.

За тот короткий промежуток времени, что оставался до зимы, нужно было сделать многое: достроить избу, убрать огород и переселиться всем вместе с нехитрым скарбом и запасами на новое место жительства. Работали от зари до зари, прерываясь только для принятия пищи и молебнов.

Лыковы успели. Сделали практически все, что нужно было для проживания на новом месте, ценой невероятных усилий и почти круглосуточного труда, и успели перенести почти все овощи. Осталось только кое-что из подсобного оборудования, часть картошки и полный лабаз черных, как смола, сухарей. На этом закончилась эта тревожная осень, принеся столько страданий всей семье, живущей в постоянном страхе. Ушли и как в воду канули. Были и нету. Остался стоять небольшой домик с пустой глазницей, величиной с варежку, вместо окна, в доказательство того, что здесь еще совсем недавно теплилась жизнь.

Погода испортилась. Вершины суровых, молчаливых гор окутал грязно-серый туман, полили дожди, и север дохнул уже нешуточным холодом.

Денно и ночью молились Лыковы, воздавая хвалу Богу за то, что дал в основном хорошую погоду почти на все время переселения. Помнил Лыков, что не зря говорили старцы-раскольники:

– Молись денно и ночью, и Господь пошлет благодать, и будет спасение. Так оно и вышло. Ушли, и как будто их тут никогда и не было. Никто не помешал. Спаслись. Здесь, в глухой тайге в 1947 году родился у Лыковых сын Дмитрий.

Отряд военных топографов благополучно преодолел последние километры, спустился к Телецкому озеру в устье реки Кокши и водой прибыл в поселок Яйлю. Здесь офицер подробно рассказал о Лыковых, о его помощи отряду и обратил внимание на крайне тяжелое положение семьи. Сообщение офицера о встрече с Лыковыми восприняли у нас в поселке с удивлением. Дело в том, что все были уверены, что Лыковы после встречи в 1941 м с отрядом пограничников и сотрудников НКВД, о котором мы рассказывали, ушли вниз по реке в поселок Тиши. Во всяком случае, так посоветовал тогда Д. Молоков, и с этим предложением Лыков был согласен.

Рассказывая о Лыковых у нас в поселке, офицер говорил, что о чем бы ни шел разговор, Карп Осипович никогда не возражал, не противоречил, и такое поведение офицер объяснял тем, что Лыков, видимо, побаивался возражать или высказывать несогласие, чтобы не прогневить собеседника, и со всем сказанным соглашался, хотя чувствовалась явно неискренность.

Обращал внимание на крайнюю бедность, нищету, на то, что хотя они как-то общались, но напряженность была постоянная, то ли от охватившего их непреодолимого страха, то ли от того, что они настолько одичали, что перешагнуть эту грань, успокоиться и поверить в добро они были не в состоянии; во всяком случае, создавалось такое впечатление. Поэтому офицер делал все возможное, чтобы как-то убедить их успокоиться, преодолеть себя и подумать, что постоянно так жить нельзя, что надо думать и о детях, и о себе. Это было официальным сообщением, поэтому руководство заповедника уведомило обо всем райком партии и доложило начальству области.

Директора заповедника А.И. Мартынова вызвали в обком партии, где ему было сделано соответствующее внушение о том, что на территории вверенного ему заповедника скрывается семья староверов, нарушая таким образом целый ряд законов государства. Кроме этого Лыкову вменялось в вину, что, скрываясь в тайге, он отлынивал от службы в армии и не принимал участия в защите Родины в годы войны, и руководство заповедника не должно способствовать этому. После обсуждения этого вопроса было предложено послать отряд наблюдателей с представителями НКВД с целью вывести семью Лыковых к людям, устроить ее, а главу семьи Карпа Осиповича привлечь к ответственности.

Тем временем наступила зима. К вопросу о судьбе Лыковых возвращались не раз. Обсуждались различные варианты. Руководство заповедника предлагало переселить Лыковых на Абаканский кордон, куда он до войны давал согласие переехать,

оформить его наблюдателем заповедника и таким образом оставить в покое и оказать его семье всяческую помощь и поддержку. Представители власти были иного мнения, говорили о привлечении главы семьи к ответственности за отлынивание от службы в военное время. Были предложения вообще не трогать его, пусть живет, где хочет и как хочет.

Одним словом, готовиться в поход к Лыкову начали практически сразу, как только получили информацию о его местонахождении. Вначале было решено побывать у Лыковых этой же осенью, но проблем кроме Лыковых было предостаточно и сразу сосредоточиться на Лыковых было просто невозможно. Время шло, и приближалась зима, поэтому остановились на варианте первого предложения – послать отряд наблюдателей в феврале следующего, 1947 года. Все были уверены, что Лыковы до весны никуда не денутся.

В конце сентября на Абаканский кордон были завезены выучным путем продукты и, как в довоенные годы, спрятаны в тайнике. Учитывая, что поход зимой займет много дней и нести на себе питание, личные вещи и оружие будет сложно, поэтому завезенные продукты решат эту проблему. К кордону планировалось подойти во второй половине похода. Незадолго до выхода на совещании было принято решение, как и намечали предварительно, идти кратчайшим путем: из Кыгинского залива, что в самой южной части Телецкого озера, через Абаканский хребет, и попытаться спуститься к реке Абакан долиной его притока реки Еринат. Этим путем, точнее долиной реки Еринат, никто никогда не проходил ни зимой, ни летом. Это глубокое ущелье, и если в верховьях Ерината и в самом низовье люди бывали, то долина в среднем течении была белым пятном. Это настораживало. Но Молоков настаивал идти долиной Ерината, а в случае, если ущелье окажется непроходимым, то уйти на левый склон, траверсировать его и спуститься в долину Абакана ниже впадения в него Ерината. С этой стороны Лыков не мог никого ждать.

На совещании представитель НКВД сказал, что пойдут одни наблюдатели, так как Лыков не представляет никакой социальной опасности и их присутствие необязательно. Отряд был сформирован из шести человек во главе с начальником охраны заповедника Иваном Бушуевым. В состав отряда вошел родственник Лыковых Роман Казанин и уже известный нам Д. Молоков. Трое молодых наблюдателей Унучаков Павел, Леонтий Засорин и автор этих строк завершали состав отряда. И хотя официально начальником похода был назначен, естественно, И. Бушуев, фактически руководил всеми действиями и принимал

окончательные решения Молоков. Его беспрекословно слушались все. Авторитет его был непререкаемым.

Несколько отступая, необходимо сказать, что вскоре после возвращения из похода к Лыкову осенью 1941 года, о котором я уже писал, Д. Молоков ушел на фронт и завершил войну в Берлине в 1945 году живым и здоровым, если не считать, что во время вражеского артобстрела ему осколком напрочь оторвало средний палец правой руки у самого основания. Оба его сына, Перфилий и Михаил, погибли на фронте. Сразу после гибели обоих сыновей пришла похоронная и на самого Данила Макаровича, а через несколько дней после этого медведь напал на домашний скот, и обе их коровы, спасаясь бегством, сорвались с крутого склона горы и разбились. На следующий день после гибели коров по непонятной причине сдохла единственная свинья. Все это враз обрушилось на одинокую женщину, живущую в то время на кордоне заповедника Кара-Таш. Жена Молокова Домна Васильевна нашла в себе силы и мужественно перенесла такое страшное совпадение трагических событий, хотя, как потом говорила, молила Бога взять и ее. Но спустя месяц пришло, к великой радости, письмо от самого Молокова из полевого госпиталя, где он залечивал ранение.

Вернувшись с фронта, Данила Макарович сразу явился в управление заповедником, и его восстановили в должности старшего наблюдателя. Под его контроль была отдана огромная территория заповедника. Замечательный человек Иличевский Вячеслав Андреевич, проработавший несколько лет начальником охраны в довоенные годы, погиб на войне.

Из четырех научных сотрудников заповедника, ушедших на фронт, вернулся только один Федор Дмитриевич Шапошников. Его родной брат Евгений Дмитриевич, Аркадий Владимирович Маньковский и Михаил Александрович Мартыненко погибли на войне. Все они оставили хорошие воспоминания о себе. Это были прекрасно образованные, высококультурные и общительные люди. Они много делали для культурной жизни нашего таежного поселка. Научные сотрудники приветствовали принятие на работу Лыкова наблюдателем на Абаканский кордон, считая его большим знатоком самого отдаленного и мало исследованного участка – верховий реки Бол. Абакан. Они говорили, что Лыков – это кладезь знаний природы Западных Саян.

В первые послевоенные годы очень плохо обстояло дело с хорошим снаряжением, поэтому экипировка всех оставляла желать лучшего. Все на себе. Ватные брюки, ватные телогрейки, поверх которых брезентовые куртки, на ногах ичиги – и все, никаких палаток, спальных мешков, хотя предстояло провести в

зимней тайге около 15–17 дней, ночуя у костра.

Вышли в поход с кордона Чири, что в Кыгинском заливе. Первый день похода шли по дну долины реки Кыга и на ночлег остановились у подножия горы Кербе, откуда начинался крутой подъем практически на Абаканский хребет. К верхней границе леса на Абаканском хребте подошли на третий день примерно к обеду и остановились на ночлег. Погода заметно стала портиться, а для преодоления гольцовой части перевала нужно было потратить почти полный день. В редколесье удалось подобрать мало-мальски подходящее место под защитой выходов скал и низкорослых, кряжистых кедров с измученной частыми ветрами и лютыми морозами кроной. Мы прекрасно понимали, что ночь предстоит, мягко говоря, беспокойная. С места нашего бивуака, примерно в полутора километрах, хорошо была видна седловина, куда, как указал Молоков, мы должны были идти. Но верхнюю точку перевала, на высоте около 2000 м над уровнем моря, не было видно.

Мы очистили от глубокого снега небольшую площадку, заготовили дрова и стали с помощью молодых деревцев, веток сооружать ограждение и навес на случай непогоды. Вскоре пошел снег, усилился ветер и, постепенно набирая силу, начался буран. Нам удалось закончить «строительство» и успеть приготовить ужин, но отдохнуть по-настоящему не пришлось. Мы находились почти на самой высокой точке хребта, разделяющего огромное пространство бассейнов двух великих рек мира, по которому северные ветры беспрепятственно мчатся к югу и, встретив на пути горные хребты, с диким воем разбиваются, образуя сумасшедшие завихрения. А что такое буран на вершинах хребтов, мы почувствовали, когда это буйство природы обрушилось на наше примитивное сооружение. Порывы ветра забрасывали снег во все уголки нашего приюта, и спастись от него было невозможно.

Так прошла ночь. С наступлением рассвета ничего не изменилось, и было принято решение остаться на дневку в надежде, что буран стихнет. А двигаться вслепую – значит, подвергать себя определенному риску, но и сидеть без движения вперед также было не совсем желательно. Но решение было принято, и мы остались. Весь день, как и прошедшую ночь, мы бились за сохранение тепла, благо пищи для костра было сколько угодно, но добыть дрова было довольно сложно. У костра располагались по три человека с одной стороны. Длину костра держали около двух-трех метров. Вторая ночь также не принесла изменений, и рассвет мы встретили в бушующем море снега. Посоветовавшись, приняли решение идти, так как сидеть и

уменьшать запас продуктов без движения вперед было слишком расточительно.

Данила Макарович подробно проконсультировал нас, обратив внимание на то, что двигаться нужно будет как можно плотней, никакого разрыва между идущими, иначе растеряемся и погибнем. Кто-то спросил Молокова, не заблудимся ли мы, не провалимся ли куда-нибудь в пропасть. Данила Макарович сказал, что все будет зависеть от нас самих, что если будем соблюдать то, что нужно в таких условиях, то пройдем, а ветер поможет, и за перевалом будет спокойней.

И вот мы в пути. Молоков впереди, а замыкал колонну Иван Бушуев. Наш самый лучший ходок на лыжах Павел Унучаков все время шел за Молоковым. И хотя на всем пути перевала снег был очень плотный, что позволяло идти, не затрачивая особых усилий на прокладку лыжни, Павел временами выходил вперед и подменял Молокова под его строгим контролем. Данила Макарович внимательно следил за направлением движения.

Вспоминая сейчас этот тяжелейший день перехода, диву даешься, как мог Молоков, каким чутьем вести наш отряд в нужном направлении с ювелирной точностью. Ни компаса, никаких видимых предметов – кругом сплошная пелена из бушующего снега. Шли лыжи в лыжи. Пелена была настолько плотной, что третьего от себя человека было уже не видно. Особенно сильный буран был на вершине перевала. Страшной силы ветер чередовался с бешеными порывами, в буквальном смысле толкал нас вперед и чувствительно помогал идти. И здесь мы, в частности я, поняли, почему Молоков говорил, что ветер поможет. Если говорить откровенно, то было немного жутковато. И если где-то существовал кошмар, так это именно здесь.

Верхнюю точку перевала мы не заметили, так как в такой обстановке это было невозможно, поэтому первые метры пологого спуска остались позади прежде, чем мы почувствовали, что движемся вниз. Ветер заметно становился тише, видимость улучшилась, и вскоре мы увидели далеко внизу черную полосу тайги. Это уже были Саяны. Выйдя из зоны бурана и ветра, Молоков остановил движение отряда, внимательно осмотрелся и объявил, что перевал миновали, что вышли точно куда надо. После молчаливого движения в течение нескольких часов и нервного напряжения все оживились и громко наперебой заговорили. После короткого отдыха ходко двинулись вниз.

Широкая долина Ерината в верховьях довольно круто уходила вниз и по мере спуска все глубже и глубже зарывалась в горы, образуя глубокое ущелье с крутыми скалистыми склонами. Наши лыжи, подбитые камусом, легко скользили по довольно

крутому, с ровной поверхностью глубокого снега склону, и расстояние до леса мы покрыли довольно быстро. Один из сложнейших участков нашего маршрута, перевал через Абаканский хребет, был пройден. Это было серьезное испытание, которое мы преодолели в суровых погодных условиях без каких-либо серьезных неприятностей.

На ночлег остановились на небольшой ровной площадке в густом кедраче. Здесь было спокойно и тихо, но вершины гор, как и весь хребет, были окутаны тучами, и там по-прежнему свирепствовал хозяин этих мест – ветер. К наступлению темноты все было готово к ночлегу, и, наконец, мы смогли утолить голод и отдохнуть. Несмотря на то, что все, связанное с перевалом и бурей в горах, осталось позади, все мы прекрасно понимали, что впереди нас ждут серьезные трудности и опасности, связанные с проходом по долине Ерината. Перед нами был самый сложный участок нашего маршрута, который никто не проходил, и что он таит в себе, можно было только догадываться.

Вечером у костра подробно оговорили многое, на что надо было обращать внимание. Все мы знали, что долины горных рек такого типа, как Еринат в среднем течении, как правило, либо труднопроходимы, либо вообще непроходимы, и мы могли зайти так, что выбраться будет непросто. Одна из серьезнейших опасностей, чего надо было постоянно опасаться, находясь на дне узкой долины, – это снежные лавины. Зима заканчивалась, и начинался период схода снежных лавин.

Ночью небосвод начал очищаться от облачности, появились звезды, и наступило полное спокойствие, но было довольно тепло. С наступлением рассвета двинулись в путь, теперь уже по самому дну долины. Толстый слой снега покрывал камни, упавшие деревья, что значительно помогало двигаться и переходить с одного берега на другой в зависимости от прижима скал. Сама по себе река Еринат здесь была небольшой, шириной не более 4–6 метров. Клокочущая между камней вода во многих местах была видна, поэтому двигаться приходилось крайне осторожно.

Вскоре мы увидели на снегу свежие следы нескольких рысей. Табунок из пяти рысей, как мы определили позднее, прошел ночью вниз по долине. Шли они с характерной для рысей тактикой движения – гуськом, след в след. Для нас это не показалось чем-то необычным, однако Молоков оживился и, рассматривая следы, сказал, что ведет табунок старая, очень крупная рысь, и теперь рыси будут для нас как бы путеводителем. Нам это было не совсем понятно, и Молоков пояснил, что рыси совершают переход в верховье Абакана, где снежный покров

значительно меньше, чем в соседних урочищах, и там более кормные места. Туда они и направляются, и, если рыси пройдут, значит, и мы должны пройти.

Буквально с каждым шагом двигаться становилось сложнее, долина сузилась, и вот мы оказались на небольшом прилавке левого берега реки. Оба склона долины представляли собой отвесные скалы, а сама речка бурным потоком шумела и обрывалась водопадом вниз. Казалось, дальше идти некуда. Прилавок обрывался почти отвесным уступом высотой примерно 2–3 метра. Упавшее когда-то с прилавка дерево образовало своего рода мост, по которому можно было спуститься на небольшую площадку.

Внизу, в 30–40 метрах от нас, между отвесными скальными берегами, чернело тихое плесо незамерзшей воды. Ширина плеса была не более 5–7 метров. Никакого прохода не было видно. А дальше, за этой щелью, долина немного расширялась, скалы левого берега несколько отступали, образуя между скальной стеной и берегом реки крутой склон, заваленный камнями и буреломом. Долина же попрежнему круто уходила вниз.

Рыси уверенно прошли через прилавок и по упавшему дереву, покрытому толстым слоем снега, спустились вниз почти к самой воде, и их следы исчезали за поворотом скалы. Мы также спустились вниз, что далось нам значительно сложнее, чем рысям. Снег, грибной шапкой покрывавший упавшее дерево, при первых наших шагах разломился по всей длине, обвалился, обнажив ствол с торчащими ежиком сучьями. Оказалось, внизу мы столпились на крохотной площадке у самой воды, и здесь стало ясно, каким образом прошли рыси. Примерно в 60–70 сантиметрах над уровнем воды мы увидели толстый ледяной козырек, как бы припаянный к скале, ширина которого была не более одного метра. Толщина козырька около тридцати сантиметров, но ближе к скале толщина увеличивалась, образуя с нижней стороны как бы кронштейн, и у самой скалы толщина достигала почти сорока сантиметров. Образовался козырек, судя по всему, в начале зимы в сильные морозы, когда уровень воды был значительно выше, но постепенно вода в реке убывала, лед под собственной тяжестью провалился, оставив на всем протяжении отвесной скальной стенки мощный козырек.

Обсуждая обстановку, мы внимательно осматривали это мрачное, опасное место, понимая, что иного пути нет. На поверхности козырька, слегка припорошенного снегом, четко просматривались следы «наших» рысей. Нам было понятно, что это единственная возможность пройти. А выдержит ли козырек под нашей тяжестью? Этот вопрос волновал всех. После короткого

обсуждения – каким образом преодолевать это препятствие, Молоков, улыбаясь, сказал:

– Ну, кто первый?

И, остановив взгляд на мне, сказал, что я самый легкий, мне и начинать.

Мы уложили рюкзак на связанные лыжи, и это подобие нарт поставили на козырек. На случай, если козырек не выдержит и обломится и я окажусь в воде, то обратно мне уже не попасть, против течения не проплыть, поэтому предусмотрели, кажется, все. Карабин, топор – все было со мной, а спички положил в шапку. Козырек как с нашей, так и с противоположной стороны выходил на небольшое расстояние над сушей, но над водой надо было проползти около 8–9 метров.

Я пополз по козырьку, прижимаясь к скале, толкая впереди себя лыжи с рюкзаком. Честно говоря, я немного трусил, и страх почемуто все больше овладевал мною по мере удаления от ребят. Двигался я на четвереньках. По сторонам почти не смотрел, старался четко контролировать свои действия и как можно быстрее двигаться. Несколько раз посмотрел на воду под собой. Вода была черная – дна не видно. Жутковато. Преодолев половину пути, я успокоился, появилась уверенность, и от чувства страха не осталось и следа. Таким же путем проползали все, и каждого, кто преодолевал это жутковатое препятствие, мы встречали громкими криками радости. Самый тяжелый Молоков, его вес был за сто килограммов, шел последним. Его рюкзак и лыжи мы перетаскивали сами, чтобы уменьшить нагрузку на лед. Все мы сгрудились у самой воды и, затаив дыхание, молча наблюдали за каждым движением Данила Макаровича, готовые в любое мгновение придти ему на помощь. Козырек выдержал, и как только Молоков оказался над сухим берегом, вне опасности, мы его подхватили и буквально поставили на ноги под шумные возгласы всей команды. И вот мы снова все вместе.

Дело шло к вечеру. Под нависшей скалой мы нашли сухую площадку, много бурелома и огромное количество сухой травы, заготовленной пищевухами-сеноставками.

К вечеру сильно потеплело. Ночью дважды слышали грохот снежных лавин где-то ниже по течению Ерината, что вызывало тревогу. А перед утром услышали звук чего-то лопнувшего и сильный всплеск воды. И только утром мы убедились, что наши предположения подтвердились. Козырек в двух местах отломился от скалы и упал в воду. Это был результат потепления. Кроме того, кто-то сказал, что лед под ним похрустывал, когда он полз, и Молоков подтвердил, что дважды под ним лед трещал, он даже думал, что лед не выдержит.

Приди мы сюда на пару дней позднее, пройти бы мы, конечно, не смогли. Теперь оставалось идти только вперед. Назад при всем желании уже не попасть. Мы оказались в тисках неведомого никому ущелья. И если впереди окажется подобное место, то мы можем оказаться в капкане, из которого выбраться будет сложно.

Раздумывать и рассуждать теперь не было смысла, и после завтрака, оговорив некоторые детали движения, двинулись вниз, внимательно просматривая местность, от чего зависели не только скорость нашего движения, но и наша жизнь. В любой момент мы могли быть погребены под снежной лавиной, если допустим какой-либо просчет, поэтому часто останавливались, определяя, где удобней пройти. Узкая долина круто уходила вниз, и нам местами приходилось снимать лыжи и по крутым скальным уступам сползать вместе со снегом. Снежные лавины, срывавшиеся с крутых склонов в самое русло реки, образовывали своего рода плотины, но вода довольно легко пробивала снег, создавая в некоторых местах кратковременные, но мощные мосты. Грохот лавин слышали несколько раз, но в стороне от нас. И только в одном месте, услышав шум сорвавшегося снега где-то над нами, мы сумели в считанные секунды укрыться под нависшей скалой. Небольшая лавина сошла буквально в нескольких метрах, обдав нас плотной снежной пылью. Говоря по существу, мы были все время в каком-то напряжении. Молоков запретил громко кричать, стрелять, чтобы строго соблюдать тишину. Мы знали, что, например, звук выстрела в таком месте почти неминуемо вызовет снежный обвал.

Еще одну ночь провели мы в каменных тисках этого ущелья, но сравнительно теплая погода, хорошая ниша под скалой и обилие бурелома позволили нормально отдохнуть. Да и вдали уже хорошо просматривалось, что долина становится шире. Указывая на дальний склон, как бы перегораживающий нашу долину, Молоков сказал, что это уже правый склон долины реки Абакан. Это успокаивало и вселяло уверенность, что теперь уже выйдем. Долина Ерината заканчивалась скальным гребнем, в котором река в крепкой породе пробила узкую щель шириной примерно метров пятнадцать, образовав как бы ворота, с отвесными стенками высотой несколько десятков метров. Подобные места у нас на Алтае называют «щеки». На этом и заканчивалась долина Ерината, и дальше начиналась, хотя и неширокая, но с ровным дном долина реки Абакан.

Рассматривая это сложное место, мы убедились, что преодолеть гребень негде, кроме как этой щелью. Другого пути нет. Но для этого надо было спуститься в самое русло Ерината.

Мы с трудом, сползая местами вместе со снегом, спустились и оказались на самом дне этого дикого ущелья. Здесь, перед входом в щель, мы остановились передохнуть и теперь уже окончательно убедились, что все трудности и опасности остались позади.

Оглядываясь назад, рассматривая ущелье, круто уходящее вверх, мы не скрывали своего удивления – как сумели пройти, как это нам удалось? Ущелье представляет собой узкую глубокую долину с крутыми скальными склонами. Особенно правый. На протяжении всей долины – это сплошные скальные стенки, зачастую стоящие почти вертикально. Левый склон также скальный, но узкая полоса склона с крутизной примерно 45 позволяла нам, соблюдая аккуратность, двигаться вперед, рискуя сорваться и со снегом уйти вниз в зловещую щель, до которой от нас было около 150–200 метров. Выше этой части склона также громоздились скалы. Примерно треть пути, начиная от верховий, мы шли руслом реки, а две трети левым склоном, почти на всем протяжении лавиноопасным.

Это было первое и единственное прохождение по долине Ерината. Молоков говорил, что он никогда не слышал ни от кого, чтобы кто-то когда-то проходил этим путем. А он верховья Большого и Малого Абакана знал с середины двадцатых годов. Я также могу с уверенностью говорить, что, начиная с сороковых годов и по сегодняшний день, там никто не был. Разговаривая с местными охотниками на горячем ключе, я спрашивал о Еринате, и всегда все говорили, что там хода нет. И когда я однажды сказал, что мы прошли зимой по Еринату, один охотник ответил:

– Не бреши, какая нелегкая вас туда понесла, жить надоело! Избу Лыковых увидели почти сразу, как только прошли этой щелью. Она была примерно в шестистах метрах от нас. Внимательно осмотрев в бинокль окружающую нас местность, мы не увидели на снегу никаких следов, подтверждающих присутствие человека. Изба находилась на невысоком прилавке у реки, с трех сторон окруженная молодой березовой рощей.

Несмотря на отсутствие следов человека, подходили, соблюдая осторожность. Мы прекрасно понимали, что ни сам Лыков, ни члены его семейства не представляют никакой опасности, но одни ли они в этих местах, этого никто не знал. Знали только, что могли быть здесь и те, кто скрывался в горах по разным причинам, для которых встреча с людьми из «мира» была бы нежелательна.

И если о нашем существовании никто не мог и подозревать, когда мы были в ущелье Ерината, то теперь мы как-то себя обнаружили. Место довольно открытое, и нас на фоне снега могли видеть с любого склона долины. Мы понимали это,

поэтому были готовы ко всему.

Шел второй послевоенный год, когда еще не угасли разговоры о скрывавшихся в тайге дезертирах, и нам приходилось быть крайне внимательными.

Надо сказать, что разного рода указания, как действовать в той или иной обстановке, сводились к тому, чтобы убедить Лыкова выйти и либо пойти на службу в охрану заповедника, либо, в случае отказа, предложить ему с наступлением весны покинуть пределы заповедника. Лыковых здесь мы не обнаружили, и, судя по всему, это обжитое ими место они покинули еще до наступления зимы. Для нас это было полной неожиданностью. Даже Молоков, прекрасно знающий Лыковых, был удивлен и со свойственным ему юмором, смеясь, сказал:

– Вот стервец, ушел, поди, кальсоны замарал, как военных увидел. Видимо, Лыков, взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что спасение его и семьи только в одном – уйти, не оставляя следов. Мы остановились здесь на ночлег и внимательно осмотрели «усадьбу». Она состояла из маленькой избы примерно 3х4 метра, добротной срубленной, покрытой колотыми кедровыми плахами с глинобитной русской печью. Маленькое оконце примерно 10 на 15 сантиметров без стекла. Стекло, как самую дорогую вещь, переносили для установки с одного места жительства на другое. Плотно закрывающаяся дверь крепилась на искусно сделанных деревянных шарнирах, и нигде ни единого гвоздя, ни единого предмета из железа – только дерево. Из мебели, кроме широкой лежанки, стола и лавки, ничего не было. Изба теплая, строганный пол также из толстых кедровых плах. За «маткой» под потолком было воткнуто несколько веретен.

Из подсобных строений имелся довольно просторный навес из кедровых плах, под которым мы обнаружили разных размеров обувь в виде ичигов, изношенную и непригодную для носки. Вся обувь была из неплохо выделанной маральей кожи. Здесь же хранилась разная хозяйственная утварь. Много бересты и заготовок для туесков, заготовки для чашек, ложек и другой посуды из кедра, старенькие лыжи, прялка и еще многое, что в другом месте сошло бы за ненужный хлам. Все было аккуратно уложено. На нескольких полках в берестяных коробках было понемногу семян ржи и ячменя и коробка с остатками сушеных ягод.

Метрах в десяти от избы на двух кедровых пнях со стесанной корой на высоте около двух метров был сооружен небольшой амбар-лабаз, в котором было немного черных, как смола, сухих лепешек, немного сушеных овощей, ягод, кедровых орехов и семена конопли.

Осматривая усадьбу Лыковых, все удивлялись, как можно жить в таких условиях, не имея ничего, кроме того, что удавалось добыть в тайге, в реке и на огороде. Никакого общения с «миром» на протяжении многих лет.

Молоков рассказал нам, что Лыковы умеют читать и писать, чему мы были удивлены, во всяком случае, я, – и не только они сами, но и учат подрастающих детей.

Мы провели несколько дней на усадьбе Лыковых и в ее окрестностях, совершая ежедневные радиальные выходы в разных направлениях, ведя постоянные наблюдения с рассвета и до наступления темноты, но ни разу нигде не увидели ни дыма, ни огонька, не обнаружили никаких, даже старых следов на снегу. Было ясно, что Лыковы топили печь только ночью и, видимо, далеко от жилья не ходили, если, конечно, находились где-то поблизости и не ушли вниз по Абакану на старое место жительства.

Уходя с усадьбы Лыковых, автор этих строк под общую диктовку написал письмо ровными печатными буквами, чтобы Лыковы могли, не затрудняясь, прочесть. В письме, которое оставили в его избе, мы изложили цель нашего прихода, сообщили еще раз, что закончилась война, что жизнь теперь будет хорошей, и еще раз предложили спуститься по Абакану на кордон и пойти на службу в заповедник, делая упор на будущее их детей. В письме также сообщили, кто был и сколько человек, указав фамилии, имена, отчества полностью всех нас. Письмо мы закрепили на противоположной от двери стене с таким расчетом, что при любых условиях Лыковы могли его увидеть. В письме также определили время встречи с представителями заповедника на кордоне, куда его приглашали до войны. Это было с 15 июня по 25 сентября, т. е. то время, когда на кордоне безвыездно будут работники заповедника. А то, что Лыковы еще придут сюда, если они остались где-то здесь в тайге, мы не сомневались, так как многое из того, что необходимо в хозяйстве, тем более в таких экстремальных условиях, было аккуратно прибрано и приготовлено к переноске.

Природа верховий Бол. Абакана отличается от соседних мест тем, что здесь снежный покров несколько меньше, поэтому в эти места собираются копытные, в частности маралы, на зимовку, и их следы были повсюду. А в некоторых местах встречали большие участки поверхности снега, где не было ни одного квадратного метра без следов этих грациозных животных.

Река в верховьях не полностью покрывается льдом, на протяжении всей зимы остаются незамерзающие участки. Это подтверждается тем, что мы наблюдали нырковых уток-гоголей и

даже одну пару крякв, всего около двух десятков особей, оставшихся здесь на зимовку, и, по-видимому, это была небольшая популяция оседлых уток. Следы выдр встречали повсюду. Самих выдр, спокойно вынырывающих и бегающих вдоль открытых участков воды, видели несколько раз. Они совершенно не боялись нас. К одной из них, сидящей на льду около воды, мы решили подойти как можно ближе. Она занималась собой, чистила мордочку, словом, «прихорашивалась» и не обращала на нас никакого внимания. Мы вдвоем, не делая резких движений, не спеша, стали подходить и, как принято в таких случаях, шли не прямо на нее, а как бы чуть в сторону, чтоб не вызвать у нее раньше времени подозрений. Нам удалось подойти вначале метров на десять, но она не проявила никакого волнения и продолжала заниматься собой. И когда оставалось до нее метров 5–6, она забеспокоилась, стала рассматривать нас. Пришлось остановиться. Она успокоилась, и мы двинулись к ней, и тут она мгновенно нырнула в воду, но почти сразу высунула мордочку из воды и, видимо, не усмотрев ничего угрожающего, вновь выскочила на лед, продолжая нас рассматривать. Подходить ближе мы не стали; я тихим голосом начал что-то ей говорить. Она слегка наклонила головку, шевельнула ушками и, немного послушав, бесшумно исчезла в воде.

Примерно в 10–15 километрах от Ерината река была уже полностью покрыта льдом и завалена снегом. И чем ниже мы уходили по Абакану, тем снежный покров становился глубже. В одном месте увидели бегущую по берегу росомуху, что даже в таких глухих местах событие редкое. Это таинственное животное, которое слабо изучено, не обращало на нас никакого внимания или не замечало нас до тех пор, пока мы не попытались его добыть. Дело в том, что такие животные, как волк, рысь, росомуха и медведь, относились к числу опасных хищников и в те годы согласно положению подлежали отстрелу круглый год, даже в заповеднике. Пробегала она от нас примерно в 150 метрах, и, несмотря на то, что стреляли четверо из нас, росомуха ушла невредимой. Оправдывая свои промахи, мы громко смеялись друг над другом, зато ушла она от нас живой и здоровой, так ей, видимо, «на роду написано».

Не обнаружив никаких следов пребывания Лыковых, мы ушли вниз по Абакану, как и предусматривалось планом. Зашли в покинутый в 1935 году поселок – Верхнюю кержакскую заимку. В отличие от других покинутых старообрядцами мест жительства, в поселке Каир-су все шесть домов сохранились целыми. Но и здесь мы не обнаружили никаких следов пребывания человека. Побывали и на прилавке, где Лыковы жили до ухода на Еринат, и

здесь никого и никаких следов.

Таким образом, Лыковых мы не обнаружили нигде. Видимо, они ушли вниз по Абакану в какой-нибудь поселок к людям; так, во всяком случае, мы думали. Продукты у нас были на исходе, да и усталость ощущалась с каждым днем все заметнее. Места по долине Абакана везде довольно сложные для ходьбы на лыжах, и каждый километр доставался нам с ощутимым трудом, тем более что находились мы в сложных условиях уже более десяти дней. К тому же мы изрядно поизносились, наша одежда сильно страдала у костра, и угольки, постоянно отскакивающие от горящих бревен, несмотря на дежурство, прожигали в ватной одежде дыры.

При виде кордона заповедника радости нашей не было границ. Хотя здесь никто не жил, нас ждали завезенные с осени продукты и теплый просторный дом. Продукты завезли на вьючных лошадях наблюдатели заповедника Вениамин Санаров и я. Тайник мы устроили под полом в одной из комнат двухквартирного дома. После двухдневного отдыха в тепле вышли, теперь уже в сторону дома. Впереди оставалось шестьдесят километров горной тайги. Перевалив вновь Абаканский хребет, возвратились мы в свой поселок на семнадцатый день со дня выхода в поход.

О результатах было подробно доложено руководству заповедника, которое в свою очередь доложило вышестоящему начальству области. Мы высказали свои соображения, что, судя по всему, можно согласиться с тем, что Лыковы действительно ушли вниз по Абакану.

Администрация заповедника не уделяла бы столько внимания Лыковым. Было просто не до них. Однако поступившие из области документы, в которых говорилось в категорической форме о незаконности проживания Лыковых на территории и заповедника, заставляли принимать определенные меры. Поэтому было решено летом этого года направить на Еринат группу наблюдателей и попытаться уточнить, ушел ли Лыков в какой-нибудь поселок или скрылся в тайге, и потом решить, что делать дальше.

Поездка сотрудников НКВД на места бывших Абаканских заимок. Первые послевоенные экспедиции. Западные саяны

В начале лета к нам в поселок приехали трое сотрудников НКВД. Вечером того же дня меня вызвали к директору заповедника И.И. Мартынову, в кабинете которого был начальник охраны И. Бушуев и все трое сотрудников. Меня поспрашивали, знаю ли я, где находится горячий ключ, знаю ли тропу, идущую к озеру Бедуй, и тропу, идущую в поселок Тиши. Я ответил утвердительно, но сказал, что тропу, идущую в поселок, я знаю, где она проходит, хотя в самом поселке бывать не приходилось. Поговорив немного, мы с И. Бушуевым ушли в его кабинет, и там он мне сказал, что я поеду с ними на Абакан на 6–7 дней как проводник и коновод, и дал мне на сборы один день. Мы оговорили детали, и, заканчивая разговор, Бушуев сказал:

– Только без трескотни, вот вернетесь, тогда можно будет поговорить, ну а на вопрос, куда собираетесь ехать, если найдется любопытный, скажи, что на золотой прииск на реку Лебедь. Лично я был доволен, что именно меня назначили в эту поездку. Если откровенно говорить, то мы, молодые тогда парни, далеко не все знали и не все понимали правильно, да нас и не посвящали в подробности проводимых операций. Но когда планировались подобные мероприятия, от которых веяло романтикой, то мы охотно принимали участие. Я был с директором заповедника Мартыновым в дружеских отношениях, мы много играли в шахматы, в поездки по заповеднику он почти всегда брал меня с собой, поэтому он прекрасно знал, что я стремился к путешествиям, к познанию таежного мира, и это он предложил меня в эту поездку.

Мы выехали на верховых лошадях из нашего поселка в пятом часу утра, когда люди еще спали. Во второй половине дня перевалили Абаканский хребет, долиной речки Сыктызыл спустились вниз и при его впадении в реку Конуй остановились на ночлег в плотном окружении дремучей тайги. Только вечером у костра из разговоров я понял, что их интересует не один Лыков. Говорили еще о какихто семьях, но меня эта сторона нашей поездки не волновала. О том, что многие семьи староверов с началом коллективизации стали рушить свои хозяйства и покидать насиженные места, было известно всем. А вот куда – это

вопрос другой. Вначале на это мало обращали внимания, поэтому куда ушли, где обосновались, никого не интересовало. Часть семей переезжала в другие районы, области, а часть семей, преодолевая горы, перевалы, уходила за границу в соседнюю Туву. Но все они, во всяком случае, большинство, как-то поддерживали связь с родственниками, и о них рано или поздно становилось известно.

На второй день мы спустились в долину Абакана по его притоку реке Конуй и, минуя стороной Абаканский кордон, переправились вброд через реку Абакан и добрались до горячего источника. На источнике оказалось около шестидесяти человек – это жители Хакасии, Горного Алтая и тувинцев из соседней Тувы. Среди лечащихся были жители и нашего поселка. Вообще здесь я был как бы свой человек, как бы начальник, так как Абаканский участок входил также и в сферу моего контроля. Здесь сотрудники побеседовали со многими, с кем нашли нужным. Все, кто принимал участие в разговоре, охотно делились тем, что им известно, высказывали свои предположения. Словом, цель здесь была, по-моему, достигнута. Лично я почти никакого участия в разговорах не принимал. Появление в таком глухом таежном месте небольшого конного отряда вооруженных людей в форме сотрудников НКВД производило определенное впечатление. Я был в форме наблюдателя заповедника и тоже вооружен, но в отличие от всех у меня был боевой кавалерийский карабин – оружие наблюдателей заповедника. Несколько дней провели в долине реки Абакан и на месте бывшего поселка Тиши, который был ликвидирован в 1944 году. От поселка мало что осталось. Каждая семья, покидая это дорогое для нее место, где родились, где выросли, где похоронили близких людей, либо разбирала свой дом и сплавляла вниз по реке, либо сжигала. Но сохранились бани, скотные дворы, клетки, в которых содержали енотовидных собак, и другие нужные в хозяйстве постройки. Сохранилась поскотина, и постоянно теперь открыты ее ворота.

Вид покинутого поселка, вернее, то, что от него осталось, уже изрядно заросшего бурьяном, производил какое-то неприятное, тоскливое и даже жутковатое впечатление. Здесь, в поселке встретили трех староверов, которые, как они сказали, приехали половить рыбку и погреться в горячем ключе. Увидев нас, они несколько растерялись, но быстро пришли в себя и охотно вступили в разговоры, хотя поначалу чувствовалась осторожность в ответах на расспросы. Это оказались прекрасные таежники, охотники с большим жизненным опытом. Типичные русских сибиряки. Один из них был участником войны и, как он сам сказал:

– Прошагал дальше Берлина. Переночевали все вместе. Вечером у костра много говорили обо всех, кто рано или поздно проживал в этих местах. Кто где живет, кого уже нет в живых, кто погиб на фронте и т. д. Рассказывали они об охоте, рыбалке, о повадках животных, особенно о встречах с медведями, которые больше всего приносили таежным жителям неприятностей. Словом, интересного было очень много, особенно для меня. Сотрудники показывали им карты, уточняли какие-то подробности, а они в свою очередь были удивлены тем, что на картах с красной звездой были отмечены все заимки живших здесь староверов. Особенно были поражены, когда прочитали на карте пометку «Заимка Лыкова». Улыбаясь, они искренне удивлялись, что Карп Лыков попал на карту. Среди них был Ермилий Золотаев, и, как выяснилось, его родственников я хорошо знал – они жили в нашем поселке. Они в этой непринужденной обстановке охотно и много рассказывали обо всем, о чем их спрашивали, давали советы, словом, скрывать им было нечего.

В результате опросов этих людей и других, с кем встречались, выяснилось, что Лыков нигде на людях не появлялся. Это давало основание думать, что Лыковы действительно остались где-то в тайге. Спрашивали и о тех, кто, как я понял, вызывал подозрения.

Однако опросы таежников, промысловиков убеждали, что все, кто когда-то уходил в тайгу, пытаясь скрыться от коллективизации, рано или поздно вышли к людям и растворились по многочисленным таежным поселкам. Тогда как о Лыковых говорили, что их никто нигде не видел, что они действительно где-то в тайге, но точного места никто назвать не мог или не хотел. Только один старик, с которым беседовали на горячем ключе уверял, что Лыков вывел семью из тайги, и они ушли, как он сказал, в Тану – Туву. Это был единственный человек, кто уверенно сказал, что здесь, в тайге, Лыковых искать бесполезно. Чем руководствовался этот старик, сказать трудно. Может, он пытался таким образом отвести беду от этой семьи, или еще какая причина, сказать трудно.

Надо отметить, что действий Лыкова никто не одобрял, практически все осуждали его за упрямство, за то, что прячется от людей, не считаясь ни с кем и ни с чем. Жалели его жену Акулину Карповну и детей, которые волей отца были обречены на лишения. Сами староверы, как правило, также не говорили ничего в оправдание Лыкова, наоборот, осуждали его, а чаще всего говорили:

– Бог с ним, пусть живет, как вздумается. Поймет – выйдет, не поймет – Бог ему судья. Взял грех на душу, пусть теперь

отмаливает. Судьба несколько раз сводила Лыкова с добрыми людьми, и все всегда всячески убеждали его выйти, предлагали помощь. Однако Лыков, хотя и соглашался, но упрямо оставался при своем мнении. Чаше других с Лыковым встречался Д. Молоков, кстати, как я уже говорил, тоже старовер. И каждый раз он убеждал Лыкова покориться и выйти к людям, но, к сожалению, убедить Лыкова никому не удалось. Уж слишком, видимо, боялся расправы над ним.

Мы совершили несколько радиальных выездов от поселка в предполагаемые места, но нигде никаких следов постоянного обитания человека не обнаружили, что также давало основание верить в то, что говорили таежники. На обратном пути заехали на Абаканский кордон, немного отдохнули, не расседывая лошадей, поговорили и двинулись в сторону дома. Наши строевые кони, легко переносившие большие расстояния на равнинах, здесь в условиях горной тайги, заметно стали сдавать, за исключением моей кобылицы по кличке Быстрая, для которой тайга и горы были делом обычным. Семь дней провели мы в седлах, побывали везде, где планировали, и вернулись обратно в наш поселок.

Так безуспешно окончилась и эта попытка уточнить, где все же находятся Лыковы. Действительно ли ушли в Туву или остались здесь, уйдя дальше в тайгу. Не появился Лыков и на кордоне заповедника, куда его приглашали в оставленной нами записке в домике на Еринате.

Надо сказать, что и тогда, и сейчас, много лет спустя, было понятно, что найди мы тогда Лыковых, главе семьи не поздоровилось бы. Лыков разделил бы участь тех, кто в те времена осмеливался жить не так, как надо было. Я имею в виду, что с выходом Лыкова из тайги он был бы арестован и предан суду. Такова горькая правда. Кстати говоря, руководство заповедника в лице директора А.И. Мартынова делало все возможное, чтобы Лыковых оставили в покое.

Но время идет, о Лыковых стали говорить меньше, да и не могли они постоянно быть в центре внимания. Хватало забот и без них. Тысячи семей жили в тяжелейших условиях, не дождавшись свои кормильцев. Многие открыто говорили:

– Да сколько можно за ним бегать, не хочет жить, как все люди живут, ну и Бог с ним. Надо сказать, что, говоря так, люди были по-своему правы. Женщины говорили:

– Наших мужиков побили, а он спрятался в тайге и спасся, судить его надо. Особенно возмущалась жена Д.М. Молокова Домна Васильевна, потерявшая обоих сыновей. Она не могла смириться с теми, кто отлынивал, хитрил и скрывался, а теперь,

видите ли, заботиться о них надо.

Это сейчас, спустя много лет, легко говорить, и можно услышать такого рода рассуждения, что, дескать, бросили семью на произвол судьбы, а теперь вроде спохватились. Нашлось сразу много защитников, которые осуждают действия властей тех лет. На самом же деле все выглядело иначе. То, что было возможным по тем временам, делали. Еще раз надо сказать, что время было тяжелое, тем более что не причинили они никакого вреда обществу, не совершили никакого преступления, да и не представляли никакой опасности. И только поэтому никто особо и не настаивал на немедленных поисках, аресте и прочем. Во время нашей поездки один из сотрудников как-то вечером у костра полухула сказал:

– Лыкову сейчас появляться на людях нельзя, женщины, потерявшие мужей и сыновей, разорвут его. И это действительно так, да и не только женщины. Это было время, когда пришедшие с войны фронтовики, особенно с ранениями, очень агрессивно были настроены против тех, кто по каким-либо причинам не был мобилизован в армию, кто, как они говорили, отсиделся в тылу и остался цел и невредим. Подобные высказывания можно было услышать всегда, особенно когда подопыют и начинают выяснять отношения.

После окончания войны, начиная с 1945 года, в заповеднике стали появляться различного направления научные экспедиции. Согласно договорам, заповедник предоставлял верховых лошадей, прикомандировывал наблюдателей, которые являлись в первую очередь проводниками, коноводами, следили за тактикой и техникой передвижения в условиях горной тайги, безопасностью всего состава экспедиции и помогали в устройстве походного быта. Экспедиции буквально исколесили весь бассейн реки Чулышман, всю прибрежную часть Телецкого озера, много работали в долине Бол. Абакана и по его притокам, начиная от впадения рек Конуя и Бедуя и вниз по реке Бол. Абакан. Однако верховья Бол. Абакана выше кордона заповедника оставались в стороне. Там никто не работал. Только наблюдатели и штатные научные сотрудники посещали эту глухую часть заповедника с целью осмотра территории, сбора информации о состоянии природы, проводили наблюдения за животными и растительным миром. Это были плановые мероприятия, работа заповедника.

Западные Саяны. Места суровые, дикие. Кругом тайга, крутые склоны гор и долины многочисленных рек, заваленные буреломом, камнями. Мох толстым слоем покрывает камни и упавшие деревья, везде по долинам встречаются заболоченные участки и топи. Под кронами деревьев сыро, прохладно. И

кажется, на первый взгляд, что это мертвое царство, угрюмое, жуткое, и нет здесь ничего живого. На самом деле природа горной тайги Западных Саян богатейшая. Разнообразны здесь животный и растительный мир, а дикость, суровость и редкая красота местности духовно обогащает каждого, кому пришлось побывать в таких изумительных местах. Природа этих мест почти одинакова с природой Северо-Восточного Алтая; только одни кедррачи чего стоят. Могучей стеной стояла кедровая тайга, покрывавшая огромные пространства Алтае-Саянского нагорья. Именно в этих местах деревья достигают гигантских размеров, особенно кедр. На высоту он поднимается до 35–40 метров, а в диаметре – до 1,5 м и более. Это объясняется тем, что здесь в достаточной мере тепла и влаги. И лишний раз убеждаешься в искусстве русских крестьян подбирать места для жительства. Не зря стремились они поселиться среди такой природы. Здесь природного добра – полная чаша.

Работа в экспедициях. Встречи в тайге. Несостоявшееся убийство. Мы с Молоковым в верховьях Бол. Абакана. Зброшеннй поселок. Смена директора заповедника

Работая в те годы в экспедициях в бассейне Бол. Абакана, мы с Молоковым избродили эти места вдоль и поперек. Много раз приходилось переваливать Абаканский хребет в разных местах и зимой, и летом, переваливать хребет, разделяющий Большой и Малый Абакан. И везде, где бы мы ни проходили, тайга, горы и никакого жилья на сотни километров. Нам пришлось пройти основные притоки Бол. Абакана от их впадения до истоков и побывать на многочисленных горнотаежных озерах, из которых, как правило, берут начало притоки Бол. Абакана.

Верховья Бол. Абакана, т. е. его заповедная часть, входила в наши с Молоковым участки, над которыми мы осуществляли контроль и охрану. Попутно надо сказать, что все реки и озера там изобиловали рыбой.

В те годы никаких вертолетов не было, не было и хороших подвесных моторов для лодок, чтоб можно было подниматься вверх против течения реки, поэтому главным транспортом были верховые лошади, что во время путешествий способствовало встречам в тайге.

С трех сторон вели тропы к горячему источнику, на который стремились попасть многие, кто хотел поправить свое здоровье. Одна тропа шла с Алтая с реки Лебедь, так называемая Байгольская. Из низовий Бол. Абакана шла Абаканская, или Тишинская тропа, а из Тувинской Республики через Шапшальский хребет шла Бедуйская тропа. Путешествуя по этим диким, прекрасным местам, мы встречались с разными людьми, среди которых были давние знакомые Молокова или родственники тех, кто когда-то проживал в этих местах. Такие встречи всегда оставляли приятное впечатление. Если позволяло время, то они останавливались на ночлег по соседству с нашим лагерем. Судя по настроению, все были рады встрече. И вечерами у костра предавались воспоминаниям, и вели бесконечные беседы, и делились новостями. Сколько же здесь можно было услышать интересного о таежной жизни, об охоте, рыбалке и суждений о жизни в стране! И часто в разговорах вольно или невольно

касались семейства Лыковых. Но как бы между прочим – посудят, поговорят и переходят на другую тему. Во всяком случае, о его местонахождении не говорилось. Все прекрасно понимали, что Лыков с семьей в тайге, где-то в верховьях Бол. Абакана, если не ушел в Туву.

Но одна из таких встреч едва не закончилась трагически. И виновником этого был бы я.

Мы расположились невдалеке от сравнительно небольшого таежного озера, которое находилось в пойменной части на противоположном от нас берегу Абакана. Озеро довольно глубокое, гигантские кедры плотно окружили озеро и зеленой стеной подступили к самой воде. Небольшая колония бакланов гнездилась на этих роскошных деревьях, благо пищи в озере для них было хоть отбавляй. Гнездящиеся здесь гоголи спокойно, как маленькие паровоидики, плавали вдоль берега, волнуя зеркальную поверхность воды. В озере обитал в основном окунь, да и носило оно название Окуновое. Здесь нам предстояло провести дня три-четыре. В первый вечер мы побывали на озере и буквально с ходу поймали на небольшую блесенку несколько огромных окуней.

Рано утром, как только забрезжил рассвет, я взял свой карабин, рыболовные снасти и, перебравшись через Абакан, пошел к озеру. Нужно было пройти тайгой всего метров триста. Было тихо. Легкий утренний туман стоял между деревьев. На подходе к озеру я увидел мелькнувшего среди деревьев небольшого медвежонка. Бросив снасти на траву, я вскинул карабин. Несколько отступая, надо сказать, что продукты у нас были на исходе, поэтому при первой возможности мы охотились на рябчиков, уток, ну и всегда пытались добыть что-нибудь покрупнее, поэтому мною руководил не только азарт. Главное, нужно было добыть мяса.

Медвежонок бежал вдоль берега озера и скрылся за деревьями. Я мгновенно определил, где он должен появиться в поле моего зрения, и взял это место на прицел. В то время я уже довольно хорошо стрелял бегущего зверя пулей, и добыть его, в общем-то, не составляло труда. Когда он выскочил там, где я его ожидал, я поймал его на мушку и буквально за мгновение до того, как нажать курок, увидел, что это не медвежонок, а мальчишка. Он бежал, несколько ссутулившись, в длинной темной куртке, без головного убора, с развевающимися темно-русыми волосами. В руках у него было небольшое удище. Я вздернул карабин стволом вверх и с трудом перевел дыхание. Мальчишка скрылся за деревьями, не заметив меня. С трудом я пришел в себя от волнения и осторожно подошел к берегу озера. Откуда он мог появиться здесь? Осматриваясь, изпод кроны кедра

увидел метрах в ста от себя бородатых людей, которые с удочками в руках ловили рыбу, и среди них был мой «медвежонок».

Несколько успокоившись, я пошел к ним. Теперь они, увидев вооруженного человека, вышедшего из тайги, прекратили рыбалку и внимательно рассматривали меня. Один из них наклонился и взял в руки ружье, лежащее на камнях. Подойдя ближе, я узнал в одном из них Золотаева, да и он меня узнал. Мы поздоровались. Один из стариков внимательно посмотрел на меня и, прищулив глаза, заметил:

– Чего испужался, никто тебя не тронет. Я не стал объяснять причину моего состояния, что-то промямлил, ссылаясь на усталость, на то, что плохо спал и т. д. Мы немного посидели на камнях, поговорили. Я сообщил, что экспедицию ведет Молоков. Один из стариков сказал:

– Данила всю жизнь ездит с паучниками, много повидал. Разговаривая с ними, я буквально не сводил глаз с мальчишки, которого я совершенно не интересовал. Он увлекся рыбалкой, и только нет-нет да посмотрит на мой карабин. Ну, а мой мозг сверлила одна дума, что бы было, если бы я его застрелил. Уходя, я пригласил их вечером к костру, если еще останутся здесь. Вечером двое из них пришли в наш лагерь повидаться с Молоковым и засиделись у костра до глубокой ночи. Золотаев, к моему удивлению, не пришел. Как обычно в таких случаях, пригласили их поужинать с нами и перед ужином налили всем по небольшой чарочке спирта. Оба гостя с удовлетворением выпили. Один из них, перед тем как выпить, сказал:

– Шпиртику выпить можно, – и поинтересовался, чистый ли спирт. Получив утвердительный ответ, он слегка улыбнулся, посмотрел по сторонам на тайгу, на стоящих у дымокура лошадей и как-то красиво перекрестившись, произнес: – Эка благодать, прости нас, Господи. Откровенно говоря, я всегда с интересом смотрел и слушал таких угрюмых, на первый взгляд, таежников, которые отличались замкнутостью, скромностью и в то же время общительных. Разговаривая, выпили еще по одной чарочке, а вот когда Молоков предложил по третьей, то один из них твердо, но в то же время деликатно сказал, слегка прикрывая ладонью чарочку:

– Будет. И только здесь, у костра, в этой прекрасной обстановке я окончательно успокоился. Спустя несколько дней, уже по пути к дому я рассказам Молокову все, что произошло. Он выслушал и сказал, что всегда надо быть внимательным, горячиться не надо, и добавил, что глаза иногда обманывают – видят то, что хотелось бы видеть голове.

Постепенно о Лыковых стали забывать. Многие склонялись к тому, что он ушел в Туву, тем более что сделать это было уже несложно, так как Тува в 1944 году вошла в состав СССР и граница была открыта.

Жизнь и работа в заповеднике шли своим чередом. Строились жилые дома, велась большая научная работа, и постепенно заживались раны, нанесенные военным временем.

Осенью 1948 года мы с Молоковым во время дежурства на Абаканском кордоне поднялись вверх по Абакану на лодке, как говорят в Сибири, на шесту, и побывали в брошенном поселке на реке Каир. Все шесть изб, в которых проживали староверы, стояли с пустыми проемами окон. Все заросло бурьяном. Малинник, крапива, репей выше человеческого роста стояли плотной стеной, и подошли мы к избам, с трудом пробившись сквозь эти заросли. Молодые березы и осины густо затянули бывшие огороды и пашни. В избах было както не совсем приятно, поэтому устроились мы под сохранившимся навесом. Односкатная крыша и три стенки навеса были забраны колотыми кедровыми плахами. Под навесом было сухо и по таежным меркам довольно уютно, особенно когда развели костер и стали готовить уху из пойманных в устье Каир-су хариусов.

Когда я находился в таких таинственных местах, в окружении дремучей тайги и мире дикой природы, да еще там, где когда-то жили люди, ничем не нарушая ритма природы, меня всегда охватывало какое-то странное чувство. Мне казалось, что кто-то видит и слышит меня, внимательно следит за мной, поэтому, прикасаясь к чему-либо или делая что-то, я всегда контролировал себя и старался не допустить ничего такого, что могло бы кого-то обидеть, кому-то причинить боль или вызвать неодобрение моих действий. Старался все делать аккуратно, спокойно и как можно меньше нарушать тишину.

Это чувство сохранилось у меня и по сей день с тех пор, когда мы еще мальчишками уходили с ночевкой в тайгу и, сидя у костра в окружении огромных деревьев, рассуждали о тайге, о путешествиях и рассказывали друг другу различные таежные байки, истории, которые слышали от взрослых, переделывая их на свой лад. Мы тогда твердо верили в то, что у тайги есть хозяин, который все видит и слышит, который оберегает тайгу и всех, кто находится в ней, и что гневить его ни в коем случае не следует. Мы с малых лет знали, что можно и чего нельзя делать в тайге.

Помню, как наш наблюдатель заповедника, замечательный человек Илларион Федосеевич Деменев в первый вечер выхода в тайгу аккуратно завернет в лоскут бересты немного сухариков и

положит под дерево или в развилку дерева, тихонько приговаривая:

– Иван Петрович, это тебе. Так почему-то уважительно называли многие таежники хозяина тайги. Да и не только Деменев, многие таежники, промысловики всегда в первый вечер угощали хозяина тайги, благодарили его.

Коренные жители – алтайцы также, придя в тайгу на место промысла, одаривали хозяина тайги. Я не раз наблюдал, как в первую ночевку в тайге кто-нибудь из них брал топорик и, слегка царапнув острием кору кедра, как бы прося его обратить на него внимание, начинал скороговоркой говорить с кедром. На русском языке это звучало примерно так – богатое дерево, богатое светом, будь мне вместо матери, будь мне вместо отца, снег придет – отгоняй, дождь придет – не пускай, мороз придет – согревай и т. д. Причем так же клали под дерево, несколько в сторонке, немного пищи. И всегда в центре внимания был кедр. Бытовало поверие, что он все видит и слышит, и еще говорили, что кедр любит человека. Это прекрасное поверие было в сознании многих жителей таежных поселений Сибири, поэтому и было такое отношение к этому дереву.

На следующий день мы побывали на кладбище, где были похоронены близкие родственники Лыковых, кого сразила страшная болезнь. Убитый наблюдателями заповедника младший брат Карпа Осиповича Евдоким также нашел здесь свое последнее пристанище. Я собрал каких-то поздних цветов, сломал несколько веточек у недавно упавшего кедра, и это подобие букета мы положили на могилу Евдокима.

После обеда поднялись на лодке немного вверх по реке и устроились на ночлег под скалой в 10–12 метрах от воды. Приближались сумерки. Молоков развел костер и стал обустраивать ночлег, а я занялся рыбалкой. Это был какой-то выдающийся вечер, хариусы клевали как-то жадно, буквально не давая искусственной мошке коснуться воды.

Поднимаясь вверх по реке и спускаясь вниз к кордону, мы за эти дни несколько раз наблюдали маралов, которые, не обращая на нас особого внимания, не спеша уходили с гордо поднятой головой и скрывались в прибрежных зарослях. В одном месте молодая лосиха с лосенком, увидев нас, не стала особенно интересоваться нами, а, поднимая каскады брызг, красивой лосиной рысью перебежала мелкую протоку и исчезла в тайге, уводя свое чадо. Огромный медведь от неожиданности нашего появления из-за поворота реки рванул по каменистой косе и перед зарослями резко остановился, встал на дыбы, посмотрел в нашу сторону, рывкнул и был таков.

Звери здесь, в этих совершенно нетронутых в то время местах, абсолютно спокойно и без боязни относились к человеку. Следы их были повсюду. Но нигде мы не встретили никаких следов человека. Ни старых, ни свежих. Эта часть заповедника по-прежнему оставалась первобытной.

Все эти дни, проведенные в районе Верхней Кержакской заимки, мы много говорили с Молоковым о людях, которые впервые в истории селились здесь и осваивали эти места, и, конечно, о Лыковых. И не потому, что они чем-то выделялись из всех проживающих в глухих таежных поселках людей, а потому, что с фамилией Лыков было связано много ярко выраженных событий, так сказать, местного характера, о которых уже написано.

Говоря о Лыковых, Молоков сказал, что он сомневается в том, что они ушли из тайги. Это он объяснял тем, что в его положении с младенцами, не имея лошадей, уйти в Туву практически невозможно, а если они спустились вниз по Абакану, то люди бы знали. Никаких других вариантов быть не могло. И как выяснилось позднее, Лыков никогда не предпринимал никаких попыток куда-то уйти. Лыковыми интересовались все меньше и меньше. Во всяком случае, местные власти, а, следовательно, и руководство заповедника не только не предпринимали никаких действий, но и не строили никаких планов, касающихся семьи Лыковых. Но здесь, надо сказать, сыграла свою роль смена директора заповедника. Вместо молодого, энергичного, замечательного человека А.И. Мартынова прибыл назначенный главком И.Г. Ефремов.

Человек, совершенно не знавший Сибири, не представлявший, что такое дикая природа горной тайги и что за работа в таком заповеднике – почти всегда в экстремальных условиях. Все свои два с половиной года, до освобождения от должности, он просидел в кабинете. Ни разу ни на лошади, ни пешком не совершил ни одного выхода в тайгу по территории заповедника, хотя бы на 5-10 километров. Старался построить работу так, чтобы не было особенно хлопотно, никаких новшеств, инициатив от него никогда не исходило. Среднего роста, полноват, во рту всегда полуизжеванная махорочная скрутка, и весь его путь за время работы в заповеднике состоял от дома до работы; тихонечко, шаркающий походочкой, не спеша на обед домой и снова в кабинет до конца работы.

На одном из совещаний, когда возник разговор о семье Лыковых, Ефремов, к нашему удивлению, сказал, что, насколько он осведомлен, Лыковы никому не мешают, и пусть живут себе на доброе здоровье, где хотят. Старший научный сотрудник Ф.Д.

Шапошников довольно резко возразил и сказал, что речь идет не столько о самом Лыкове, сколько о его детях, и предложил организовать поиски и постараться убедить Лыкова перебраться на Абаканский кордон. Вообще сотрудники научного отдела считали, что кандидатура К. Лыкова на место наблюдателя на Абаканский кордон – это идеальный вариант. Но Ефремов, явно не подумав, заявил:

– Нам браконьеров не нужно. Вот такой резкий поворот.

Короткое дежурство на Абаканском кордоне. Ликвидация заповедника. Последняя встреча Молокова с Лыковым. Расставание навсегда

Спустя три года, в начале сентября 1951 года, мы с Молоковым выехали на трех лошадях на Абаканский кордон с очередным объездом. Одновременно повезли продукты для зимнего дежурства. По плану, нам предстояло провести на кордоне пять-шесть дней. Нужно было побывать на горячем источнике и подготовить кордон к зиме. По завершении этой работы Молоков оставался на дежурстве, а я, забрав всех лошадей, должен был вернуться в поселок. На источнике в то время находился работник заповедника Д. Зуйков. Он также оставался дежурить вместе с Молоковым. Вернуться в поселок они планировали на лыжах.

Всю работу мы выполнили в указанный срок, немного порыбачили, и я, теперь уже с четырьмя лошадьми, отправился в путь. Мне предстояло одному проехать по горной тайге, перевалить Абаканский хребет. Это как минимум два дня. Дорога знакомая, но за день до отъезда пошел холодный дождь, а в горах повалил снег.

По мере того как я поднимался вверх к перевалу, снега становилось все больше и больше, и на перевале его было, как говорят таежники, «коню по брюхо». Тропы не было видно, затеей на деревьях были залеплены снегом. Немного бурило. В этой обстановке, когда видимость 20–30 метров, ориентироваться сложно. Вся надежда на лошадей. Я знал, что лошадь, побывав где-то в тайге хоть один раз, никогда не собьется с пути. А наши лошади знали этот путь лучше, чем мы, да и домой они идут всегда бодро, торопятся, и подгонять их не приходится. А когда я увидел почтовый ящик, прибитый к дереву, все встало на свои места – это была вершина перевала. Почтовый ящик был установлен наблюдателями для передачи информации еще в тридцатых годах. После спуска с перевала я покормил лошадей и почти по сухой тропе продолжал путь. Вернувшись в поселок, я подробно доложил о поездке. Обычно мы устно отчитывались в научном отделе, и в этот раз наш разговор проходил в кабинете Ф.Д. Шапошникова, который во время беседы, улыбаясь, неожиданно спросил:

– Ну, о Лыковых ничего не слышать? – и, развивая разговор,

сказал, что принято решение в следующем году послать наблюдателей найти Лыковых и переселить их, если они пожелают, на кордон заповедника, куда его приглашали еще перед войной, либо, в случае отказа, помочь им перебраться туда, куда они пожелают. И на новом месте помочь обустроиться. Он также сказал, что договоренность о помощи Лыковым есть на всех уровнях власти. К сожалению, этот разговор так и остался разговором. Жизнь снова внесла свои непредсказуемые коррективы. Через несколько дней пришел приказ из главка об освобождении от занимаемой должности директора Ефремова, что явилось закономерностью, а еще через несколько дней, как гром среди ясного неба, пришел приказ о ликвидации заповедника – на основании Постановления Совета Министров СССР.

Об этой стороне жизни заповедника, которая эхом откликнулась и на судьбе семьи Лыковых, следует сказать особо. Сам факт ликвидации заповедника явился каким-то непонятным, зловещим явлением. Такого страшного удара по природе, какой был нанесен по заповедникам СССР, не происходило никогда и нигде. Если уж говорить по существу – это был удар в спину самой природе, в результате действия которой существуем все мы. Ликвидирован был не только Алтайский. Из ста двадцати восьми заповедников было ликвидировано сто. Кроме Алтайского был ликвидирован также один из крупнейших заповедников – Саянский. Таким образом, на огромнейшей территории Алтае-Саянского таежного нагорья не осталось почти ни одного метра охраняемой заповедной территории. А это центр, где произрастают лучшие кедровники земного шара.

Научный мир был в недоумении. Как могло такое случиться? Почему так, вдруг, взять и уничтожить все, что было сделано за многие годы. Интереснейшие многолетние наблюдения над природой, научные труды, дневники экспедиций и т. д. в лучшем случае отправились пылиться в архивы. Роль заповедников в сохранении природы, восстановлении численности многих видов млекопитающих и птиц, в сохранении ценнейших лекарственных растений была общеизвестна, и доказывать важнейшую роль заповедников не было необходимости – это была истина, не требующая доказательств.

Однако правительство, не считаясь ни с кем и ни с чем, единолично решило и одним росчерком пера уничтожило то, чем гордилась Россия, показав всему миру свое невежество, непонимание простых вещей и недалекость. Получалось так – что хочу, то и ворочу. И слава России в плане сохранения и охраны природы померкла. Подписал постановление о

ликвидации заповедников глава государства.

Но свято место пусто не бывает, и в эти богатейшие таежные просторы, где произрастает в основном кедр, ринулись лесопромышленники. Уже в 1952 году на Телецком озере начал функционировать крупнейший леспромхоз. Но этому предшествовала не только ликвидация заповедника. В 1937 году было снято многовековое вето на рубку кедра. Дерево, которое на протяжении всего существования России было под категорическим запретом в плане его рубки, разрешили рубить, причем на всей территории Сибири. Охранялся кедр не зря. Это единственное в Сибири плодоносящее дерево, которое дает прекрасные плоды в виде орехов. Почти все животные и птицы, обитающие в тайге, употребляют орешки в пищу. И именно в таких частях тайги было обилие ценных пушных животных, и запасы их не иссякали, хотя на протяжении веков главным товаром на мировом рынке у России была пушнина. Но Алтайский заповедник – это не только кедр, это комплекс нетронутой природы и редкое по красоте уникальное Телецкое озеро, второе в Сибири после Байкала по величине хранилище пресной воды высокого качества.

После получения постановления о ликвидации заповедника было проведено общее собрание коллектива и началась подготовка к сдаче имущества и оборудования. На Абаканский кордон послали нарочных, которые, как и в 1941 году, сняли дежурных, все, что могли, прибрали и покинули кордон, теперь уже навсегда. Забегая вперед, следует сказать, что после многолетних мытарств Главному управлению по заповедникам удалось доказать необходимость восстановления заповедника на Алтае, и в 1958 году заповедник был восстановлен, но площадь его значительно сократили. Абаканский участок, где проживала семья Лыковых, не вошел в его территорию.

Директором был назначен В.В. Криницкий – деловой, знающий специалист, который в короткий срок восстановил традиции, собрал коллектив молодых ученых, и работа начала входить в нормальное деловое русло. И казалось, что мудрость, наконец, восторжествовала. Однако следующий глава государства в 1961 году, делая очередной доклад о положении в стране, заявил, говоря о заповедниках, следующее: «...заповедники, по-моему, – это надуманное дело». А на следующий день Алтайский Крайисполком вынес решение о ликвидации заповедника. И вновь похоронили мудрое благородное дело, показав всему миру свое невежество. Что могло послужить основанием для такого безграмотного заявления, кто мог убедить в том, что природа нам не нужна, сказать трудно. Ясно одно, что лесопромышленники

сумели убедить правительство, что вырубать лес экономически выгоднее, чем охранять природу, не задумываясь над тем, что, вырубая кедр, мы уничтожаем ценнейших животных, птиц и прекрасный продукт питания. В 1968 году правительство, наконец, подробно рассмотрело вопросы охраны природы, и Алтайский заповедник был восстановлен. Но Абаканский участок не вошел и в этот раз.

Но вернемся на Абаканский кордон, где остались двое дежурных, и проследим действия наблюдателя Молокова. В числе разного рода заданий было и такое. Они должны были подняться вверх по реке, как можно дальше, с целью обследовать этот участок заповедника. В первые дни дежурства, как только наладилась погода, Молоков оставил напарника на кордоне, а сам на лодке «ушел на шесту» вверх по реке. Ушел один. Он посчитал, что так будет лучше. И кордон не брошен, и никто не посмеет проникнуть вверх по долине, зная, что на кордоне охрана. Для такого таежника, как Молоков, одиночество в тайге в таких условиях не составляло никаких трудностей. Я имею в виду, что опытные таежники не испытывают никаких неудобств от одиночества, просчитывают каждый шаг вперед, взвешивают все «за» и «против» и всегда готовы к любым неожиданностям.

Ему удалось подняться довольно высоко, несмотря на образовавшийся на реке залом, который заставил Молокова обтаскивать лодочку по берегу. Надо сказать, что мы с Молоковым не раз преодолевали это препятствие, но сейчас он был один. На третий день он в удобном месте оставил лодку и решил еще немного пройти пешком вверх по долине. Примерно через километр пути обнаружил в протоке загородку и две мордушки. Для него не было никаких сомнений в том, что здесь кроме Лыкова рыбачить некому. Он внимательно осмотрел место и ушел, стараясь не оставлять никаких следов. А на следующий день встреча состоялась. Карп Осипович вытряхивал из мордушки хариусов, когда увидел идущего к нему человека. Молоков подходил не спеша. Карабин у него был за спиной. Это он сделал специально, как бы показывая, что никаких плохих намерений у него нет, но и Лыков не проявлял суеты. Стоял спокойно, крестился, еле заметно шевелил губами и в то же время внимательно рассматривал пришельца.

Повторилось то же самое, что произошло в этих местах одиннадцать лет тому назад, с чего я начал свое повествование. Подойдя ближе, Молоков поздоровался и спросил:

– Признал меня? Лыков, поклонившись, ответил на приветствие и произнес: – Признал, Данила, признал. Вот так состоялась очередная встреча с человеком из «мира», и опять с

Молоковым. Поговорили в этот раз основательно. Сам Молоков говорил:

– Поругал Лыкова крепко, и не за то, что прячется от людей, а за то, что прячет детей. Убеждал всячески, как мог. Молокову было легко говорить с Лыковым. Эти люди были не только единоверцы, но и знали друг друга на протяжении многих лет жизни. Он спросил и о нашем письме, которое мы оставили в его домике на Еринате в феврале 1947 года. Читали ли? Лыков ответил: – Читали, но не все поняли. Хотя голову ломать там было не над чем. Как я уже писал, мы изложили в том письме все как можно проще, доходчивее некуда. Это была, на мой взгляд, со стороны Лыкова примитивная уловка. Ссылаясь на непонимание, легче уходить от ответственности. На вопрос, как семья, как здоровье всех, как дети, Лыков сказал:

– Жинка и детвора, слава Богу, живы. Из разговора Молоков понял, что выходить из тайги Лыков опасается, говоря:

– Схватят, и сгинешь. Данила Макарович убеждал, что горячее военное время ушло, и сейчас уже нет того, что было, и что их никто нетронет. Словом, разговор состоялся, и опять Молоков подробно говорил о работе в заповеднике на Абаканском кордоне, и как бы от имени администрации пообещал в случае согласия пригнать им в личное пользование корову и овец. Расстались довольно дружелюбно, да иначе и быть не могло. Делить им было нечего.

Оба понимали, что никто никому не угрожает и что подобные важнейшие вопросы надо решать не с лиха, а миром и уважением. Кроме этого, надо отметить, что время примиряет, и злобные выпады по отношению к Лыкову со стороны местных жителей и воинственно настроенных чиновников от власти к этому времени постепенно улеглись. Молоков посоветовал не искать больше другого места жительства и добавил, что если уйдут, то все равно найдут, и вот тогда могут быть серьезные неприятности. Провели вместе несколько часов. Расставаясь, Карп Осипович дал Молокову несколько хариусов для ухи, а Данила Макарович в свою очередь поделился солью. Попрощавшись, они разошлись, не ведая, что на этом свете им уже свидеться не суждено. Все это Молоков рассказал, когда вернулся с дежурства на Абаканском кордоне уже не существующего заповедника.

И вот сейчас самое время сказать, что с 1951 года Лыковы остались без всякого внимания. О них думать было некому. Научные сотрудники разъехались, местным жителям было не до них, да и никто не проявлял никакой прыти, своих забот – хоть отбавляй. Местным властям и подавно Лыковы были не нужны.

Место, где они жили, – это территория Красноярского края, а

там мало кто знал, что где-то кто-то живет, а если и доходили какие-либо слухи о «лесных людях», то воспринимались они как красивая легенда. Тем более что Лыковы никому никакого зла никогда не делали, никому не мешали, не лезли в чужую жизнь и ничего ни с кого не требовали. Во вновь созданный заповедник, как я уже писал, Абаканский участок и в этот раз не вошел, и Лыковы теперь уже окончательно стали «ничьи», и о них постепенно стали забывать.

Работа в туризме. Поход группы Штюрмера в верховья Бол. Абакана. Встреча с Лыковыми

Спустя два года автора этих строк как знающего озеро и Горный Алтай в целом пригласили на работу на туристскую базу на Телецком озере, где пришлось много лет возглавлять инструкторскую службу горнопешеходного и водного туризма. Это были годы, когда полным ходом развивался, как тогда официально говорили, советский массовый туризм, а Алтай с его чарующей красотой, как всегда, был заманчивой целью для любителей побывать в далеких диких краях и совершить путешествие в окружении живой природы. Словом, на Алтай в послевоенные годы буквально хлынул поток туристов. Здесь были разработаны и открыты туристские маршруты различных категорий сложности, доступные для людей разного возраста и разной физической подготовки. Маршруты охватывали наиболее интересные места Горного Алтая и давали полное представление об этом удивительном районе России. Интересные не только с точки зрения необыкновенной красоты, но и с точки зрения истории, географии, растительности, освоения, заселения и т. д. Заканчивая путешествие по Алтаю, туристы, уезжая домой, уверяли, что подобные места духовно обогащают каждого, кто побывал здесь. И это действительно так.

Понимали ли все это наши предки, уходящие из России в Сибирь, на Алтай, в поисках благодатных мест? Понимали. Конечно, не так, как мы, но не меньше чем мы, если не больше. И выбирали для жительства места не только удобные для ведения разностороннего хозяйства, но и привлекательные с точки зрения красоты и, как они говорили, «баские места», т. е. красивые.

Помню, как однажды, ночуя в тайге на берегу Абакана, разговаривая в спокойной обстановке у костра о переселении в таежную глухомань, один из староверов сказал, говоря о красоте этих мест:

– Благодать-то кака, душу радует и жить-то легче. Как еще можно сказать лучше? Вот вам и понятие истинных русских крестьян о духовности и любви к природе. Кроме так называемых плановых туристов, Алтай посещали сотни самодеятельных групп из многих городов Союза. В основном это были студенческие группы, хорошо подготовленные, с разработанными и документально оформленными маршрутами, утвержденными

квалификационными комиссиями своих клубов. Основная масса таких групп прибывала из Москвы, Ленинграда, Киева, Барнаула, Новосибирска и других городов, где действовали клубы туристов и была хорошо поставлена организационная подготовка. Большинство групп, проходящих по району Телецкого озера, заходило на турбазу с целью сделать отметку в маршрутных документах и получить консультацию, если таковая требовалась. Поэтому руководство турбазы знало о передвижении многих групп, знали, когда ушли и как будет проходить маршрут данной группы.

Эти группы исколесили Горный Алтай вдоль и поперек. Много групп уходило в Западные Саяны и, перевалив Абаканский хребет, спускалось вниз по реке Абакан. Но верховья этой реки всегда оставались в стороне. Этот сложный труднодоступный участок посещали крайне редко, а вот на турбазу, получать консультацию, заходили многие из них.

Во время консультаций туристы часто задавали вопросы, существует ли заимка Лыкова, почему их несколько на карте, кто такой Лыков и т. д. Как я уже писал, на всех топографических картах были пометки «Заимка Лыкова», ну и, естественно, интересовались этими заимками, указанными на картах, как пунктами, где можно было бы сделать остановку и дневку. Консультируя группы, уходящие в верховья Абакана, я всегда обращал их внимание на то, что где-то там проживает семья Лыковых, и если им придется увидеть там следы человека, то это следы кого-то из них. Больше там никого нет.

В 1958 году Московский городской клуб туристов, где долгое время работал директором М. Злацен, широко известный в туристских кругах, большой знаток туризма в СССР, организовал сборы руководителей сложных туристских путешествий. Местом сбора был выбран Алтай, Телецкое озеро. Отсюда и должны были выйти на маршруты несколько групп и, пройдя по наиболее сложным местам бассейна озера и Западных Саян, возвратиться на Телецкое озеро. Возглавлял сборы мой давний приятель, мастер спорта по туризму Юрий Александрович Штюрмер. Именно он повел группу по наиболее сложному маршруту. Они должны были после перевала через Абаканский хребет спуститься к реке Абакан и его долиной уйти в верховья, подняться на Абаканский хребет и, вновь перевалив его, долинами Чульчи и Чулышмана выйти к Телецкому озеру.

Разбирая маршрут, мы подробно поговорили о тех местах, о характере местности, и, когда я пометил на карте, где находится домик Лыковых на Еринате, разговор зашел и о них. Я попросил Юрия обратить внимание на возможные следы человека, на

загородки на реке, и если судьба вдруг сведет с Лыковыми, то просил узнать все что возможно о них, где дети, вывел ли он их, как обещал, или они попрежнему живут все вместе. По возвращении с маршрута первое, о чем рассказал Штюмер, – это то, что им посчастливилось встретиться с Лыковыми.

В самом верховье Абакана несколько ниже впадения реки Еринат они, выйдя из тайги к берегу Абакана, совершенно неожиданно увидели человека с удилищем в руках. Он рыбачил, а рядом на кучке травы и пихтовых лапках сидела худенькая пожилая женщина. Это была чета Лыковых. На обоих была домотканая одежда. Группа остановилась на привал. Приготовили обед и пригласили Лыковых пообедать. Они категорически отказались от всего, взяли только соль. Разговаривая, Юрий спросил и о детях, где они, живы ли? Карп Осипович отвечал:

– Дети, слава Богу, живы. – А где они? – спросил Юрий и получил вот такой ответ: – Которые с нами, которые отошли. Это было не совсем понятно, и Юрий говорил, что кто-то из них, видимо, сменил место жительства. Позднее прояснилось Карп Осипович отделил сыновей в построенную избушку в 4–5 километрах от своего домика. Я спросил, как они выглядят, здоровы ли и т. д. Юрий сказал, что Карп Осипович выглядит хорошо, плотный, крепкий, словом, «как груздь», а вот Акулина Карповна худенькая, в чем только душа держится, видать, болезненная, одним словом, «живые мощи».

Это была короткая встреча, и разговор, по моему мнению, понастоящему не состоялся. Видимо, и неожиданность, и боязнь каких-либо последствий не позволили за короткий промежуток времени успокоиться и убедить себя поговорить в спокойной обстановке. Попытка сфотографировать их не увенчалась успехом. Лыковы отворачивались и просили этого не делать. Ребята извинились и отказались от этой затеи. Участники группы вели разговор в деликатной, спокойной форме и всячески старались не ущемить их достоинства и не обидеть их своими расспросами и действиями. Вот так состоялась очередная встреча с людьми из «мира».

Приход геологов. Появление в печати различных статей. «Таежный тупик» В.М. Пескова

Группа Штюмера ушла, и наступил самый длительный промежуток времени, когда никаких встреч с Лыковыми не происходило. И теперь уже до встречи с геологами, о чем много писали газеты, пройдет ровно двадцать лет.

Все эти годы, как и предыдущие двадцать один год, се мя Лыковых была один на один с суровой природой Западных Саян, с массой трудностей, которые подсте регали их буквально на каждом шагу. Это выражалось в первую очередь в неурожаях, в наступлении раньше обычного зимы, когда при уборке главного продукта питания – картошки – приходилось разгребать снег. Все это сразу сказывалось на питании, а что такое голод, семья испытывала не раз. Особенно тяжелым был 1961 год, точнее, зима с 1960-го на 1961 год, когда не удалось из-за неурожая по причине резкого похолодания и снегопада летом собрать не только то, что давал огород, но и то, что давала тайга, и зиму встретили почти без запасов. В ту страшную зиму 16 февраля скончалась Акулина Карповна.

Таким образом, в полной изоляции семья Лыковых находилась 41 год. Надо отметить, что те встречи с людьми, о которых мы писали, никоим образом не отразились на благополучии семьи. Ну, состоялась встреча, поговорили, договорились о чем-нибудь, и на этом встреча заканчивалась. Но главная причина того, что Лыковы были брошены на произвол судьбы, – это ликвидация Алтайского заповедника в 1951 году, когда даже думать о семье Лыковых стало некому. Вот эти даты, когда происходили кратковременные встречи, о которых мы знаем: 1940, 1941, 1946, 1951, 1958 годы. До 1937 года Лыковы жили, как и все, открыто и не таясь.

Что касается еще каких-то тайных встреч, о чем можно прочесть в газетах, то, на мой взгляд, все это плод чьей-то фантазии, во всяком случае, нам ничего не известно, и мы никогда ни от кого не слыхали, что кто-то ходит к ним, помогает этой семье, регулярно доставляет им продукты питания и т. д. В газете «Московский комсомолец на Алтае» в одной из статей о Лыковых можно прочесть следующее: «Их племянники, что жили в Абазе, постоянно снабжали их всем необходимым, поднимались на лодке вверх по реке и привозили соль, сахар и другую снедь».

Откуда это? Кто мог такое сообщить? Ничего подобного не было и быть не могло. Ни муки, ни соли, ни тем более сахара и «другой снеди» им никто никогда, до встречи с геологами, не доставлял, да и не был у них никто в этот двадцатилетний промежуток времени.

Здесь уместно вспомнить, что написала в своих воспоминаниях Галина Письменская – начальник группы геологов, которые были заброшены вертолетом примерно в 15 километрах от места проживания Лыковых. Эта группа в составе четырех человек, включая Г. Письменскую, были первыми, кто встретился с Лыковыми в 1978 году, спустя двадцать лет после встречи Лыковых с группой московских туристов Ю. Штюмерера. Изучая предполагаемое место работы, летчики обратили внимание геологов на подозрительный огород, который им удалось увидеть с воздуха, подбирая удобное место для посадки вертолета. Таким образом, геологи были в какой-то степени подготовлены к встрече с таинственными людьми. В своих воспоминаниях Г. Письменская невольно расставляет все точки над *i*, доказывая тем самым, что у Лыковых никто никогда не был, и что они бы выглядели иначе, чем так, как увидели их они. Вот что она писала, когда ее группа, ориентируясь на пометку летчиков на карте, вышла к домику Лыковых. Привожу выдержки из прекрасно написанных воспоминаний.

«...И вот жилище возле ручья. Почерневшая от времени и дождей хижина со всех сторон была обставлена каким-то таежным хламом, корьем, жердями, тесинами. Если бы не окошко размером с карман моего рюкзака, трудно было бы поверить, что тут обитают люди. Но они, несомненно, тут обитали – рядом с хижинкой зеленел ухоженный огород с картошкой, луком и репой. У края лежала мотыга с прилипшей свежей землей.

Наш приход был, как видно, замечен. Скрипнула низкая дверь. И на свет божий, как в сказке, появилась фигура древнего старика. Босой. На теле латаная-перелатаная рубаха из мешковины. Из нее ж – портки, и тоже в заплатках, нечесаная борода. Всклокоченные волосы на голове. Испуганный, очень внимательный взгляд. И нерешительность. Переминаясь с ноги на ногу, как будто земля сделалась вдруг горячей, старик молча глядел на нас. Мы тоже молчали. Так продолжалось с минуту. Надо было что-нибудь говорить. Я сказал:

– Здравствуйте, дедушка! Мы к вам в гости... Старик ответил не тотчас. Потоптался, оглянулся, потрогал рукой ремешок на стене, и, наконец, мы услышали тихий нерешительный голос:

– Ну, проходите, коли пришли... Старик открыл дверь, и мы оказались в затхлых липких потемках. Опять возникло тягостное

молчание, которое вдруг прорвалось всхлипыванием, причитаниями. И только тут мы увидели силуэты двух женщин. Одна билась в истерике и молилась: «Это нам за грехи, за грехи..!» Другая, держась за столб, подпиравший провисшую матицу, медленно оседала на пол. Свет из оконца упал на ее расширенные, смертельно испуганные глаза, и мы поняли – надо скорее выйти наружу. Старик вышел за нами следом. И тоже немало смущенный, сказал, что это две его дочери.

Давая новым своим знакомым прийти в себя, мы разложили в сторонке костер и достали кое-что из еды.

Через полчаса примерно из-под навеса избенки к костру приблизились три фигуры – дед и две его дочери. Следов истерики уже не было – испуг и открытое любопытство на лицах.

От угощения консервами, чаем и хлебом подошедшие решительно отказались: «Нам это не можно!». На каменный очаг возле хижины они поставили чугунок с вымытой в ручье картошкой, накрыли каменной плиткой и стали ждать. На вопрос: «Ели вы когда-нибудь хлеб?» – старик сказал: «Я-то едал. А они нет. Даже не видели».

Одеды дочери были так же, как и старик, в домотканую конопляную мешковину. Мешковатым был и покрой всей одежды: дырки для головы, поясная веревочка. И все – сплошные заплаты.

«...В вечеру знакомство продвинулось достаточно далеко, и мы уже знали: старика зовут Карп Осипович, а дочерей – Наталья и Агафья. Фамилия – Лыковы».

«...Молитвою собеседники наши прерывали долго тянувшийся разговор. Вопросов с обеих сторон было много. И пришло время задать главный для нас вопрос: каким образом эти люди оказались так далеко от людей? Не теряя осторожности в разговоре, старик сказал, что ушли они с женой от людей по божьему повелению. „Нам не можно жить с миром...“.

Принесенные нами подарки – кусок полотна, нитки, иголки, крючки рыболовные – тут были приняты с благодарностью. Материю сестры, гладили руками, рассматривали на свет».

(Записки Г. Письменской взяты из книги В. Пескова «Таежный тупик»). Эта короткая запись Г. Письменской лишний раз подтверждает полную изоляцию Лыковых – на протяжении многих лет и никакой связи ни с кем не было. А геологи – это люди немногословные, большой силы воли и никогда лишнего не говорят. Надо сказать, что старшая дочь Наталья и сын Савин видели людей несколько раз в своей жизни: когда жили в поселке на Каире, когда жили на Алтае в Турочакском районе, где родилась Наталья, когда к ним пришли наблюдатели заповедника и в 1946 году военно-топографический отряд. Агафья и младший

сын Дмитрий людей не видели никогда. Первые люди, которых они увидели своими глазами, были геологи группы Г. Письменской.

Но если кто-то когда-нибудь регулярно бывал у Лыковых, как пишут газеты, то из простых вещей, как резиновые и кирзовые сапоги, валенки, ватные телогрейки, овчинные полушубки, дешевые ткани типа фланели, тонкого брезента и т. д. могли привозить для всех Лыковых сколько угодно. Этими товарами в 50–60 годы были завалены прилавки сельских магазинов. Могли также привозить дешевые крупы: пшено, гречку, овсянку и, конечно, соль. Говоря простонародным языком, все эти товары и продукты всегда были, как шутя говорили «дешевле воды».

А вот когда Лыковых обнаружили и это стало достоянием гласности, вот тут и родственники моментально зашевелились и стали посещать и помогать, кто чем может. Надо сказать, что многие из них практически стали забывать о Лыковых. Некоторые старики ушли из жизни, молодежь Лыковых никогда не видела, да и не знали точно, где они, живы ли они, тем более что слухи об их местопребывании были самые разноречивые.

В статьях о Лыковых можно прочесть и такое, что якобы Карп Осипович в течение нескольких лет избродил все пространство в радиусе до 700 километров от своего жилья с целью подыскать для своих детей напарников в жизни. Удивительно, как можно писать такое, в какую голову эта мысль пришла. Или хотелось как-то оправдать жизненные действия главы семьи «за бесцельно прожитые годы». Да такого и быть не могло. Что значит 700 километров? Давайте представим. Если Лыков действительно ходил многие месяцы в течение нескольких лет на такие расстояния, то он мог побывать в городах: Абакане, Кызыле, Новокузнецке, Кемерово, Барнауле, Бийске и т. д. А сотни поселков, которые были бы у него на пути? А результат какой? С кем виделся? Где ночевал? И т. д. и т. п. В его-то одежде, без обуви, без каких-либо документов, в результате чего он мог быть задержан в любом месте, в любое время. Да еще немаловажный момент – питание. Мирская пища неприемлема, а другой нет.

Такие сообщения вызывают, мягко говоря, недоумение. Авторы подобных сказок, видимо, не представляют ни причин, изза которых люди уходили в глухомань и скрывались, ни горнотаежных условий, ни законов, царивших в те годы в стране. И уходили Лыковы в «пустынь», подальше от людей, не для того, чтобы потом разгуливать чуть ли не по всей Сибири. Да и зачем нужно было покорять такие расстояния, когда в десятках поселков, которые он знал как свои пять пальцев, в которых

раньше бывал много раз, где проживают единоверцы и многочисленная родня, до которых от Ерината рукой подать, он мог бы решить любые вопросы. Да и молва бы разошлась по всей округе. Но он никогда и никуда не ходил и нигде не был. Даже в конце жизни, когда ему предлагали побывать у родни, когда все опасности миновали, он не решился. В.М. Песков спросил однажды у Карпа Осиповича, не желает ли он побывать у родни, и обещал помочь, но тот категорически отказался. Сказал, что его «в миру сразу как рябца схватят».

Здесь я сказал о статьях, заметках, где авторы сообщают непроверенные факты, услышанные у кого-то, неправильно понятые, рассчитанные на сенсацию, и выдают в печать как должное. В итоге многие даты, а также события искажены до удивления. И тысячи читателей, искренне сочувствующих этой семье и пытающихся узнать подробности о судьбе этих людей, получают информацию, ничего общего не имеющую с фактами жизни Лыковых. Конечно, освещать события давнего времени, не имея под руками почти никаких документальных подтверждений сложно, и неточности могут быть у каждого, но не в такой же степени, что пишутся небылицы, о чем я сказал выше.

Однако основная масса сообщений – это хорошие повествования, которые написаны самыми разными людьми. Я имею в виду возраст, профессию, занимаемую должность и т. д. Среди них туристы, врачи, ученые, писатели.

Подводя черту этой части повести, хочу сказать, что лучшее из написанного – это «Таежный тупик» В. Пескова. В его документальной повести – все как было, все как есть. Прекрасно написана, деликатно, не унижая ничьего достоинства.

Тяготы жизни Лыковых в отшельничестве

Как жили Лыковы все годы отшельничества, теперь сказать не так сложно, особенно тем, кто хорошо знает местные условия. Лыковы, как и все крестьяне, веками жившие единоличными хозяйствами, как я уже писал, в совершенстве владели всеми видами крестьянского де ла. Они умели делать все, что требовалось для нормального житья. Но в тех условиях, в каких они оказались, любые работы требовали смекалки, сообразительности и большого напряжения. А от некоторых работ вообще пришлось отказаться. Очень ограниченное количество огородных и любых других инструментов, ограниченное количество посуды для приготовления пищи. Несколько чугунков, сковородок. Чашки, миски, ложки – все из дерева. Вся тара для хранения продуктовых запасов на зиму – туеса, коробка разной величины – изготавливалась из бересты. Кстати говоря, это лучшая тара для хранения, и такой тарой пользуются и по сей день по всей Сибири. Совершенно не было никакого железа – гвоздей, болтов, шурупов, скоб и т. д. Отсутствие всего этого не позволяло делать многое, что даже в их условиях изготовить было бы легко и просто. Здесь я имею в виду столярные, плотничные и любые другие работы, которые могли бы значительно улучшить их быт.

Серьезной проблемой были одежда и обувь. Все, что было принесено из «мира», в таежных условиях довольно быстро пришло в негодность. Была одна возможность изготавливать одежду самим. В их распоряжении была только конопля. Это крупное однолетнее лубоволокнистое растение при правильном уходе и переработке давало довольно прочное волокно. Им удалось сохранить и поддерживать в рабочем состоянии ткацкий станок, который в Сибири называли кросна. Изготовить красну при наличии инструмента было несложно. В годы войны красну можно было видеть во многих избах крестьян. В нашем поселке, насколько я помню, было таких станков три или даже четыре. Именно с помощью его Лыковы ткали простейший холст из конопляных ниток – единственная материя, из которой шили одежду, мешки и изготавливали шнуры и веревки. Надо сказать, что весь процесс – от посева, уборки до получения ниток и, наконец, ткани – длительный и очень трудоемкий. Особенно утомительным было прядение ниток.

С обувью также было очень трудно. Практически ее почти не

было. Она могла бы быть всегда в нужном количестве, но домашнего скота у Лыковых не было – следовательно, не было и главного сырья – кожи. Первые десять-пятнадцать лет отшельничества у Лыкова имелся небольшой запас патронов к винтовке, и Молоков оставил то ли десять, то ли пятнадцать патронов еще в 1941 году, когда они встретились. Это позволило Лыкову добывать маралов. Во всяком случае, когда мы пришли в 1947 году к Лыковым на Еринат, то при осмотре усадьбы обнаружили остатки изношенных ичигов разных размеров. Вся обувь была из кожи марала. По моим предположениям, в начале пятидесятих годов добывать маралов уже было нечем, кроме как ловчими ямами, или догонять и колоть по насту зимой. А это случалось нечасто. Что же касается выделки кож, то и этим ремеслом Лыков владел в совершенстве. Все нужные компоненты для обработки кож имеются в тайге в неограниченном количестве.

В годы войны и у нас в поселке выделывали кожи. Особенно большими мастерами были П.Ф. Казанин и И.С. Брыляков, которых я неоднократно упоминаю. Помню, когда медведь у самого поселка задрал у нас корову, шкуру выделывал П.Ф. Казанин, а я приходил и смотрел. И уже тогда теоретически постиг эту науку. Когда кожа была выделана и отмята, мы ее расстелили, и я пересчитал все ранения, нанесенные когтистыми лапами медведя. А Парфентий Филимонович, указывая пальцем на прорези, рассказывал мне, причем в последовательном порядке, как медведь бил и рвал когтями корову, пока не свалил ее.

Но главное – это питание. В распоряжении Лыковых было два источника получения продуктов питания: огород, на котором выращивали картофель, репу, лук, горох, немного ржи, и другой источник – тайга. Огороду уделяли основное внимание, и благодаря своевременной посадке, прополке, окучиванию он был надежной опорой семьи. Беда в том, что Лыковы жили слишком высоко в горах. На такой высоте заметно короче лето, следовательно, короче вегетативный период развития растений. И далеко не все огородные культуры, в основном корнеплодные, могли произрастать в таких суровых условиях. Поэтому здесь нужно было не пропустить ни один день во время посадки, ухода и уборки. Вписываться в эти рамки было очень сложно. Поэтому в свое время Карп Осипович принял решение построить домик на берегу реки, что значительно ниже по уровню над тем местом, где они жили. Здесь основали еще один огород, в котором все росло значительно лучше. Кроме этого надо было кому-то быть ближе к воде с целью добычи рыбы, одного из главных продуктов питания,

добываемого у дикой природы. Были и другие причины разделиться, но это внутренние дела их семьи, поэтому касаться этой темы я не буду.

Я уже писал, что рыбы Лыковы добывали довольно много, круглый год, за исключением весенних паводков и резких поднятий воды во время летних дождей. Но больше всего ловили во время весенних и осенних ее миграций. Ловили и зимой. Будучи у Лыковых на Еринате, мы обратили внимание на таски, сделанные из цельных кедровых досок, типа мелкого корытца, длиной около 1,5 метра и шириной сантиметров сорок, толщиной около трех сантиметров. Чисто застроганные, очень легкие, они прекрасно скользят по снегу. Это были своего рода нарты. Таски были залеплены рыбьей чешуей, что подтверждало добычу рыбы зимой. Пойманную рыбу в летнее время вялили и сушили. Собирали грибы, ягоду и также сушили, другого вида консервирования в их распоряжении не могло быть.

Питание и заготовка продуктов впрок были постоянной заботой.

И другой главный дар природы – кедровые орехи. О кедровых орешках я уже достаточно много говорил, но необходимо добавить, что кедровые орешки – это необыкновенно питательный продукт. Высококалорийные, очень вкусные, с приятным ароматом и большим содержанием – до 60–65 % – масла. Кедровое масло – самое экологически чистое из растительных масел. Кедр произрастает без вмешательства человека, тогда как любое другое масличное растение выращивается с помощью разного рода удобрений. Обильно плодоносит кедр один раз в три-четыре года. Просушенные орешки сохраняются в амбарах и лабазах также три-четыре годы. Таким образом, этот важнейший продукт питания мог быть всегда при хорошо организованных сборе и хранении, но это не всегда удается. Вмешивается погода: дожди, ранние снегопады нарушают все планы.

Но главное, чего не хватало в питании – это полное отсутствие соли. И это было мучительно. Несколько отступая, хотелось бы поведать, что однажды во время работы в экспедиции, в Западных Саянах, мы с Молоковым случайно наткнулись на одном из таежных озер на небольшой амбар. Он стоял метрах в 150 от берега, заросший кругом молодыми деревцами. Когда мы зашли в амбар, я обратил внимание на то, что на полу у стенки лежат три или четыре (сейчас не помню) бревешка длиной примерно по 1,5 метра, диаметром около 50 сантиметров. Меня это удивило, и я спросил у Молокова, зачем занесли эти бревешки. Молоков улыбнулся и сказал: «Ты посмотри ладом – это колоды». Делались такие колоды просто. У

бревешка скалывали горбыль, с помощью тесла выдалбливали в нем середину со стенками в пределах пяти сантиметров, в зависимости от назначения. Потом горбыль укладывали на место, и колода вновь выглядела бревном. Я подошел и приподнял горбыль, и мы увидели, что все они были наполнены каменной солью. От места жительства Лыковых, если считать по прямой, до этого озера около 60 километров. Знал ли Лыков об этом? Если знал, мог бы воспользоваться, и какое-то время они бы не бедствовали.

Практически во всех своих делах Лыковы испытывали трудности и лишения, и если ко многому привыкли, как-то приспособились, то к отсутствию соли привыкнуть было очень трудно.

Правда, здесь надо сделать оговорку. Привыкать к лишениям и трудностям нужно было только старшим Лыковым. Это они родились и выросли в нормальных условиях крестьянского быта. Питались, одевались, как и все средней зажиточности крестьяне. Они знали, что такое хлеб, крупа, разнообразные овощи, домашний скот, который давал молоко, мясо, кожи, шерсть, домашняя птица и т. д. Под руками у любой семьи были все нужные инструменты и инвентарь. А здесь ничего этого не было. Вот в этом как раз и была трагедия для взрослых. Это им было мучительно и трудно. Это им было от чего отвыкать и к чему привыкать. Все четверо их детей – два сына и две дочери, за исключением старшего Савина, не только не знали ничего этого, но и не представляли многое, да и Савин мало что мог помнить и знать. Поэтому отвыкать им было не от чего. А то, чем они жили, воспринималось как должное, ничего другого они не знали. В этой среде они родились и выросли. И если возникали какие-либо вопросы на основании рассказов родителей, то глава семьи говорил:

– Нам это не можно, – и это вводилось в быт как закон, как заповедь. Под запретом у Лыковых была и баня. Меня лично удивляет, почему Лыков отказался от мытья в бане и лишил этого всю семью. Ни в каких писаниях с древнейших времен вы не найдете, что мыться и париться в бане – это грех. Старшие Лыковы прекрасно знали и понимали необыкновенную пользу мытья и особенно паренья, да и пользовались они баней до ухода в «пустынь», как и все русские люди. Причем парились березовыми вениками. Береза была с древнейших времен постоянным спутником человека. Это разностороннее лекарственное растение-дерево. Все мы знаем, что для лечения различных недугов у березы берут: почки, кору, листья, наросты на стволе, так называемую чагу, и превосходный березовый сок.

Лыковы прекрасно это знали, да и пользовались всем этим, когда была необходимость, а вот баня с березовыми вениками почему-то пришлось не ко двору. Русская баня была и остается одной из полезнейших. Баня лечит, оздоравливает и, как полусерьезно говорили: «грехи смывает».

Люди моего возраста, жившие в сибирских деревнях, хорошо знают и помнят, что до конца сороковых годов еще встречались бани «по-черному». В таких банях печки были без труб, так называемые каменки. У кого не было металлических емкостей, те воду грели в деревянных кадочках, бросая в нее перед началом мытья раскаленные камни, и вода вмиг закипала. Все остальное – как и во всех деревенских банях: широкая скамья и традиционный полук, на котором парились. Так что соорудить такую баню даже в таких условиях, в каких оказались Лыковы, не составило бы особого труда. Никакого железа не требовалось. Возможно, здесь играло большую роль обстоятельство, что топить баню требовалось время, а большими клубами дыма можно было легко себя обнаружить. Помню, когда мы искали Лыковых, то подолгу наблюдали, не идет ли где дым. Молоков тогда говорил, что топят Лыковы печку в избе наверняка ночью. Первые десять-пятнадцать лет они особенно таились, и, возможно, по этой причине отсутствие бани постепенно вошло в норму.

На самом деле во всех староверских семьях, где бы они ни жили, такого огульного запрета почти на все, что связано с «миром», не было. Староверы пользовались почти всем, что делалось руками человека. Они, как все крестьяне, свободно продавали свою сельхозпродукцию и покупали для нужд семьи одежду, инвентарь. Правда, это не значит, что ничего не было под запретом. Под запретом было многое. В первую очередь запрещалось курить – это был великий грех. Староверы этот мудрый запрет объясняли просто: «От табачища гниют и выпадают зубы, изо рта душина идет, гниет нутро, и помирают, не доживя веку». И это так. Вот вам краткая, но емкая характеристика одного из главных зол, которое добровольно употребляет человек во вред себе, не задумываясь о последствиях. До раскола русские вообще не курили. Под запретом было употребление спиртных напитков, или, как говорили, «базарское вино». Употребляли только медовое пиво – медовуху, и только по праздникам и торжественным случаям. Это древнейший русский напиток. Очень осторожно обращались с посудой, никому не давали, пользовались ею только в кругу семьи.

Ни с кем никогда не обменивались рукопожатиями, но, справедливости ради следует сказать, что и до раскола поступали в этом отношении правильно. В давние времена, когда на Руси

свиристествовали такие страшные инфекционные болезни, как чума, холера, оспа и другие напасти, люди в период мора сторонились друг друга, избегали любых контактов, а о рукопожатии и речи быть не могло. Они сами объясняли:

– С руки на руку любая болезнь перескочит и прильнет. Кроме того, что староверы не курили, не пили вина, они никогда не брились, объясняя это: – Борода Богом дадена. Старики говорили, что борода дана для здоровья. Любопытно отметить, что все, кто носит бороду, почти никогда не болеют ангиной и другими болезнями, связанными с верхними дыхательными путями, редко у кого болят и выпадают зубы.

Находясь в тайге или где-нибудь вне дома, они никогда не пили холодную воду. На сельхозработах у них всегда был с собой туесок с квасом или водой комнатной температуры. Зимой, находясь хотя бы и подолгу на улице, воду не пили, а если где-то в тайге в зимнее время подпирала жажда, то зачерпнут ладонью водички из родничка или речки и, подержав немного, попьют прямо с ладони.

Как я уже писал, Карп Осипович родился и вырос в горной тайге Западных Саян и всю жизнь прожил либо в маленьких поселках, либо на заимках. Акулина Карповна родилась на Алтае на реке Бии, в сравнительно крупном родовом поселке в двадцать с лишним дворов, и как бы на «большой дороге». Но там и там сохранялись одни и те же обычаи и порядки, пришедшие к ним от дедов и прадедов. И все они были хранителями этой культуры. Такими же хранителями стали их дети.

Надо сказать, что по всей Сибири во все времена крестьяне, будь то староверы или «мирские», – все они соблюдали почти одни и те же религиозные праздники, отмечали те или иные знаменательные даты. Во всех деревнях и селах Сибири жители одинаково веселились. Устраивали различные игрища, среди которых наибольшей популярностью были городки, бабки, лапта, чижик и другие. В эти игры играла не только молодежь, но и люди преклонного возраста. Кроме этого, в летне-осеннее время в определенные дни молодежь собиралась за околицей, где песни и пляски длились порой до утра. Устраивали всевозможные состязания в силе и ловкости. Особенно любили конные скачки, или, как они говорили, «бегать в бегова». Словом, русская культура прекрасно сочетала труд, отдых и развлечения.

Если говорить по существу, то хранителями старой веры, а, следовательно, культуры, были люди во всех слоях и сословиях общества, начиная от крестьян и кончая государственными деятелями. Они не скрывали своих религиозных убеждений и взглядов на жизнь. Все они отличались деловитостью,

предприимчивостью, оборотистостью и, как все русские люди, радели за Россию.

Но приход советской власти, коллективизация, репрессии разрушили веками сложившиеся устои, и люди в силу своих возможностей стали приспосабливаться к новой жизни. Как я уже писал, не согласившиеся с новыми порядками стали менять места своих проживания, а некоторые вновь, как до отмены крепостного права, ушли в таежную глухомань и канули в Лету. Кто-то потом не выдержал и вышел из тайги, кому-то удалось уйти за границу, кто-то исчез бесследно. Уже давно догнили в тайге срубленные когда-то дома, заросли бурьяном и деревьями бывшие огороды и покосы, а тайга молчит и никогда не выдаст этой тайны и не укажет, где нашли рабы Божьи последний приют на родной для них земле.

Несмотря на страшные трудности и невероятные лишения, Лыковы выжили. Оказавшись в полной изоляции от мира, не имея практически почти ничего даже из простейшего инвентаря, не имея ни скота, ни птицы, используя только то, что дают огород и тайга, они выжили благодаря жизненному опыту, сообразительности и постоянному труду. За многие годы полного отрыва от людей они не ошиблись ни на один день в датах не только в годах, но в месяцах и днях. Никаких записей, все в памяти. Летоисчисление Лыковы вели не от Рождества Христова, а, как они поясняют, от Адамова лета, т. е. от сотворения мира.

Глава семьи Карп Осипович на протяжении всего времени отшельничества держал под контролем все стороны их семейной жизни. Прекрасно зная местные условия, он передавал опыт познания природы своим детям, руководил всеми домашними работами. Благодаря его постоянному контролю семья сохранилась до прихода людей почти в полном составе. Все делалось в семье только с согласия и указания главы семьи, и что он говорил, являлось для семьи законом. Надо сказать, что во всех старообрядческих семьях сохранялись авторитарные порядки – беспрекословное подчинение главе семьи.

Многому учила Акулина Карповна, которая вела домашнее хозяйство и наряду с мужем проделывала всю тяжелую работу. Кроме этого дети научились читать и писать. И в таких вот условиях, где не было ни бумаги, ни карандашей, где не было нормального освещения в вечернее время, кроме лучины, дети Лыковых постигли грамоту. Учебниками были церковные книги древнеславянского письма. Грамоте учила Акулина Карповна, как сказала мне Агафья:

– Благодаря маменьке читать и писать сподобились.

Поселок геологов. Открытие мира для Лыковых. Взаимные визиты. Очередная трагедия – смерть трех Лыковых. Смерть Карпа Осиповича. Одиночество

Появление людей явилось серьезным, если так можно выразиться, стрессовым событием, особенно для молодых Лыковых. Ладно бы, если бы им приходилось видеть и общаться с кем-либо из людей. Но здесь особый случай. Двое старших, Савин и Наталья, видели и помнили людей, но общаться с ними практически не приходилось. Младшие, Агафья и Дмитрий, как я уже писал, людей не видели никогда. Естественно, они не могли по-настоящему представить лица людей, одежду, манеру общения друг с другом и т. д. Конечно, они многое знали о людях из рассказов родителей, но на протяжении всей жизни им внушалось:

– С миром нам не можно. И вот сразу, как снег на голову, четверо человек: трое мужчин и одна женщина. Люди, от которых прятались всю свою жизнь, внезапно оказались рядом, и не с какими-то там плохими намерениями, а с добром и уважением. Можно только догадываться, что испытали сестры Лыковы, особенно Агафья, когда эти люди смело и в то же время скромно зашли в их мрачное жилище.

Для Савина и Дмитрия это событие прошло как бы с подготовкой. Как только геологи, пришедшие первый раз, ушли, Карп Осипович немедленно дал знать сыновьям о том, что люди их обнаружили. Он наверняка подробно рассказал им обо всем, что произошло, и о том, как нужно себя вести и т. д. Словом, потайная жизнь кончилась, и теперь нужно было, хотят они этого или нет, приспособливаться к иному образу жизни.

А на следующий год примерно в пятнадцати-двадцати километрах от жилища Лыковых основательно приступила к работе геологоразведочная партия. Здесь была обнаружена железная руда, и Минусинская комплексная экспедиция развернула деятельность по уточнению запасов, возможности разработок и других сторон, касающихся разведки этого месторождения. Поселок геологов расположился на берегу реки Бол. Абакан при впадении в него реки Каир-су. Зброшенные сюда работники партии к этому времени уже знали о том, что в

тех местах, где им придется работать, свыше сорока лет проживает семья староверов, фамилия которых была нанесена на их карты.

Руководство экспедицией сразу стало оказывать всяческую помощь семье Лыковых. Не осталось в стороне и руководство Хакасского областного управления лесного хозяйства во главе с Николаем Николаевичем Савушкиным. Надо отдать должное этому человеку, который очень много сделал для оказания помощи этому семейству. К сожалению, мне не удалось ни познакомиться, ни повидаться с ним, но я пользуюсь людской молвой. Все они много сделали для улучшения их быта. Помощь выражалась в строительстве дома, в обеспечении инвентарем, одеждой, некоторыми продуктами питания и в хозяйственных работах. Большинство работников партии проявляли огромный интерес к этой семье и при первой возможности старались побывать в их жилище, воочию убедиться, что все это действительно, а не чьи-то сказки. Хотелось самим повидать этих отшельников: кто-то искренне сочувствовал Лыковым, кто-то из праздного любопытства, а некоторые и «для галочки», чтобы потом в обывательских разговорах говорить, что виделся и «хорошо знаю» этих людей, и делать свои выводы. Зная о том, что Лыковы не имеют многое из того, что необходимо для хотя бы мало-мальски нормальной жизни, все старались чем-то им помочь. Надо также отдать должное многим, кто встречался с Лыковыми. Все они с пониманием отнеслись к трагедии этой семьи и, всячески помогая им разобраться в совершенно новой для них жизни, невольно становились как бы кураторами, опекунами. Всем хотелось сделать для них что-нибудь приятное, чему-нибудь научить, что-то подарить и т. д.

Почти все для Лыковых было в диковинку. Одежда, посуда, различные предметы домашнего обихода, питание, новые непонятные слова, названия и многое другое. А вот машины, станки, вертолеты, электричество, телевизор, безусловно, поражали воображение, и в сознании происходило такое, что заставляло задумываться о многом, что осталось за спиной жизни и к чему теперь при всем желании вернуться уже невозможно. Можно только констатировать все это как факт, но не более. От всего этого они остались в стороне и на расстоянии, которое покорить уже не получится.

Молодые Лыковы часто стали появляться в поселке геологов, хотелось повидать что-нибудь новое, но главное, с чем трудно было справиться, – это тяга к людям, тяга к общению, хотелось смотреть на лица мужчин и женщин и говорить, говорить, и с каждым визитом кругозор их расширялся. Они узнавали многое

из того, что на протяжении всей жизни они вообще не знали, что было в их сознании за барьером их мышления. И все это не только поражало и волновало, но и на свою личную жизнь они, наверняка стали посматривать уже с другой точки зрения. Разумеется, они задумывались, почему всем можно, а им нельзя. Во время частых разговоров с людьми они стали понимать, что многое из того, что им внушалось и что было под запретом, оказывается, не совсем так, и «мир», о котором им говорилось, что «с миром нам не можно», не объясняя почему, оказался добрым, приветливым и кроме добра и уважения ничего не нес.

Постепенно молодые Лыковы осваивались и, несмотря на бурный поток информации, нахлынувший, как стремительная горная река, стали разбираться во многом. Они прекрасно понимали, что все то, с чем пришлось столкнуться и что увидеть, – это творение таких же людей, как и они сами. Словом, многое постигали довольно быстро, да иначе и быть не могло. Нормальное умственное развитие, сообразительность, природная смекалка помогали постигать все, что вызывало удивление. Они с благодарностью принимали все, что им предлагали жители поселка геологов, – это предметы домашнего обихода, одежда, обувь, рыболовные снасти и т. д.

В поселке они видели молодых мужчин и женщин, видели супружеские пары, и это, без сомнения, будоражило сознание, тем более что люди им напрямую говорили о том, что они могли бы жить так же, как живут все: иметь семью, детей, если бы их отец не совершил эту страшную роковую ошибку, прикрываясь тем, что «с миром нам не можно». И вот именно вопросы супружеской жизни, семьи, желание иметь своих деток были, пожалуй, главными причинами их разочарования и мучительных раздумий. Сестры находили общий язык с женщинами, с охотой слушали их рассуждения и в свою очередь рассказывали о своей нелегкой жизни.

Самый старший – Савин, больше всех испытывавший всяких невзгод, чуждался нового больше всех остальных членов семьи. Видимо, те внушения, которые твердил глава семьи на протяжении всей его жизни, прикрываясь верой, и его личные воспоминания настолько укрепились в сознании, что переосмыслить все это было очень сложно.

Самый младший, Дмитрий, наоборот, потянулся к людям, ко всему новому, интересовался буквально всем, и, как говорили жители поселка, он рано или поздно ушел бы в «мир». Дмитрий первый испробовал мирскую пищу, в частности, хлеб, кашу, сгущенное молоко и признался, что ему понравилось. Молодые Лыковы здоровьем не блистали. В их рационе никогда в жизни не

было молока, яиц, обычного хлеба. Из овощей не было главнейших – моркови, капусты, свеклы, помидоров. Никогда не было никаких фруктов, и что такое голод, они испытывали не раз.

Кроме этого они провели основную часть своей жизни буквально в полумраке. На всю их каморку, в которой жили, крошечное оконце примерно 10х15 см, способное дать свет только чтобы различать предметы и не сталкиваться друг с другом. А проводила семья в этом маленьком, мрачном, с черными стенами жилище примерно семьдесят процентов своего времени, если не больше. Поэтому, как отмечали жители поселка, они выглядели бледными: мужчины с жидкими бородами, никакой силой, плотностью и крепостью телосложения они не отличались. Чего нельзя было сказать о главе семьи, который выглядел для своего возраста вполне нормальным, был крепок и здоров. Он вырос в нормальных крестьянских условиях, где никогда не было недостатка во всем, что употребляли сибирские крестьяне.

Постепенно люди стали привыкать друг к другу, и казалось, что пройдет определенное время, и многое в их жизни встанет на свои места. Лыковых стали посещать родственникиединоверцы, которые также старались открыть им глаза на окружающую обстановку, на законы, словом, на ту жизнь, которая стала нормой всего общества.

Но жизненная судьба вновь, в который уже раз, внесла свои зловещие коррективы. Это короткое развитие дружеских и полезных, в первую очередь для семьи Лыковых, отношений неожиданно закончилось трагически. Осенью 1981 года внезапно заболел Дмитрий и спустя несколько дней скончался. И хотя была возможность обратиться за помощью к врачу, которая предлагала свои услуги, Лыковы этого не сделали, объяснив: «На все воля Божья». А спустя еще два месяца в течение десяти дней скончались Савин и Наталья, и также за помощью к врачу не обратились. Понял ли Карп Осипович, что и здесь, когда дети оказались на смертном одре, он, не позволив обратиться к врачу, невольно способствовал их гибели? Успели бы врачи оказать помощь и спасти заболевших или нет, сказать трудно, но совесть была бы чиста у всех. Но оставим укоры, факт свершился.

Во все времена с глубокой древности крестьяне, заболевшие какой-либо болезнью, обращались за помощью к местному лекарю и никакого греха в этом не усматривали. Причина смерти сразу трех Лыковых – это контакт с людьми.

Лыковы всю свою жизнь прожили в чистой темнохвойной тайге, где не было и быть не могло никаких болезнетворных бактерий благодаря тому, что воздух в тайге заполнен так

называемыми фитонцидами. Эти летучие вещества, выделяемые растениями, особенно хвойными породами деревьев, буквально насыщают воздух, и Лыковым ничего не грозило. Образно говоря, они были на протяжении всей жизни как бы в абсолютно стерильной капсуле, что в общем ослабляло иммунитет, так как никогда они не подвергались нападению каких-либо болезней, поэтому их организмы были совершенно неспособны противостоять любой, если так можно выразиться, малейшей инфекции.

А в той обстановке, в какой они оказались, встречаясь с людьми, среди которых могли быть носители различных инфекционных заболеваний, Лыковы как раз и оказались теми объектами, с которыми любой инфекции нетрудно было справиться. Это, без сомнения, так, и других здесь причин быть не могло. А вот что это за болезни, которые так легко свалили, казалось, крепкие организмы, теперь мы уже не узнаем.

Кроме этого немаловажную роль сыграло то стрессовое состояние, нервное потрясение, когда в их жизнь пушечным ядром ворвались пришедшие с миром люди, такие же, как и они сами, но совершенно другие.

Единственное, чем никогда не могли заболеть Лыковы, – это клещевой энцефалит. Жители всех таежных деревень, заимок никогда энцефалитом не болели, хотя с малых лет, с грудного возраста подвергались укусам клещей. Все мы ежегодно каждую весну выдергивали из своих тел десятки клещей. Клещей выдергивали из коров, лошадей, собак сотнями. Очевидно, сами клещи, кусая нас, делали нам прививки, так, во всяком случае, объясняли нам врачи.

Спустя еще семь лет, в 1988 году, скончался Карп Осипович. Он умер на 87 году жизни в тот же день и месяц, в какой умерла его жена Акулина Карповна в далеком 1961 году, т. е. 16 февраля.

Агафья Карповна рассказывала, что в последние дни и часы жизни Карп Осипович в полусознательном состоянии стремился куда-то уйти. Думая над последними часами его жизни, я прихожу к выводу, что даже в таком состоянии срабатывал инстинкт самосохранения, и он делал попытки уйти от всего и от всех.

Так и закончила существование одинокая семья, невесть где жившая, отказавшаяся от всего земного непонятно ради чего. Осталась одна младшая дочь Агафья, которая, ссылаясь на то, что «тятенька благословения не давал», категорически отказалась уехать к родственникам, которые предлагали ей хорошее место жительства; в том числе обещали срубить домик и обустроить хозяйством. Будучи в поселке Килинск, где в то время гостила

Агафья у своих близких родственников, я принимал участие в длительных беседах с Агафьей вместе с В.М. Песковым и группой местных мужчин-единоверцев. Все наши уговоры, предложения перебраться к родне на жительство не возымели действия. Агафья была непреклонна, и понять ее можно. Да и видно было, что наши уговоры больно отражаются в ее душе.

Она осталась на своем родном месте, где родилась и выросла. И так бы поступил, пожалуй, каждый, кто оказался бы на ее месте. Во всяком случае, лично я согласен с ее решением. Она эту жизнь знает до мелочей, знает, что, где и когда надо делать, трудолюбия ей не занимать, она умеет делать все в той жизни, в какой оказалась. Другой жизни она не знает, и перестраиваться на другой лад у нее уже не получится. Да и немаловажно то, что, находясь в гуще людей, она может, с ее здоровьем, в любой момент стать жертвой любой инфекции.

Я не буду повторять того, что уже много раз говорил. Скажу одно, что сейчас иное время, и ей практически не угрожает недостаток питания, одежды и прочего. Люди помогли, и главную роль в той помощи и в том, что вся Россия узнала о трагедии этой семьи, безусловно, принадлежит в первую очередь В.М. Пескову, который тактично и обстоятельно поведал миру о том, что произошло в таежной глухомани Западных Саян.

Одним словом, Агафья Карповна никогда и никуда не уйдет с родового места. Тем более что в том месте, где она проживает и вокруг нее находится, по моим подсчетам, как минимум одиннадцать могил, где погребены самые близкие и дорогие ее сердцу люди. Около них она и осталась. Здесь и закончится тяжелый и редкий по своей сути жизненный путь этой многострадальной семьи из рода Лыковых.

Однажды в кругу друзей во время беседы о судьбе Лыковых, когда я рассказывал о том, что знаю сам и что рассказывали мне очевидцы об их жизни, мой хороший приятель, социолог, сказал, что трагедия семьи Лыковых – это отголоски раскола и Октябрьской революции. Мне кажется, он попал в точку.

Сейчас Агафья Карповна окружена вниманием, ей помогают во многом, и в этом отношении все, слава Богу, благополучно. Все попытки подселить к ней кого-нибудь с целью сгладить одиночество заканчивались провалом. Эти попытки никогда не дадут положительного результата. Сейчас нет никого, кто мог бы легко переносить эти условия, тяготы жизни и быть стопроцентным единомышленником. Таких людей просто уже нет, даже среди единоверцев вряд ли кто найдется. Я имею в виду, что жить там так, как живет она, никто не сможет по той простой причине, что вокруг иная жизнь и общего языка уже не

найти.

Отношение отдельных людей к жизни семьи Лыковых. Последние пожелания

В заключение хотелось бы вернуться к некоторым фактам отношения людей к семье Лыковых.

Все военные годы директором заповедника был Алексей Дмитриевич Черствеv. Инженер по образованию, большой знаток дикой природы, прекрасный охотник и замечательный человек. На его долю выпала нелегкая задача охраны огромной труднодоступной территории заповедника, практически без наблюдателей. На всех кордонах обязанности наблюдателей выполняли жены ушедших на фронт мужей. В научном отделе были одни женщины. А транспорт – только верховые лошади.

Алексей Дмитриевич уделял много времени жителям поселка и особенно молодежи. Часто вечерами приходил в наш маленький клуб и при свете керосиновой лампы рассказывал нам о положении на фронте. Иногда, при хорошем настроении, играл на гитаре и пел романсы. Он знал и любил музыку. Всю войну в нашем поселке не было ни электричества, ни радио, ни магазина, а газеты доходили до нас на 10-12-й день после выхода в свет. Никаких продуктовых карточек за всю войну у нас не было, хлеб выращивали сами и получали мукой согласно нормам военного времени. Но, несмотря на почти полное отсутствие мужчин и другие трудности, ему удавалось держать под контролем территорию заповедника, южную границу которого охраняли пограничники. За три с небольшим года своей работы он извездил практически всю его территорию. Четырежды совершил поездки на Абаканский кордон, горячий источник и по долине реки Бедуй до южной границы с Тувой. Каждый раз, уезжая на Абаканский кордон, он включал в состав экспедиции кого-нибудь из научных сотрудников и одного или двух пожилых охотников. Обязательно брал с собой килограммов пять соли для пополнения запаса на кордоне и всегда говорил:

– Для Лыкова, может, выманим его солью из тайги. Соль он прятал в тайнике, о котором Лыков знал, и оставлял записку, в которой излагал события, настаивал на выходе из тайги и сообщал, что кордон в его распоряжении. Но, как показало время, Лыков ни разу на кордоне не был, все было цело.

Позднее, кажется в 1950 году, мы случайно нашли в кладовой одну из записок Черстова.

Во время очередной поездки на Абаканский участок он оставил на кордоне всех, а сам на лодочке поднялся на шести километров на 10–15 вверх по реке, но нигде никаких следов человека не обнаружил. Зато, как он сказал, зверья везде тьма.

При возвращении из последней поездки в сентябре 1945 года, когда до нашего поселка оставалось около восьми километров, на тропу метрах в 70–80 перед ними неожиданно выскочил довольно крупный медведь. На какое-то время он остановился, как бы разглядывая людей, и почти сразу, как танк, кинулся на них. Черствов ехал впереди, и, как рассказывали ехавшие за ним, он мгновенно сдернул со спины карабин, и как был в седле, выстрелил навскидку. Медведь перевернулся через голову и остался лежать на спине, медленно распуская лапы. Передернув затвор, директор выстрелил еще раз, но надобности уже не было, первая пуля попала точно в лоб. Спустя несколько секунд, в наступившей тишине, Алексей Дмитриевич оглянулся и, спешившись с коня, улыбаясь, спросил:

– У вас все в порядке? Идите, поздоровайтесь. Все трое осторожно спешили и еще осторожнее подошли к поверженному зверю. Спасло людей его искусство стрелка, в противном случае медведь растрепал бы всех.

Черстов говорил, что после войны он обязательно найдет Лыкова и переселит его на кордон. В ноябре 1945 года он сдал дела и уехал в родную Москву. Позднее Совмин направил его в Новочеркасск, где он был назначен главным инженером завода по выпуску электровозов.

С одним из бывших сотрудников НКВД К.Н. Чижиковым, который принимал участие в поездке на Абаканский кордон в 1947 году, мы жили в одном городе и иногда встречались. Последняя наша встреча состоялась где-то в середине семидесятых годов. Мы сидели довольно долго в сквере и вспоминали о тех временах. Здесь спустя много лет он практически повторил те же слова, что и тогда. Он говорил, что сам Лыков никакой опасности не представлял, ни в чем замешан не был, да и жил он не на территории Горного Алтая, поэтому им по-настоящему и не интересовались. Его главная вина заключалась в том, что он увел свою семью и таким образом лишил своих детей абсолютно всего, да и никакого приказа о якобы ликвидации Лыкова не было. Лыковы и так пострадали – был убит Евдоким, но в этом случае ни власти, ни представители органов никакого отношения к этому не имели. Это убийство было на совести работников заповедника, которые, как он сказал, прикрылись тем, что якобы Евдоким оказал сопротивление. Все ли он поведал мне или нет, сказать трудно, но, по-моему, он не

лукавил. Многое из деяний тех далеких теперь лет ушло в прошлое и уже припорошено пеплом времени.

Вообще вопросом, как быть с семьей Лыковых, занималась власть, и в 1951 году было принято решение найти их, поселить на кордоне заповедника и зачислить Карпа Осиповича в штат наблюдателей. И эта работа поручалась руководству заповедника. Но об этом мы уже знали в 1951 году. Меня удивило другое. Чижигов рассказал мне об одном человеке, который в то время интересовал органы. Оказывается, я его знал, и сказал ему об этом. Чижигов посмеялся и ответил, что вот и хорошо, что ты об этом не знал, тебе тогда многое нельзя было знать. Человек этот ни в чем повинен не был, поэтому его и не трогали. Вот такие превратности судьбы.

Если говорить по существу, то это сейчас, когда я описываю события тех далеких теперь лет, многим может показаться, что тогда только и дел было, что думать и говорить о Лыковых, проводить совещания, рассуждать, как быть, как поступить и т. д. На самом деле жизнь шла своим чередом. О Лыковых вспоминали редко, и он практически не интересовал никого. И если бы не заповедник, то никто бы и не вспомнил о них.

Один из жителей поселка Кишинев, где проживают родственники Лыковых, сказал мне:

– Никто их в тайгу не гнал, сами ушли, – и, подумав, добавил, – Лыковы мученики, в тьме жили и уйдут в забвенье. Но здесь можно возразить, что Лыковы своим отшельничеством, своим образом жизни, при полном отсутствии контактов с людьми привлекали всеобщее внимание. Случай действительно уникальный.

О них узнали в других странах мира и, «по горячим следам», много писали, много говорили, но постепенно страсти улеглись и успокоились. Пройдет время, и о них забудут, и вспоминать будет некому. Другие глобальные события вытесняют – «дела давно минувших дней». И останется все это в литературных источниках и в архивах.

Люди с пониманием отнеслись к трагедии семьи Лыковых и искренне старались хоть чем-то, хоть как-то помочь этим людям это свойственно русской душе. И факт свершился. Лыковым помогли и помогают оставшейся одинокой в этой жизни Агафье Карповне. Мир не без добрых людей, и слава Богу.

Сейчас главное – устроить жизнь в многострадальной России так, чтобы не бояться завтрашнего дня, и самое важное, чтобы не было у людей желания бросить все и уйти куда глаза глядят. Именно в России есть все возможности, какие только существуют для того, чтобы обеспечить для всех без исключения здоровый

образ жизни и чтобы по всей России царило изобилие всего.

Заканчивая свое повествование, хотелось бы сказать, что я умышленно не касался вопросов внутренней жизни этой семьи. Все практически ушло в прошлое, и сейчас ворошить это прошлое, заглядывать в их личную жизнь было бы не совсем правильно с моей стороны, да и, наверно, некорректно. Их внутренние дела такие же, как у большинства семей русских крестьян. Лыковы, как и многие крестьянские семьи, будь то староверы или «мирские», были трудолюбивы, честны, но самое главное, любили свою землю и, как я уже говорил, радели за свою Родину – Россию. Им были свойственны все качества русского характера. Лыковы были не запятнаны ни в чем. Единственное, что их отличало – это их жизненный путь. Упрекать сейчас Карпа Осиповича с его твердым характером в правильности принимаемых им решений было бы несправедливо только лишь потому, что этот вопрос можно задать всем, а правильно ли принимались решения там, вверху, в те далекие теперь годы, по отношению к большинству населения державы. Но все ушло в прошлое. Главное – не повторять сейчас ошибок, коих столько нагородили, что и не счесть.

Хотелось бы в заключение пожелать этой одинокой, доброй женщине – Агафье Карповне Лыковой – здоровья и многие лета. Пусть всегда светится огонек в ее затерянном в суровой тайге домике как негасимая лампада, в напоминание всем живущим о царившем произволе на великих просторах многострадальной России, унесшим многие жизни.

Да хранит ее Бог.

Литература

1. История русского раскола. Составил преподаватель Олонецкой духовной семинарии, олонецкий епархиальный миссионер священник К. Плотников. Петрозаводск «Северная скоропечатная» р.г. Кац 1898 год.

2. В.М. Песков. Таежный тупик. Москва 1990 год. «Молодая гвардия» Кроме этого использовал рассказы очевидцев и личные наблюдения.

Заимка Агафы в долине р. Бол. Абакан

Дом и надворные постройки

Агафья на рыбалке

Заготовка рыбы впрок

Копка картошки

Гости в жилище Агафьи

Пять минут отдыха

Нечастые гости

Очередное послание в «мир»